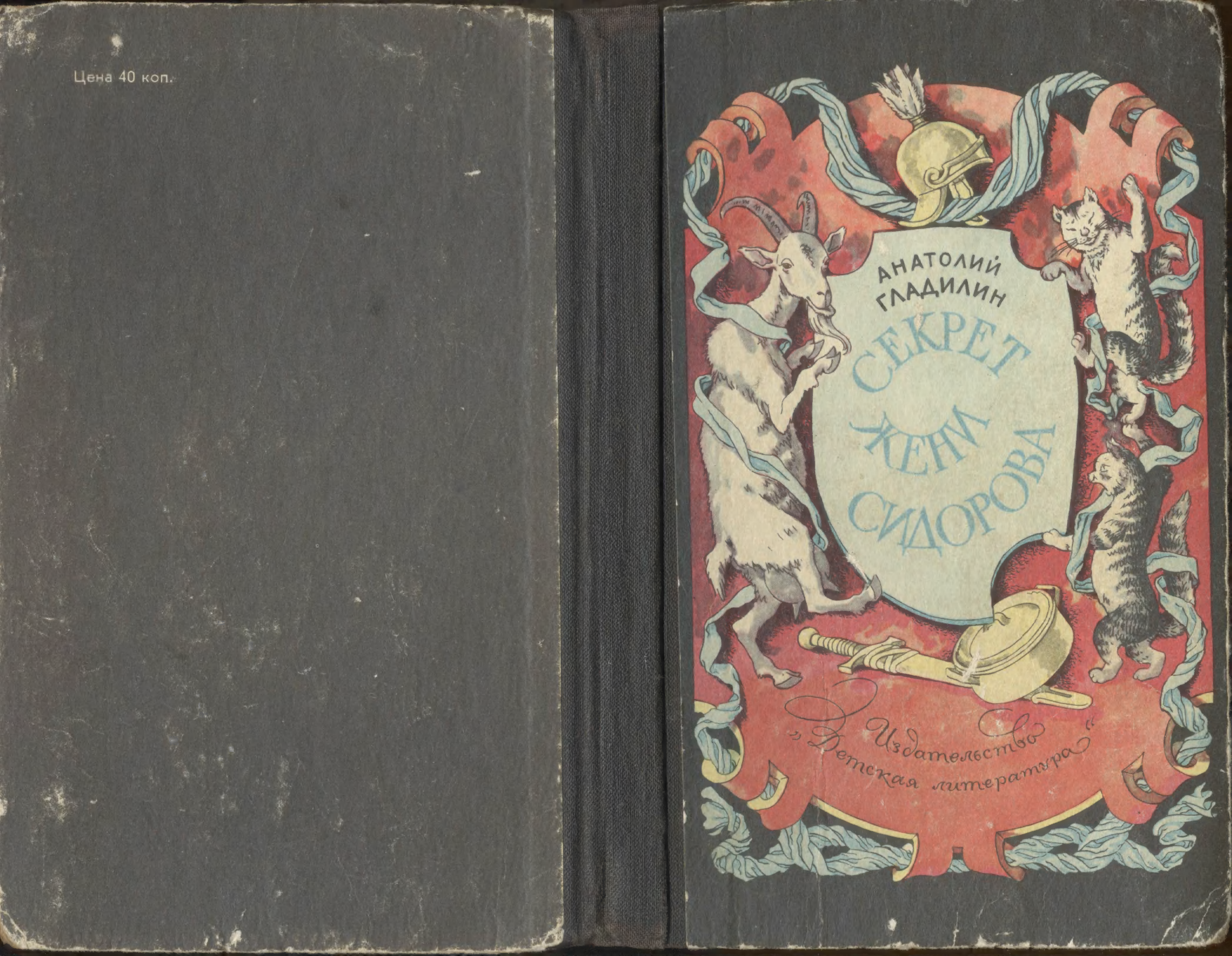

Цена 40 коп.
Анатолий Гладилин
Секрет Жени Сидорова
Издательство „Детская литература"

АНАТОЛИЙ ГЛАДИЛИН
СЕКРЕТ
ЖЕНИ СИДОРОВА
(ПОЧТИ ДОСТОВЕРНАЯ
ИСТОРИЯ)
Москва
„Детская литература"
1975

Р2
Г52

Приключенческая повесть-сказка, в которой смешались реальная жизнь и самые невероятные происшествия. Началось все с того, что пятиклассник пионер Сидоров получил возможность путешествовать на волшебной тележке («машина времени») в различные исторические эпохи.

ПОВЕСТЬ-СКАЗКА

Рисунки Л. Фалина

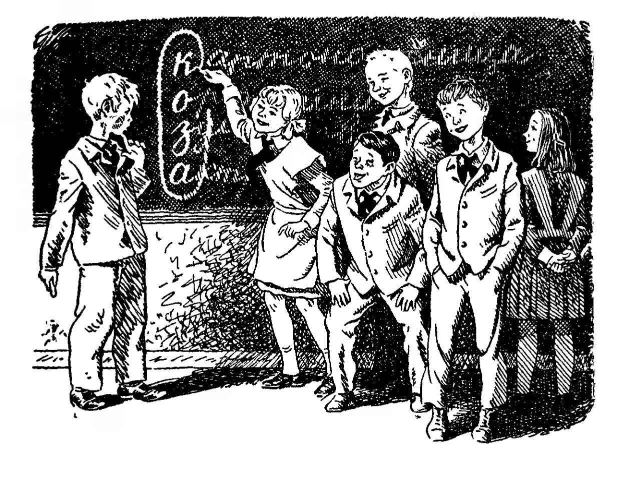
Гладилин А. Т.

Г52 Секрет Жени Сидорова. Приключенческая повесть-сказка. Рис. Л. Фалина. М., «Дет. лит.», 1975.

192 с. с ил.

Повесть о приключениях пионера Сидорова, который путешествует на волшебной тележке («машина времени») в различные исторические эпохи

Г $\frac{70802-637}{М101(03)75}$ **Без объявл.** **Р2**

Глава I

Какое отношение имеет сидорова коза к пионеру Жене Сидорову?

Его одноклассницу Аллу знала и любила вся школа. Алла ежедневно теряла то ручку, то варежки, то шарфик, то фламастер. Бессмысленно было возвращать ей потерянное — найденная вещь через минуту оказывалась на полу или на лестнице. Если кто-нибудь из школьников хотел приобрести новый карандаш или ручку, ему совсем не требовалось отправляться в магазин: надо было походить за Аллой и подождать, пока из кармана ее фартука, куртки или из портфеля выпадет нужная вещь. Но чемпионкой она слыла по части

ключей: ключи от квартиры у Аллы пропадали примерно раз в два дня. Улица, по которой Алла ходила в школу, была буквально усеяна ключами. Недаром районный сборщик металлолома, дядя Евтихиан, ласково жмурился, завидев девочку. Ключи от Аллиной квартиры имели все жители ближайших домов, и часто Аллины родители, вернувшись с работы, заставали на кухне совершенно незнакомых людей — это соседи, замерзнув или промокнув по дороге в магазин, заходили погреться и отдохнуть. Не удивительно, что Алла пользовалась неслыханной популярностью.

Его одноклассник Вова Быстров был тоже весьма знаменит. Озорник, задира, двоечник, корифей «камчатки», он возбуждал у каждого учителя неодолимое желание перевоспитать трудного ученика, так сказать, блеснуть своими педагогическими талантами. Быстрова склоняли на всех педсоветах и собраниях, спрягали с дополнительными заданиями, извлекали корень зла из его поведения, вычитали из здорового коллектива, возводили в квадратную степень скверное влияние улицы, прибавляли слабый домашний контроль, определяли долготу и широту характера — словом, Быстров являлся сущей находкой для специалиста любого профиля.

А Женя Сидоров, круглый отличник, пожиратель серьезных книг, поклонник телевизионной передачи «Химию — на поля», любивший смотреть только те фильмы, на которые дети до 16 лет не допускались,— так вот, Женя Сидоров прозябал в безвестности. Спрашивается, где же справедливость?!

Трудно жить человеку, фамилия которого обычно произносится как пример безликого ряда: Иванов, Петров или Сидоров. «Итак, дети, вот вам задача: трое мальчиков — Иванов, Петров, Сидоров — нашли на лужайке...», «Для меня все ученики равны — Иванов, Петров или Сидоров, я никому поблажки не делаю...» Причем Сидоров — всегда самый последний. Почему Сидоров, а не Попов, Алексеев, Зубов — ведь тоже распространенные фамилии?

Совсем неприятно, когда тенью за тобой следует бородатое, кудлатое, рогатое, блеющее, немытое существо — не родственница, не знакомая, но имеющая к тебе самое прямое отношение, ибо несколько веков назад выдрали именно козу Сидорова, и память об этом, в общем-то, рядовом событии живо сохранилась до наших дней.

— Женька, а где твоя коза?

Ну как отвечать на глупые вопросы? Отвернуться и с гордым видом уйти, не оборачиваясь!

Зато на уроках истории Женя чувствовал себя в центре внимания. Если кто-нибудь начинал «плавать» у доски, беспомощно махал руками, захлебываясь в датах и именах, то, естественно, взгляды ребят с надеждой и мольбой устремлялись прямо к Сидорову. Можно подумать, что он дежурный матрос по спасе-

нию утопающих! Когда родился Спартак? Когда Спартак пошел на Рим? Почему Спартак не договорился с морскими пиратами? Детские вопросы. Любой младенец ответит. И Вовка Быстров мог бы это выучить, если бы вчера читал про Спартака, а не смотрел целый вечер встречу по хоккею «Спартак» — «Химик».

— Женька, подскажи!

— Женька, не будьврединой!

— Женька, отдерем, как сидорову козу!..

Почему-то о козе Сидорова все помнят! И почему отодрали именно ее, а не козу Попова, Алексеева, Зубова или, на худой конец, козу Карла Великого?

Между тем папа Сидоров и мама Сидорова никогда не заводили в своем хозяйстве козы. Папа был потомственный токарь, мама — доктор наук, химик.

Еще в пятом классе Женя решил доказать ребятам, что злополучная коза Сидорова не имеет никакого отношения к его семье Сидоровых. Он начертил на доске схему:

Бабушка (мама папы) — картонажница.

Дедушка (папа папы) — оружейник.

Дедушка (папа мамы) — зубной врач.

Бабушка (мама мамы) — актриса.

— Ну,— торжествующе спросил Женя,— при чем тут коза?

— Как при чем? — завопила Алла, обрадовавшись, как все девчонки, если могут уличить вас в чем-нибудь неприятном.— Сложи заглавные буквы: картонажница, оружейник, зубной врач, актриса — получается КОЗА.

Вот проклятье!

Куда деваться?

Только в Историю! Если Жене удастся рас-

копать семейную родословную, то все увидят, что любой из Сидоровых, даже самый завалящий пра-пра-пра-пра-пра-пра-пра (в квадрате) прадедушка всегда обходил козу за три версты.

Целый год, начиная со второй четверти пятого класса, Женя штудировал учебники. Мифы Древней Греции, Плутарх, Тацит, Несторова летопись стали настольными книгами упрямого правдоискателя.

К сожалению, слава не баловала скромную фамилию Сидоровых. Летописцы и историки уделяли основное внимание Цезарям и Клеопатрам, Наполеонам, крестовым походам, войне Алой и Белой розы. О сельском хозяйстве того времени упоминалось вскользь, мелким шрифтом: дескать, были рабы, рабовладельцы, латифундии, феодалы, крепостные крестьяне.

Однако нет худа без добра. Пускай год ушел на бесплодные поиски, зато Древний Рим, феодальные века, буржуазные революции, Киевскую Русь, Московское княжество, образование Русского государства назубок выучил Женя Сидоров.

Сначала учительница Ирина Алексеевна ловила его на датах, по мелкому шрифту гоняла, факты из учебников для вузов выспрашивала. Не задумываясь, чуть побледнев от внутреннего напряжения, сыпал Сидоров даты и факты, и класс благоговейно молчал, а Ирина Алексеевна, наткнувшись на эту неприступную стену фантастической осведомленности своего ученика, выводила четвертную пятерку с плюсом в журнале. Потом (но это строго между нами) учительница поняла, что может извлечь прямую выгоду, раз у нее в классе такой вундеркинд. Как комиссия из роно — Сидоро-

ва к доске. Женя популярным языком излагает «Падение Римской империи».

Иногда, если в школе никакой инспекции не предвиделось, учительница просила Женю повторить домашнее задание. Сидоров шпарит урок, словно лекцию читает.

Вообще-то Ирина Алексеевна была женщиной замечательной. Мастер спорта по стоклеточным шашкам, садовод-любитель (ей удалось вырастить редкий сорт декоративной редиски, которую экспонировали на ВДНХ), путешественница — словом, школа гордилась ею.

Да, Женю Сидорова окружали замечательные люди.

Но Женя, ревнивый к чужой славе, нашел и в учительнице единственный недостаток: не очень-то любила Ирина Алексеевна древнеримскую историю. Однажды, после классного часа, учительница чистосердечно призналась своему выдающемуся ученику, что, дескать, когда дело дойдет до декабристов, вот тогда она развернется, расскажет массу полезных вещей.

— История подарила нам прекрасные сюжеты,— говорила учительница.— Лжедимитрий и Марина Мнишек, Робеспьер и Мария-Антуанетта, ах, об этих людях можно читать бесконечно! А завоевание Ермаком Сибири, покорение целины—какие волнующие страницы!

* * *

Так уж устроена человеческая натура — важные дела люди склонны забывать и помнят иногда какие-то ненужные мелочи. Вот только что Сидоров пол-урока рассказывал о Фарсаль-

ской битве. Класс сидел затаив дыхание — так всех захватил ход сражения. Но прозвенел звонок, все высыпали в коридор, и о чем, спрашивается, разговоры?

— Вовка Быстров стекло у соседа разбил. Выстрелил из рогатки.

— Вот это да! А мать уши ему надрала?

— Нет, когда сосед пришел жаловаться, она ему справку показала: это не Вова, Вова болен был, у него ангина.

— Ловко устроился!

Или:

— Алка вчера сапоги потеряла.

— Забыла?

— Да нет, заболталась с Машей Мусиной. О космонавтах спорили. Так увлеклись, что не заметили, как сапоги расстегнулись. В одних носках притопала.

Или:

— Сегодня «Крылышки» врежут «Динамо»!

— Это еще посмотрим.

— Чего смотреть, штук шесть накидают!

И никто, никто не вспоминал о Фарсальской битве!

Носятся как угорелые — за пирожками в буфет побежали... Сережа Фрейман приближается. Лицо озабоченное. Умный мальчик.

— Сережа, почему так говорят: «Носятся как угорелые?» Угорелые — это больные. Они должны лежать.

Сережа значительно морщит лоб. («Ну, спроси меня про Гнея Помпея! Все расскажу!») Сережа задумчиво теребит кончик пионерского галстука. (Сейчас скажет: «Здорово ты диспозицию показал!»)

— Наверно, в прежние времена слово «угорелые» обозначало не «угар», а «обгар». Носятся как обгорелые, понял?

— Верно! Многие пословицы, поговорки теперь имеют иной смысл, чем раньше.

— «Пришел, увидел, победил» — это же не бахвальство, а просто короткое донесение.

— «Сила солому ломит». Крестьянина звали Силой. Сил Силыч. Он убирал солому.

— Точно подмечено. («Ах, как приятно потолковать с достойным собеседником!») До наших дней помнят: «Квинтилий Вар, верни легионы!»

— Или: «Выдрали, как сидорову козу»...

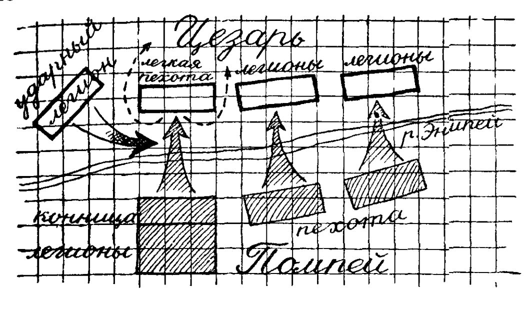
...Ну и ехидина! Не буду больше с ним дружить!

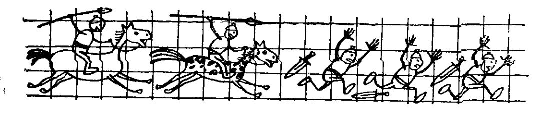
Ботаника. Учительница Раиса Яковлевна про тычинки и пестики объясняет. Зачем мне тычинки и пестики, когда я, Женя Сидоров, стою на пороге великой тайны! Ведь если бы Помпей выиграл битву... да, да, минуточку, сосредоточимся, итак: Помпей одерживает победу, Цезарь погибает. Помпея провозглашают диктатором, но на диктатора он не «тянет» — мелкая, суетливая личность. Значит, в Риме торжествуют республиканцы? Иной поворот истории! Не было бы императоров — не было бы империи.

А почему Помпей проиграл Фарсальское сражение? И легионов у него было больше, и конницы! Проиграл по глупости: думал Цезаря голыми руками взять. Сейчас мы восстановим картину.

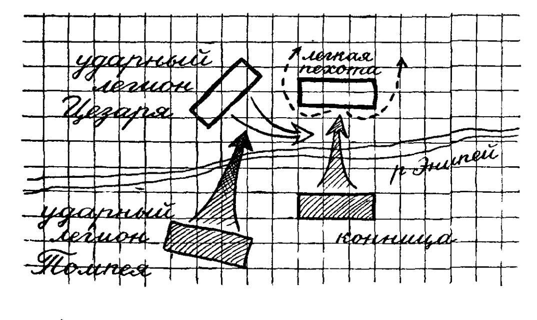
Помпей двинулся на Цезаря. Левый фланг смял легкую пехоту и бросился преследовать отступающих. Тут ему сбоку ударили отборные

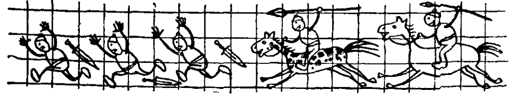
войска Цезаря. От неожиданности легионы **Помпея** растерялись и побежали.

А надо было:

Поясняю: ударный легион Цезаря атакует слева наступающие войска. А ему во фланг ударяет из засады отборный легион Помпея, и тогда бежит Цезарь.

Всё очень просто!

Значит, если бы нашелся умный человек, который посоветовал бы Помпею не бросаться сразу всем левым флангом, а оставить хоть один легион в резерве — и не было бы династии Цезарей. Тогда появилась бы династия Помпеев? Ладно, это еще надо доказать. Почему же дельного совета вовремя не дали? Кто-нибудь мог бы сообразить! Прав Вовка Быстров: на военных советах надо сидеть, а не возлежать. Видимо, этот умный человек возлежал, возлежал, пригрелся и заснул. А когда проснулся, сражение началось. Поздно. «Братцы, что вы делаете? — закричал умный человек.— Глупо вводить в бой все войска!» А ему ответили: «Много ты понимаешь! Смотри, проклятые цезаряне уже пятки показали». И Гней Помпей от него отмахнулся, побежал примерять лавровый венок. Тем временем перешел в наступление ударный легион Цезаря. Удивленные помпеянцы сразу сдались в плен, а умный человек сел на траву и заплакал...

— Сидоров, да ты заснул, что ли?

— Нет, Раиса Яковлевна, я... задумался!

— Повтори домашнее задание.

— Ну это, как их... Пычинки и тестики.

Естественно, класс со смеху под парты сползает. Ботаничка разгневана:

— Сидоров, ставлю в журнал двойку!

...Теперь канючь, как Быстров: «За что двойку?»

* * *

Двойка по ботанике испортила отметку за полугодие. В четверти вывели «три». Мама разозлилась и сказала:

— Никаких елок и кино! Поедешь на дачу к моим родственникам. Будешь все каникулы изучать ботанику.

Вечером, сквозь сон, Женя услышал разговор взрослых.

— Мальчик утомился! — говорил папа.— Телевизор и книги совсем ему голову замутили. Вот выброшу телевизор в окно.

— Пускай на лыжах походит,— отвечала мама.— Это полезно. А телевизор не трогай. Новый купим, так сразу изображение пропадет, потом звони в гарантийную мастерскую...

«Ишь какие заботливые,— подумал Женя,— их мое здоровье волнует! А телевизор поменять боятся! Ну и поеду, не впервой. Жалко, пропадут билеты в Колонный зал. Вот возьму и умру на даче со скуки!»

И, удивленный тем, что нашел способ отомстить папе и маме, Женя заснул.

Глава II

Эхо исторических битв на тихой подмосковной даче

На зимней даче (место ссылки нашего героя) жили дядя Вася и дядя Жора. Оба были усаты и немножечко полосаты (неровные линии загара, что ли?). У каждого был кот, тоже усатый и полосатый. Дядя Жора своего кота

звал Васькой, а дядя Вася своего кота, соответственно, Георгием. Коты часто дрались, оглашая ночную тишину воем и мяуканьем. Дядя Жора и дядя Вася, наоборот, дружили.

Дядя Жора работал садовником и продавал на базаре яблоки из своего сада, которые почему-то назывались «приключения».

Дядя Вася чинил старые «Запорожцы» и иногда улетал на самолете (хобби у него было такое: дважды он так высоко поднялся, что ему было все равно куда поворачивать — к Луне или к Земле, расстояние до обеих планет оказалось одинаковым, но дядя Вася вовремя вспомнил, что забыл выключить дома электроутюг,— пришлось срочно поворачивать на Землю).

Вообще оба дяди вели загадочный образ жизни. Иногда дядя Жора высовывался из калитки с секундомером в руках и следил по секундной стрелке, как быстро прохожие проходят или собаки пробегают улицу от угла до угла (это называлось у него: «засекать четверть»). Он клялся, что самую «лучшую четверть» показывает его кот Васька.

Что касается дяди Васи, то в последнее время его обуяла страсть бегать трусцой, он занимался этим видом бега с увлечением и пробегал ежедневно километров десять. Соседи утверждали,

что дядя Вася стал молодеть не по дням, а по часам и выглядел лет на тридцать, в то время как совсем недавно ему можно было дать все девяносто.

Последний раз Женя был на даче в конце лета. И вот, когда 30 декабря мама привезла его к своим родственникам...

Так скучно вспоминать эту поездку, встречу, никчемные разговоры. («Женя, не простудись! Не глотай снег! Не выбегай босиком на двор! Мой руки! Не уходи далеко от участка!») Сил нет, тоска зеленая. Мама, доктор наук, делала все методично и добросовестно. Она убралась в комнатах, вынесла гору мусора. Коты — Васька и Георгий — в ужасе спрятались под кровать. Дядя Вася и дядя Жора смущенно шмыгали из комнаты в комнату, хмыкали, кашляли.

— Пора, мой друг, пора,— убитым голосом шептал дядя Вася.

Дядя Жора некстати затянул: «На дальнем юге, в городе Стамбуле» — за что тут же получил выговор от мамы: нечего учить ребенка вздорным песням.

Наконец маму проводили до электрички. По дороге мужчины с фальшивым энтузиазмом насвистывали популярный шлягер: «Хочешь миллион?» — «Нет!» — «Хочешь в турпоход?» — «Да!»

Электричка рыкнула басом. Мужчины, включая Женю, трусцой поспешили в продмаг (причем дядя Жора «засек четверть» и заявил, что резвость они показали приличную). В продмаге купили бутылку шампанского и бутылку малинового сиропа.

Дома застали такую картину: на столе си-

дели кот Васька и кот Георгий. Они не спускали глаз с неначатого пузырька валерьяновых капель. Коты заговорщически урчали.

Женя почувствовал: сейчас что-то будет.

Но дядя Жора запер бутылки и пузырек с валерьянкой в шкафчик, пояснив: «Это на Новый год!» Дядя Вася и Женя понимающе кивнули, а коты, обиженно фыркнув, спрыгнули со стола.

* * *

В саду под снегом притаились цветы, которые вдали от мирской суеты решили перезимовать, чтоб к весне, отдохнув и успокоившись, расцвести пронзительно яркими красками. Кусты высовывались из сугробов, деловито и сосредоточенно сохраняя замороженные соки. Почки на деревьях сладко спали в ожидании ласкового майского солнца. Где-то у забора, под глубоким сугробом, в пожухлой траве, пестики и тычинки заранее договаривались о летнем свадебном обряде—кого с кем и когда познакомит какая-нибудь бабочка или пчела. Словом, стоило только спуститься с крыльца, как Женя мог погрузиться в море ботаники, войти, так сказать, в прямой контакт с живой и несколько подмороженной природой. Вероятно, именно об этом мечтала суровая ботаничка Раиса Яковлевна, вероятно, на это надеялась мама, педантичный доктор наук.

К счастью для двух уважаемых женщин, они не подозревали, что происходило вечером 30 декабря на уютной, тихой даче...

Стол в большой комнате был отодвинут, на полу мелом прочерчена полоса, обозначающая

Энипей, и уже несколько часов шло Фарсальское сражение.

Дядя Вася был Цезарем. Тарелки и чашки, выстроившись в линию за «рекой», заменяли ему легионы. Кот Георгий выглядывал из-под кровати, исполняя роль ударного отряда.

Дядя Жора (Гней Помпей) сформировал свои войска из кастрюль и сковородок. Его тяжелые «когорты» явно превосходили хрупкий фронт обороны Цезаря.

Перед началом битвы Женя подробно растолковал дяде Жоре роковые последствия ошибок, которые допустил Гней Помпей при Фарсале. Дядя Жора понимающе кивал, а дядя Вася скромно отводил глаза, делая вид, что ничего не слышит. Диспозиция была проста: левый фланг дяди Жоры (большая алюминиевая кастрюля) теснит легкую пехоту (две чашки) дяди Васи, засадный полк Цезаря (кот Георгий) бросается на кастрюлю, а тут на него сбоку с сокрушительным ударом налетает кавалерия Помпея (кот Васька). Кажется, что может быть яснее? Однако, как только Женя объявлял театр военных действий открытым, на левом фланге происходила путаница. Дядя Жора, согласно диспозиции, двигал вперед алюминиевую кастрюлю. Чашки дяди Васи покорно «отступали», но каждый раз, не дождавшись условного сигнала, вслед за кастрюлей мчался кот Васька (конница Помпея), а на него сбоку налетал разъяренный кот Георгий, обращая своего противника в постыдное бегство. Снова репетировали, но недисциплинированность «конницы» срывала тонкий стратегический замысел.

Между полководцами возникла перепалка.

— Ты, Вася, побеждаешь,— обиженно заявил дядя Жора,— потому что моя «кавалерия» не подчиняется моим приказам.

— Наведи порядок в своих войсках! — надменно парировал дядя Вася.

— Рад бы, но в кастрюле обычно варится мясо, вот Васька за ней и прыгает.

— Дисциплина — залог успеха. Мой Георгий более хитер.

Разговор принимал странный оборот. Видимо, дяди настолько увлеклись игрой, что каждый почувствовал себя и в самом деле римским полководцем.

— Тебе, Цезарь, просто повезло! — гордо заявил дядя Жора.

— Ты, Помпей, не сумел сломить своеволие аристократов,— парировал дядя Вася.

— Мои славные когорты сокрушили парфян!

— Подумаешь,— усмехнулся дядя Вася,— велика честь — побеждать отсталые государства! Я привел свои легионы из Цезальпинской Галлии.

— Восемь легионов, более половины римского войска, стали под мои знамена, уважаемый Цезарь!

— Бедный Помпей Великий! Вспомни историю: как только твои армии видели моих солдат, они обращались в постыдное бегство. И так каждый раз.

Женя, совершенно ошарашенный, слушал этот загадочный диалог. Наконец дядя Жора и дядя Вася, словно опомнившись, заметили присутствие мальчика. На их лицах появилась сконфуженная улыбка.

— Извини, Женечка,— смущенно залепетал дядя Вася,— мы малость увлеклись. Время ужинать. Пора, мой друг, пора...

— «На дальнем юге, в городе Стамбуле...» — совершенно не к месту затянул дядя Жора, потом сбился, помолчал и уже другим голосом, деловито и как будто безучастно, объяснил: — Мы проиграли потому, что я не засек резвость продвижения наших войск.

Дядя Жора вытащил секундомер, щелкнул переключателем:

— Учтем ошибку. В следующий раз, Женя, победа будет за нами.

Скромный холостяцкий ужин. Без телевизора. Но кто бы мог предположить, что вечер пройдет так интересно! Правда, Женя рассчитывал, что дяди расскажут что-нибудь занимательное из своей полной приключений

жизни. Однако сперва разговор не очень клеился.

— Может, откроем что-нибудь возбуждающее? — неуверенно спросил дядя Жора.— Например, бутылку малинового сиропа.

Дядя Вася был неумолим:

— Нет, новогодние запасы нельзя трогать.

И тогда заговорил Женя. С некоторой робостью он высказал свои замечания относительно знаменитых деятелей прошлого, и его не прерывали, наоборот, слушали мальчика со все возрастающим вниманием. Женя ждал, что вот-вот последуют привычные мамины фразы: «Не болтай глупостей!», «Сначала прожуй, а потом говори!» Нет, даже коты сели рядышком и навострили уши. Что может быть приятнее откровенной беседы, когда взрослые внимают тебе, как равному! Женя почувствовал прилив вдохновения. Наконец-то он нашел людей, которые по достоинству оценили его ум и знания!

— С точки зрения разума, мне даже стыдно за такие легкомысленные повороты судьбы,— ораторствовал Женя.— Стоило маршалу Груши заблудиться в незнакомой местности, как был свергнут император Наполеон. Погибла великая империя! А если б в ночи заплутал не французский маршал, а прусский генерал Блюхер?

— «Стыдно за легкомысленные повороты судьбы»,— повторил дядя Вася и толкнул дядю Жору в бок.— Каков слог?!

— Растет молодежь! — одобрительно кивнул дядя Жора.

— Колумб испытывал материальные затруднения,— продолжал Женя,— потому орга-

низовал экспедицию за золотом в Индию. Он искал золото, а нашел Америку. Теперь представьте себе, что Колумб неожиданно получил богатое наследство. Спрашивается: кто бы открыл Америку? Правда, не было бы американского империализма, но зато Олимпийские игры лишились бы такой популярной игры, как баскетбол. А дети никогда не прочли бы «Хижину дяди Тома».

— Здорово ты отбрил империалистов! — сказал дядя Жора.

— Мыслитель,— подтвердил дядя Вася.

Кот Георгий восхищенно мяукал, кот Васька выгнул спину.

— Да взять, к примеру, Фарсальское сражение,— не унимался Женя.— Одна лишь стратегическая ошибка Помпея привела к диктатуре Цезаря. У Помпея была сильнейшая армия и могущественный флот. По логике вещей он должен был разгромить Цезаря. А что получилось? Помпей настолько уверился в успехе, что отнесся к решающей битве спустя рукава. И Цезарь просто перехитрил своего противника.

Дядя Вася развел руками и потупился, а дядя Жора погрозил ему пальцем.

«Вероятно, дядя Жора делает знак дяде Васе, чтоб тот меня не прерывал»,— подумал Женя и углубился в историю Рима:

— По несчастному стечению обстоятельств, киликийские пираты оказались жуликами и нарушили договор со Спартаком. Если б Спартаку удалось вывезти восставших рабов из Италии, возможно, они бы основали где-нибудь в Африке первое свободное государство. Увы, человечеству пришлось ждать два тысячелетия! Цезарь поленился вскрыть конверт перед

входом в Сенат, и его убили. Извиняюсь, конечно, то был не конверт, а свиток папируса. Неважно. Главное, что он не успел прочесть записку. Не будь убийства, не было бы и империи. Ведь Цезарь отверг царскую корону. Он хотел всего лишь пожизненной диктатуры. Вообще в Риме происходила масса нелепостей. Возможно, никогда бы не было никакого Рима, если бы вместо гусей, которые спасли этот город, в клетках находились куры или какая-либо другая водоплавающая дичь.

Дядя Вася зааплодировал, а дядя Жора насупился.

— Ты недооцениваешь, Женечка, железный характер римских граждан,— сказал дядя Жора.— Муций Сцевола перед лицом вооруженных варваров прижег факелом свою правую руку. В этом поступке проявился истинный дух римлянина.

— Да он просто поскользнулся и упал в костер,— проговорил дядя Вася,— а потом, чтоб оправдаться, выдумал легенду с факелом.

Но Женя, увлеченный внезапно пришедшей мыслью, не придал значения этому спору. Он вспомнил про Красса:

— Кстати, если б Красс не попал в засаду и не погиб, может, триумвират так и не распался, и не было бы гражданской войны.

Тут дядя Жора и дядя Вася одновременно состроили кислые гримасы, и оба кота пренебрежительно фыркнули.

— От Красса вечно несло чесноком,— сказал дядя Вася.

— Да он был просто пройдоха и к тому же на руку нечист, твой Красс,— добавил дядя Жора.

— Почему мой? — возмутился дядя Вася.

— А откуда вы знаете все это про Красса? — настороженно спросил Женя.

Взрослые, как показалось Жене, слегка смутились, переглянулись, затем дядя Жора достал секундомер, щелкнул переключателем и озабоченно глянул на стенные часы:

— По-моему, мы заговорились. На дальнем юге, в городе Стамбуле, уже ложатся спать.

— Пора, мой друг, пора,— подтвердил дядя Вася.— А историю мы тоже изучали в... в...

— В казанской средней школе,— подсказал дядя Жора.

— И, помнится, историчка как-то влепила нашему Жорику двойку.

— Только гадости ты и помнишь,— процедил сквозь зубы дядя Жора и, повернувшись к мальчику, ласково улыбнулся: — Женечка, ты говорил удивительно интересно. Но в жизни все гораздо сложней. История человечества, как известно, развивается...

— Чтоб на более высоком уровне повторять те же ошибки,— ехидно перебил его дядя Вася.

— Довольно портить ребенка! — строго заявил дядя Жора.

— Вы, дядя Вася, неудачно пошутили по поводу истории,— сказал Женя.— Действительно, человечество развивается, совершенствуется, но ошибок не повторяет.

— Это разговор долгий,— вмешался дядя Жора,— а время позднее, пора спать... Завтра договорим. Даю тебе тридцать секунд на все дела,— продолжал он, обращаясь к Жене.— Галопом в постель!

Коты сладко зевнули. Дядя Жора включил секундомер.

«Ну и забавные у меня родственники,— думал Женя, ворочаясь под одеялом.— С ними не соскучишься! Только из-за чего они ссорятся? Наверное, дядя Вася получал одни пятерки, а дядя Жора до сих пор простить ему этого не может».

Из другой комнаты донеслись тихие голоса. Оба дяди проникновенно пели: «Если б знали вы, как мне дороги подмосковные вечера...» Коты мурлыкали аккомпанемент. Музыка убаюкивала.

* * *

Новогодний стол был уставлен стаканами с компотом, блюдечками с мороженым и вазами с леденцами. К великой своей радости, Женя не обнаружил ни одной тарелки с супом, с котлетами или с картошкой — только сладости. Стенные часы пробили одиннадцать. Дядя Вася и дядя Жора заняли свои места, на коленях у них чинно устроились коты, Женя поднял свой бокал, как вдруг...

Дверь без стука распахнулась, и в комнату ввалилась шумная компания: Алла, Вова Быстров, Сережа Фрейман и небольшого роста Дед-Мороз с белой бородой, закутанный в тулуп, в высокой шапке.

«Здравствуйте,— сказал Вова.— Мы отправились на елку, но трамвай случайно потерял один рельс и привез нас прямо к вам на дачу».

«Трамвай случайно заблудился,— сказала Алла.— Странный какой-то трамвай. Один рельс он потерял и покатился по другому, как конькобежец на коньке, причем все время ехал

не в ту сторону. Попали сюда неизвестно как! Извините за беспокойство!»

«В вагоне случайно к нам пристал Дед-Мороз,— сказал Сережа,— хороший дедушка, тихий».

Женя удивленно протирал глаза: как ребята нашли эту дачу? Что теперь делать — хватит ли на всех компота? Мудрый дядя Жора не растерялся:

«Женечка, что ты стоишь? Приглашай гостей к столу!»

«Случайный гость — праздник в доме!» — сказал дядя Вася.

Кот Георгий испуганно мяукнул, потому что Быстров случайно дернул его за хвост. Кот спрыгнул с колен дяди Васи и выскользнул за дверь. За ним бросился Быстров — извиняться.

Тем временем Алла, на правах единственной представительницы женского пола, начала хозяйничать за столом. Она переставляла чашки, блюдца и тут же растеряла половину конфет. Что бы Алла ни брала в руки, все сразу же исчезало. Потом Алла захотела погладить кота Ваську, но кот, не желая быть потерянным, стремглав вскарабкался на занавеску.

Сережа невозмутимо уплетал мороженое, затем отодвинул пустое блюдечко и лишь тогда заметил, что на столе, благодаря Аллиной уборке, ничего не осталось.

«Да,— вздохнул Сережа,— совершенно случайно встретим Новый год на даче. Может, Дед-Мороз нас чем-нибудь развеселит?»

Дед-Мороз помотал бородой и как-то очень нехорошо посмотрел на Женю.

«Он обиделся, что мы не помогли ему раздеться»,— догадался Женя и ухватился за шапку и тулуп. Старичок недовольно кряхтел, Женя тянул что было сил, и вот шапка оказалась у него в кулаке, тулуп упал на пол, и перед всей честной компанией предстала... коза. Женя с ужасом узнал «родственницу».

«Бе-е...» — проблеяла коза и легонько боднула мальчика в живот.

...Вероятно, Женю разбудил кот Васька, который прыгнул к нему на одеяло. Кот мурлыкал как ни в чем не бывало и умывал уши, а Женя недоуменно тер глаза. Надо же, приснится такая ерунда!

В комнату заглянул дядя Жора:

— Как спалось? Порядок? Завтрак на столе.

После завтрака дядя Жора занялся приготовлением новогодней трапезы, а дядя Вася сделал несколько дыхательных упражнений по системе йогов и, как бы между прочим, предложил мальчику:

— Устроим маленькую пробежку?

— Эх, дядя Вася,— вздохнул Женя,— если б вы знали, что мне приснилось...

— Неужели опять из истории? — испуганно прошептал дядя Вася и оглянулся на дядю Жору.— Разгром Помпея при Фарсале, да?

— Нет, хуже.

— Хуже не бывает,— авторитетно заметил дядя Вася и, повеселев, спросил другим тоном: — Как ты думаешь, в чем секрет военных успехов Цезаря?

— В стратегии, тактике,— бойко начал перечислять Женя.

Но дядя Вася прервал его:

— Эх, начитался ты книг, а главного не понял: Цезарь любил бегать. Не веришь? Но ведь это факт, что его легионы передвигались в два раза быстрее, чем любое войско противника. Да, да, своих солдат он заставлял заниматься спортом.

— Велико искусство,— фыркнул Женя.

— Пойдем попробуем.

Женя держался за дядей Васей несколько кварталов, но потом дядя Вася увеличил скорость, и через минуту его спина скрылась за дальним поворотом. Вконец задохнувшись, Женя остановился. Кололо в боку, ноги подгибались. Пот застилал глаза.

Обратно на дачу Женя шел медленно, прихрамывая, по дороге размышляя о том наглядном уроке, который дал ему дядя Вася. Ведь вот как, товарищи, получается: с одной стороны — судьба, фатум, ошибки, случайности, а с другой стороны — все дело в элементарной физической подготовке. Если вправду Цезарь бегал так же, как дядя Вася, то кто же за ним мог угнаться?

На кухне дядя Жора продолжал крутить мясорубку (увы, без котлет можно было обойтись только во сне).

— Нагулялся? — спросил дядя Жора.

— Когда дядя Вася вернется? — осторожно осведомился Женя.

— Добежит до Рязани, к обеду появится. А ты времени не теряй, пойди наруби капусту.

Женя вспомнил сегодняшний странный сон и рубить капусту категорически отказался.

— Лучше я почищу картошку,— заявил мальчик.— Чистить картошку — моя страсть.

И никто из ребят не был свидетелем этого героического поступка. Потом в классе расскажешь — не поверят.

Глава III

Новый год с приключениями

Котлеты жарились на сковородке, распространяя по всей кухне аппетитный запах. Кот Васька норовил вспрыгнуть на плиту — уж очень ему не терпелось отведать кушанья, но дядя Жора, возившийся у кухонного столика, останавливал его словами:

— Вася, наберись терпения, а то сделаем новое блюдо — «суп с котом».

Пристыженный Васька отходил в угол, где чинно мурлыкал благовоспитанный кот Георгий.

— Женя,— сказал дядя Жора, шинкуя капусту,— сбегай в кладовку и принеси соленых огурцов.

— А где кладовка?

— Георгий покажет дорогу — Василий Палыч его здорово выдрессировал. Георгий, хочешь сметаны? — обратился дядя Жора к коту.

Георгий забил хвостом и выскочил за дверь. Дядя Жора удовлетворенно хмыкнул.

Кот Георгий, задрав хвост и пофыркивая, шел по узкой тропинке, протоптанной к дальнему концу участка. Тропинка обрывалась около огромной заснеженной ели. Только сейчас Женя обратил внимание на это дерево: ель, стройная красавица, напоминала серебристую космическую ракету, устремленную ввысь. У Жени даже мелькнула шальная мысль: вдруг это и впрямь настоящая ракета, замаскированная под ель (не будем удивляться: известно, что мальчишки могут вообразить бог знает что).

В двух шагах от дерева (конечно, это была ель, а не замаскированная ракета — Женя посмеялся над своей вздорной фантазией) виднелась маленькая дверца — вход в погреб. Мальчик открыл дверь, и в погребе сразу же зажглась лампочка, а кот прошмыгнул вовнутрь. Женя спустился по ступенькам.

Погреб как погреб: кадка с капустой, несколько связок книг, банки с грибами и огурцами. А вот и банка со сметаной, к которой деловито направился Георгий... Остро пахну́ло плесенью и луком. В задней стене погреба имелась еще одна дверца, похожая на овальный люк, однако внимание мальчика привлек старый телевизор, опутанный проводами, уходящими куда-то в землю. На крышке телевизора лежала стопка журналов «Рационализатор и изобретатель». Женя полистал страницы. Формулы, расчеты, карандашные пометки на полях. Ничего интересного. Вот если бы работал телевизор... Утром Женя изучал в газете программу передач и вспомнил, что как раз сейчас по первой программе транслируется «Димка-невидимка», а по второй—повторяют фильм

«Большая перемена». Эх, посмотреть бы!.. Но что увидишь по этой развалине? Недаром папа и мама отослали Женю на дачу. Никаких телевизоров и прочих зрелищ...

Женя автоматически щелкнул выключателем, лампочка на потолке погасла, а экран ожил, и голубое сияние разлилось по погребу.

Изображение было предельно ясным и четким. Судя по всему, демонстрировали какой-то заграничный исторический фильм. Голос диктора (показавшийся почему-то знакомым) бесстрастно комментировал происходящее и переводил диалоги.

На экране возникла фигура воина в римской одежде. Воин улыбнулся, махнул рукой и исчез.

«Итак, Спартак договорился с киликийскими пиратами,— сказал диктор,— и вернулся в свой лагерь, не подозревая о готовящейся измене. Между тем к главарю пиратов явился другой разбойничий предводитель».

Две злодейские рожи, глядящие с экрана, явно не внушали доверия...

«...Спартак передает нам все серебро, захваченное у римлян,— хвастался первый.— Взамен я обещал перевезти его армию на двадцати галерах. Выгодная сделка!»

«Мой тебе совет,— процедил сквозь зубы второй,— немедленно подымай паруса и поворачивай на Крит».

«Почему не помочь храброму врагу Рима?»

«Потому, бестолочь, что, пока Красс и Лукулл заняты войной со Спартаком, нам ничто не грозит. Если Спартак покинет Италию, у римлян развяжутся руки, и они примутся за нас».

«Но разгневанный Спартак...»

«Тебе он не опасен. Его успехи временные. В Италии он обречен, а до Крита без нашей помощи ему не добраться. Понял?»

Заговорщики перемигнулись...

«Так вот почему киликийские пираты предали Спартака! — догадался Женя.— Жалкие глупцы! Как они прогадали! Им невдомек, что скоро Помпей соберет мощный флот и разрушит все пиратские береговые крепости. Но фильм хороший, правдивый. Эх, если б я мог встретиться с киликийцами и объяснить их просчеты!..»

Изображение запрыгало. Женя крутанул ручку, желая устранить помехи, в телевизоре что-то щелкнуло, экран погас, и зажглась верхняя лампочка.

Женя лихорадочно крутил ручки настройки. Телевизор молчал.

«Наверно, я сломал его!—ужаснулся мальчик.— Теперь влетит мне от родственников. И поделом — прежде чем включать, надо было спросить разрешения».

За спиной послышалось подозрительное чавканье. Женя обернулся. Кот Георгий, втиснув мордочку в банку, преспокойно пожирал сметану.

«И тут не уследил»,— огорчился Женя. Он шикнул на кота, прикрыл остатки сметаны крышкой, прихватил банку с огурцами и вместе с котом выскочил из погреба.

На крыльце дачи Женя задержался. Он стряхивал снег с ботинок, попутно придумывая, как объяснить дяде Жоре поломку телевизора. Сказать, что включил просто из любопытства? Естественно, начнут упрекать — де-

скать, надо было сперва спросить, как правильно пользоваться аппаратурой. Видать, телевизор-то не простой, работал без антенны. И журналы на нем лежали технические, специальные. «А вдруг дядя Жора и дядя Вася особый приемник изобрели? А я пришел и сразу все испортил. Нехорошо».

И тут Женя насторожился: из-за приоткрытой двери донеслось пение. Собственно, в этом не было ничего странного — мама обычно тоже пела, когда возилась на кухне. Но мальчика удивили слова, которые мурлыкал себе под нос дядя Жора:

Дорогой Квинтилий Вар,
Верни легионы!

Согласитесь, не часто услышишь такую просьбу от жителя родного Подмосковья!

Сзади хлопнула калитка. Дядя Вася, бодрый и элегантный, заканчивал свой традиционный пробег. В кухню они вошли вместе. Дядя Вася снял куртку, рубашку и долго полоскался под краном.

— Что нового в Рязáни? — спросил дядя Жора, не отрываясь от котлет.

Дядя Вася вытерся насухо полотенцем и весело отрапортовал:

— В Рязани растут грибы с глазами. Местная публика гоняется за рождественскими индейками. А индейки пристроились за мной. Отчаянно хлопали крыльями. Еле ноги унес.

За обедом дядя Вася продолжал рассказывать разные смешные нелепицы о птицах, которые играют в прятки; о грибах, которые глядят, когда их едят, и дядя Жора ласково улыбался в усы, и коты довольно урчали; один

Женя чувствовал некоторое разочарование.

«К чему эти забавные глупости?! Наверно, дядя Вася считает меня маленьким, вот и старается рассмешить. Разве нет более достойных тем для разговора? Например, буквально только что я узнал истинные причины предательства киликийцев. Нет, об этом сейчас нельзя говорить. Конечно, я не намерен отмалчиваться и честно откроюсь — да, виноват, сломал телевизор. Но лучше потом признаться, не стоит портить взрослым Новый год. Вчера мы не докончили спор о Цезаре и Помпее, а жаль...»

И, воспользовавшись паузой (дядя Жора раскладывал котлеты по тарелкам), Женя перевел разговор на серьезные рельсы:

— Так вот, при Фарсальском сражении Помпей, имея явное преимущество...

Женя развивал любимую тему минут двадцать и опомнился только тогда, когда заметил кота Георгия, уползавшего под кровать. Хвост кота Васьки торчал из бельевого шкафа. Дядя Жора стыдливо зевал, прикрывая рот ладонью; дядя Вася, подцепив вилкой корку хлеба, пилил ее ложкой, вероятно перепутав с котлетой.

— Как интересно,— сказал дядя Жора неестественным голосом, поймав взгляд мальчика.

— Весьма, весьма,— подтвердил дядя Вася.— Жалко, что не услышу конца рассказа. Мне надо срочно сбегать... Тут недалеко, в Калужскую область.

— Вредно сразу после обеда,— сказал дядя Жора и жалобно глянул на дядю Васю.

Корка выскользнула из-под ложки и отлетела в угол.

— Очень интересная история! — простонал дядя Вася.— Но дела в Калужской области...

— У нас дома... обычно принято,— начал дядя Жора несколько неуверенным тоном,— перед Новым годом обязательно все ложатся спать!

— Ура, мертвый час! — радостно подхватил дядя Вася.— Мертвый час — и никаких разговоров!

Женя прекрасно понял коварный замысел взрослых. Видимо, они были потрясены познаниями мальчика и хотели подготовиться к достойной беседе. Конечно, мертвый час — просто уловка. Небось сами спать не будут, а тайком полистают страницы учебников. Как ни прискорбно, но родственники откровенно пользовались своей властью. Дядя Жора категорически заявил, что тот, кто не заснет, не сядет за новогодний стол.

Пришлось подчиниться.

* * *

Женя проснулся в девять вечера. Он натянул выглаженные брюки, чистую белую рубашку, повязал шелковый красный галстук и при полном параде появился в столовой.

Все были в сборе, и все было готово. Женю встретили бравурным тушем, хлопнула пробка от шампанского, коты дружно мяукнули. Мальчику поднесли полный стакан малинового сиропа, взрослые чокнулись бокалами, коты окунули свои мордочки в блюдечко с валерьяновой настойкой.

— Будем здоровы! — торжественно провозгласил дядя Жора.— Пусть Новый год окажется не хуже старого!

— «В лесу родилась елочка...» — затянул дядя Вася и, запнувшись, с заискивающим видом взглянул на мальчика.— Ведь, правда, под Новый год надо только петь и веселиться? — «Хочешь миллион?» — «Нет!» — «Хочешь в турпоход?» — «Да!»

Но Женя не позволил сбить себя с толку. Песнями типа «В лесу родилась елочка» развлекаются лишь первоклашки. Или дядя Вася забыл, что Женя — шестиклассник?

Мальчик сурово сдвинул брови и, откинувшись на спинку стула, важно произнес:

— Приятная беседа — украшение застолья. Так, кажется, говорили мудрецы прошлого? Мне бы хотелось подвести итог нашему вчерашнему спору. Легионы, приведенные Цезарем из Альпийской Галлии...

Дядя Жора поперхнулся, коты разом шмыгнули под кровать. Воцарилась жуткая тишина.

Случалось, что и дома, в Москве, Женя начинал разглагольствовать о Древнем Риме. Остановить мальчика можно было только двумя способами: мама тут же подсовывала контрольную по химии, а папа расстегивал ремень. Увы, эти тайны педагогики не были известны ни дяде Жоре, ни дяде Васе! Поэтому дядя Жора нервно всхлипнул, а дядя Вася затравленно прошептал: «Бывали дни веселые...» — и кинулся к двери.

— Василь Палыч,— ехидно процедил дядя Жора.— Учебники утверждают, что Цезарь никогда не спасался бегством с поля брани.

Дядя Вася вернулся к столу, налил себе

полстакана шампанского, выпил и закусил котлетой.

— Вспомнил про деда в Калуге,— мрачно буркнул дядя Вася с набитым ртом.

— Вчера вы смеялись над дядей Жорой,— безжалостно продолжал Женя,— стыдили его двойкой, полученной в школе. Но дядя Жора помнит даже про Квинтилия Вара! Не каждый может похвастаться такими глубокими знаниями.— Так как дядя Жора первым поддержал историческую тему, мальчик решил ему польстить.

Лицо дяди Жоры расплылось в благодарной улыбке.

Дядя Вася пробурчал, дожевывая котлету:

— Сел бы сам в волшебную тележку да и прокатился бы в глубь истории...

— Вы все шутите,— усмехнулся Женя,— к сожалению, такой тележки не существует в действительности, а то бы я с удовольствием.

Дядя Вася как-то особенно переглянулся с дядей Жорой.

Дядя Жора достал секундомер и щелкнул переключателем:

— До Нового года два с половиной часа.

— Успеет,— сказал дядя Вася.— Прокатится с ветерком! А мы пока отдох... отрежем колбасы и передо... перекурим.

— Но это тайна,— сказал дядя Жора,— тайна, которую пока еще нельзя разглашать. Работа не закончена...

— Не надо объяснять,— прервал его дядя Вася,— пора, мой друг, пора заботиться о смене! Женя производит впечатление очень серьезного мальчика, и его интерес к исто-

рии...— Тут дядя Вася помолчал и взглянул на Женю так, что мальчик инстинктивно расправил плечи.— Вот только если он не испугается...

— Я пионер и всегда готов к любым трудностям! — слегка заикаясь от волнения, ответил Женя.

Он понял, что сейчас должно произойти нечто невероятное.

Дядя Жора порылся в карманах и достал большой медный ключ.

— Трудностей ты особенных не встретишь,— сказал он.— Твоя безопасность гарантирована.

— Будь готов к любым неожиданностям,— сказал дядя Вася.— Вспомни Квинтилия Вара. Он вошел в Тевтобургский лес с тремя легионами. Представь себе: ночь, темнота, черные деревья...

Женя ощутил холод в животе, как будто проглотил невзначай целый брикет мороженого.

— Квинтилий Вар погиб, потому что растерялся,— продолжал дядя Вася.— Нападение германцев произошло внезапно. В безмолвном лесу ни шороха, ни звука. Квинтилий Вар дал команду остановиться на ночлег — и вдруг лес ожил. С деревьев, как тучи саранчи, посыпались стрелы...

Кот Васька пробежал комнату по диагонали и настороженно замер у двери. В саду явственно слышался скрип приближающихся шагов.

Дверь распахнулась. На пороге, раскрасневшись от мороза и щурясь от яркого света, стояла Алла.

Женя был готов ко всему, но к такому... На минуту он потерял дар речи.

Тем временем Алла, нисколько не смущаясь незнакомой компании, преспокойно отряхнула снег с шапки и пальто, прикрыла дверь и, развязывая шарф, затараторила как ни в чем не бывало:

— Я так и знала, что найду тут Сидорова! Еще на станции услышала: Квинтилий Вар, Квинтилий Вар... Ну, думаю, не иначе, как Женька. И пошла на голоса.

Первым опомнился дядя Жора.

— Очаровательной гостье мы всегда рады.— Дядя Жора встал и галантно предложил девочке свое место.

Алла небрежно кинула пальто в один угол, шапку в другой, шарф сполз и накрыл кота Ваську. Алла устроилась на стуле дяди Жоры, а сам дядя Жора пересел на диван.

— Как у вас тепло и уютно! — заметила девочка.— Ой, малиновый сироп, какая прелесть!

Дядя Вася, как истинный кавалер, тут же придвинул к ней стакан с приятным напитком.

— Алка, а где Сережа Фрейман и Вовка Быстров? — заикаясь, спросил Женя. Его бил озноб: сбывался кошмарный сон...

— Не болтай глупостей! — отрезала Алла, прихлебывая сироп.— Я с мальчишками не дружу. Мы с Леной Колесовой возвращались с елки и так заговорились, что перепутали номер троллейбуса, поехали не в ту сторону. Потом Лена села в метро, а я потеряла пятак. Я влезла в автобус — на автобусе можно без билета,— открыла книжку и зачиталась. На конечной остановке сошла. Кажется, это был

вокзал. Но книжка такая интересная! Я не заметила, куда сажусь: думала, на трамвай, а потом поняла, что это электричка. Я читала-читала, потом спросила, какая следующая станция. Пока спрашивала, книжка потерялась. Я вылезла на станции и тут услышала далекие голоса. Спорили о Квинтилии Варе. Помню, что какая-то историческая личность. Ну, кто может о нем говорить? Конечно, Сидоров! И вот я здесь. А где елка?

— У нас прекрасная ель в саду,— успокоил девочку дядя Жора.— В полночь устроим иллюминацию.

— Вот здорово! — обрадовалась Алла и даже хлопнула в ладоши.— Только пускай Женька оставит своих греков. Они и так мне надоели.

— Не греков, а римлян,— обиженно поправил Женя. И, подозрительно поглядывая на дверь, осведомился: — А ты случайно не встречала Деда-Мороза? Такого маленького, бородатого? В белой высокой шапке.

— Да много их ходит по улицам,— ответила Алла.— Один даже за мной увязался, но я его потеряла.

— Дядя Вася, очень вас прошу,— забеспокоился Женя,— заприте дверь! С нас хватит нежданных гостей!

— Может, я тоже нежданная? — ехидно спросила Алла.— Могу уйти.

— Никуда мы тебя не отпустим! — твердо заявил дядя Жора.— Вот поужинаем и зажжем елку.

Опять не повезло Сидорову! Он стоял на пороге тайны, дядя Жора уже достал ключ, и вот появилась Алла... Где тайна? Где ключ? Прав-

да, в голове у Жени промелькнул коварный план.

— Товарищи! У нас было условие,— авторитетным тоном начал мальчик.— Кто не спит днем, тот не встречает Новый год. Давайте уложим Аллу спать.

— Фигушки! — возмутилась Алла.— Сегодня я специально проснулась в семь утра и не лягу до трех часов ночи. Если я высплюсь, то какой же это праздник? Тоска и скучища!

— Не позавидуешь твоим родителям,— рассмеялся дядя Вася.

— Я им сама не завидую,— с печалью в голосе заметила Алла.— Но что делать: единственная дочь, пусть терпят!

Бедный отважный пионер Женя Сидоров! Он приготовился к опасным приключениям, а сейчас еле сдерживал слезы. Как это некрасиво со стороны взрослых: стоило появиться девочке, и они сразу все забыли! Да, некрасиво и нечестно! Но тут мальчик подумал: как он может требовать честности от других, когда сам скрыл свой проступок и до сих пор не сказал про телевизор! А что, если взрослые узнали о поломке? Узнали и молчат. Они поняли, что Женя боится признаться! Разве трусу можно доверить тайну?

— Дядя Жора,— густо покраснев, начал мальчик.— Утром, когда я ходил в кладовую, я включил один прибор, и, в общем, по-моему... чего-то сломал.

Дядя Жора прищурился, помолчал, потом его лицо расплылось в улыбке.

— Василь Палыч, проверьте с Женей, как работает иллюминация.— И дядя Жора кинул через стол ключ.

Дядя Вася ловко поймал его и кивнул мальчику.

Одеваясь в прихожей, они услышали голос Аллы, которая завела очередную историю о том, как она в прошлом году в новогоднюю ночь потеряла Машу Мусину...

Они шли по узкой, чуть приметной тропинке и чем ближе подходили к огромной ели, тем больше это дерево напоминало космическую ракету. Ель светилась странным голубоватым светом.

Перед входом в погреб дядя Вася остановился.

— Что же ты увидел по телевизору? — спокойно и бесстрастно спросил дядя Вася.

И тут только мальчик догадался, почему голос диктора показался ему знакомым. Конечно, это дядя Вася комментировал фильм!

— Крутили кино — про Спартака и киликийских пиратов. Наверно, трансляция какой-нибудь заграничной станции. Я точно помню: по Центральному телевидению были объявлены другие передачи,— с горячностью добавил мальчик.

— Это не фильм,— глухо сказал дядя Вася,— это видеозапись того, что на самом деле происходило в Истории две тысячи лет тому назад. Я готовил для тебя сюрприз.

— Вы с дядей Жорой изобретатели, да? — почему-то зашептал Женя, хотя на участке не было никого из посторонних.— А никак нельзя помочь Спартаку?

— О т с ю д а — нельзя. Потом все объясню. Сейчас у нас мало времени.

Дядя Вася потянул на себя дверь кладовки. Зажглась тусклая лампочка. Дядя Вася

спустился по ступенькам. Женя не отставал. Дядя Вася открыл дверцу в задней стене. Лампочка погасла, а погреб наполнился голубоватым сиянием. Точно так же наверху светилась ель. Но то сияние шло снизу, из глубокого колодца.

Женя глянул вниз. Полированная труба, сделанная вроде бы из пластмассы, плавными кругами уходила в бездонный колодец. К трубе, возле самого люка, была прикреплена деревянная тележка. Под тележкой болтались ремни.

— Ну, смелее, мой мальчик, держись за железные скобы. Осторожнее.

Женя ухватился за железную скобу и нащупал ногой ступеньку. Поравнявшись с тележкой, он пересел на нее.

— Пристегни ремни! — раздалась команда.

Женя застегнулся и поднял глаза — в двух метрах над ним труба, изогнувшись, упиралась в потолок. «Наверно, там, на земле, не ель, а замаскированное продолжение трубы,— догадался Женя.— И провода от телевизора вели к ней... А может, ель заменяет антенну? Ой, как интересно и жутковато! Но я не боюсь, не боюсь! Главное — не подавать виду, что мне не по себе».

— Опусти ноги, так будет удобнее! — раздался голос дяди Васи.— Под тележкой две кнопки. Нажмешь на правую — поедешь вниз. Нажмешь на левую — вернешься обратно. Ничего не бойся, я буду за тобой следить. Не суетись! Не волнуйся!

— По телевизору, да? — освоившись с обстановкой, спросил Женя.

— Теряешь драгоценное время! Я же ска-

зал — объясню потом. Итак, куда ты хочешь отправиться?

— К Спартаку можно? — совсем осмелев, спросил мальчик.

— Можно, но зачем? Ведь ты просмотрел видеозапись. Разве тебе удастся уговорить киликийцев? Ты понял, что они думают только о собственной выгоде?

Женя еще раз взглянул на дядю Васю. В синеватом сиянии лицо маминого родственника казалось строгим и суровым. Спорить было бессмысленно. И вообще, пожалуй, дядя Вася прав.

— Я хочу помочь Помпею,— заикаясь от волнения, проговорил Женя.— В Фарсальском сражении он допустил глупейшую ошибку...

— Хватит, не продолжай. Тележка доставит тебя к началу битвы. Разберешься на месте. Действуй решительно. «Пришел, увидел, победил». Нажимай!

Правой рукой мальчик нащупал под тележкой кнопку и нажал. Тележка плавно тронулась и, скользя по изгибам трубы, постепенно набирала скорость. Засвистело в ушах. Голова закружилась. Женя зажмурил глаза. Он почувствовал, что летит в пропасть.

Глава IV

Полководец Гней Помпей удирает к морю

«Смело, богиня, воспой Жени Сидорова подвиг! Не убоявшись тележки, в Историю лихо спустился, дело Помпея поправить упорно стремлюсь я, ужин оставив и милую сердцу

компанию! (Нет, слишком вычурно получается. Запутаюсь в слоге. Дай-ка попробую выбрать размер попроще, посовременнее.) Клянусь Юпитером, я перебрал вчера изрядно! Недаром говорил мой папа: во всем знай меру. (Во, уже лучше!) Малиновый сироп — он до добра не доведет» — таковы были первые мысли, пришедшие в голову Жене Сидорову, когда он почувствовал, что просыпается.

Ласковые лучи утреннего солнца били в глаза, и, не разжимая век, Женя продолжал думать о вчерашнем дне, в то же время все больше удивляясь витиеватой форме своих размышлений:

«Хитрая Алла съела котлеты небось все! Дяди мои пироги и капусту умяли. И, напоивши меня, о, сиропом малины иль подмешавши зелья какого иного, в сон необычный тотчас же, увы, погрузили, чтобы не встретил я час новогодний, прекрасный!»

И тут Женя стал сосредоточенно тереть глаза: он поймал себя на том, что хотел сказать: «О времена, о нравы!» — а воскликнул: «О темпора, о морес!»

«Клянусь Юпитером, я мыслю по-латыни»,— подумал Женя.

Он попытался спрыгнуть с кровати, но прыгать было некуда: Женя лежал в густой траве, мокрой от росы. Мальчик вскочил на ноги, широко открыл глаза и дрожащими руками стал себя ощупывать. Он был одет в зеленый плащ из неизвестной материи, туго перепоясан кожаным ремнем, на котором болтался короткий меч. Ноги обуты в сандалии на тройной подошве, зашнурованные до колен.

Что-то непривычно сжимало голову. Женя

поднял руку и нащупал металлический шлем с перьями.

«Вот это фокус!» — подумал Женя и осмотрелся. Он стоял на склоне невысокого холма («Киноскефальские высоты»,— подсказал внутренний голос), а внизу лежала круглая долина, пересекаемая узким потоком. («Река Энипей»,— по-латыни подсказал внутренний голос.) На противоположном берегу реки острый глаз мальчика различил серые палатки, плетеную изгородь из хвороста и стелющийся дым от костров. Чуть ниже, в пятистах метрах от себя, мальчик увидел воткнутое в землю копье, на острие которого восседал серебряный орел, сверкающий на солнце. Около штандарта выстраивались люди, одетые в хорошо известную по учебникам форму римских легионеров.

Женя инстинктивно оглянулся. В двух шагах сзади, чуть прикрытый чахлым кустиком, зиял темный ход в пещеру.

«Не забыть бы дорогу обратно»,— подумал Женя и почувствовал, что растерянность и удивление сменились в его сознании спокойной уверенностью, чему особо способствовали бог весть откуда появившиеся латинские слова:

«Алеа якта эст! (Жребий брошен!) Я волею судьбы приму участье в сраженье при Фарсале. Вот конница идет, вот кашевар разносит кашу, мне долг повелевает спешить к шатру, где полководец славный, Помпей Великий, приказы к наступленью отдает. Бэати поссидентес (счастливы обладающие) знаниями и исторической информацией, мы Цезаря сейчас опередим и ход Истории направим по иному руслу... Но кем же я предстану пред Помпеем?

Предвестником судьбы, посланником богов? К чему гадать? Из всех головоломок найдет разумный выход отличник удалой, Евгений быстроногий! Он посрамит искусство полководцев...»

Где-то запела труба. Центурион у ближайшего штандарта рявкнул команду, солдаты застыли, обнажив вынутые из ножен мечи. Справа внизу распахнулся полог пурпурного шатра. Женя понял, что именно там находится КП Помпея, и энергичным, размашистым шагом (с горки сбегать всегда легче) направился к нему.

* * *

Ситуация складывалась пресквернo. Не для того Женя попал в другую эру, чтобы быть поднятым на пики, а между тем именно эта варварская казнь ему сейчас угрожала. У входа в шатер Женю схватили два дюжих легионера и с криком «Попался, предатель!» поволокли на военный совет.

Легионеры были выше Жени всего на полголовы (сказывалась акселерация двадцатого века), но, конечно, вырваться из «объятий» солдат мальчику было не под силу (вот когда Сидоров пожалел, что не занимался по утрам гимнастикой по радио и пропускал уроки физкультуры,— кто знает, сдай он нормы ГТО, может, раскидал бы обидчиков).

Совет закончился, и военачальники собирались разойтись по легионам, но тут привели Женю. Путаная речь мальчика о том, что, дескать, не надо переходить Энипей, ибо на левом фланге Цезарь устроил засаду, была встречена дружным смехом.

— С Диррахии мелькали пятки Цезаревых войск! — воскликнул Сципион (Женя узнал Сципиона, так как тот возлежал по правую руку от Помпея).

— Они пятки смазывают жиром! — подхватили другие голоса.— Лазутчик Цезаря подослан, чтоб сбить нас с толку! Трусливый узурпатор желает выиграть время. Да привязать лазутчика к кобыле, пускай его о камни разобьет! На пики наглеца!

Вот какими угрозами и оскорбительными выкриками комментировали военачальники сообщение Сидорова. Старайся после этого для Истории!

Помпей дал знак, и все замолчали.

— Ты кто? — спросил он Женю.

Женя собирался ответить длинной тирадой: мол, лично он посланник богов и так далее, но, взглянув в лицо Помпею, почувствовал, что слова застряли в горле: Помпей не был ни усат, ни полосат и вообще выглядел крайне утомленным, задерганным человеком, тем не менее мальчик мог поклясться: это вылитый дядя Жора.

Затянувшееся молчание прервал рыжебородый красавец:

— Помпей Великий! Я знаю подлеца: это племянник Квинта Фузия Калена. Разведка доложила, что тот привел с Фессалии два легиона. Они их не спасут. Мальчишка послан, чтобы нас запутать!

Помпей нахмурился, пошарил правой рукой под плащом (Женя нисколько бы не удивился, если бы Помпей вытащил секундомер), потом встал, подошел к выходу и выглянул из шатра.

— Ты прав, Лабиен,— сказал Помпей.— Солнце уж высоко, пора нам выступать, а юноше — голову долой!

— Ну знаете, уважаемый Гней Помпей,— возмутился Женя,— это уж свинство! А вас не спрашивают! — прикрикнул мальчик на остальных. Он настолько рассердился, что не заметил, как речь его перестала быть выспренной и витиеватой.— Не верите — ваше дело. Но вот смотрите: я не присутствовал на военном

совете, однако могу в точности изложить план сражения. Вы переходите Энипей, пехота занимает оборону, конница в центре завязывает отвлекающий бой, а главные силы атакуют левый фланг и обходят Цезаря с тыла. Я прав?

— Вещает, как оракул! — удивленно протянул Сципион на чистой латыни.— Что скажешь, Лабиен?

Остальные военачальники растерянно переглядывались.

— Он ловкий шпион, а может, угадал,— протянул Лабиен, не сводя подозрительного взгляда с мальчика, и добавил скороговоркой: — У нас одиннадцать легионов и семь тысяч всадников! Армия в два раза больше, чем у Цезаря. Известно, что у них нет припасов, солдаты полуголодные. При таком подавляющем преимуществе сам Юпитер не поможет Цезарю.

— Задавим голыми руками! Шлемами закидаем! Съедим живьем и пряжки выплюнем! — подхватили голоса.

Гней Помпей почесал небритый подбородок (любимый жест дяди Жоры) и мрачно произнес:

— Спасибо, племянничек, за добрые советы, только ни к чему они нам. Даже если Цезарь пронюхал о нашем плане, его ничто не спасет. А вот куда тебя припрятать — ума не приложу! Народ кругом горячий, ненароком попадешь под руку — четвертуют. Ладно, когда-то с Квинтом Фузием Каленом у меня были добрые отношения. Из уважения к нему разрешаю тебе принять яд. Умрешь тихо, без мучений. Пользуйся, юноша, моментом. Помпей умеет быть великодушным.

Военачальники загоготали, а Женя с горечью подумал:

«Приятная перспектива, а Помпей — тряпка, не может принять самостоятельного решения».

Вдруг Помпей замер, словно к чему-то прислушиваясь. Так продолжалось минуту. Потом, стряхнув с себя оцепенение, полководец обратился к Лабиену:

— Лабиен, у меня такое ощущение, будто кто-то внушает мне мысли на расстоянии. Как это называется?

— Голос богов,— сказал Лабиен.

— Точно. В общем, кто-то свыше мне подсказывает, чтоб я внимательно выслушал лазутчика. Мальчик, иди ближе, говори на ухо!

«Никакие это не боги,— догадался Женя,— просто дядя Вася меняет настройку телевизора, мне помочь пытается. Впрочем, хорошо, что Помпей такой темный и суеверный».

И, наклонившись к Помпею, стараясь придать своему голосу убедительность, Женя заговорил:

— Уважаемый товарищ Гней Помпей! Я вас не обманываю. На левом фланге у Цезаря — две тысячи отборных легионеров. Как только ваша конница опрокинет легкую пехоту, из засады ударит легион. Почему ваша кавалерия обратится в бегство, мне не известно, но побежит кавалерия...

— Это уж точно,— прошептал Помпей Великий.

— Так отложите сражение, измените диспозицию!

— С такой публикой! — Гней Помпей кисло усмехнулся.— Они уверены, что дело реше-

но, и заранее делят между собой высшие государственные должности. Вон Сципион послал гонца в Рим, чтоб тот ему снял дом близ Форума. К выборам готовится. Сердцем чую — ты прав, да поделать ничего не могу. Если сейчас отменить наступление, то меня сместят и натворят еще больше глупостей. Ладно, попробуем выпутаться! Ну, а теперь,— Помпей повысил голос и принял значительную позу,— слушайте мою команду: мальчик оказался посланником храма Юноны. Это всемогущие боги нас предостерегают! Исполняя волю богов, кавалерию Муция с правого фланга перебрасываю на левый. Отряд переходит Энипей и стоит в засаде, в бой вступает только по моему личному приказу. По местам! Мы и так опаздываем.

— *Да здравствует Помпей* Великий! — вскричали легаты, гурьбой высыпали из шатра и разбежались по склону.

— Солдаты,— обратился Помпей к двум легионерам, приведшим Женю,— юного гонца охранять как заложника. Мерзости войны не для мальчишек. Пусть отдохнет, пусть ляжет спать.

И, запахнув свой багряный плащ, Гней Помпей уверенной походкой полководца вышел из шатра.

* * *

Переживания этого утра так вымотали мальчика, что он незаметно задремал, а когда очнулся, солнце жарило вовсю и под плотным пологом шатра было нестерпимо душно. Мальчик вылез наружу, осмотрелся. На склонах

Киноскефальских высот он не увидел ни единого солдата. Всю долину на той стороне Энипея закрывало бурое облако пыли. Порыв ветра донес отдаленные крики и лязг металла. Фарсальское сражение было в самом разгаре.

Оба легионера, которым Помпей поручил охранять мальчика, вольготно разлеглись на траве, скинув тяжелую амуницию. Один драил тряпочкой бронзовые бляхи, другой, подставив солнцу голую спину, напевал гнусавым голосом песню, популярную в среде городского плебса еще со времен Первого Триумвирата: «Хочешь несметные богатства Красса?» — «Никогда!» — «Хочешь идти в поход на парфян?» — «Всегда пожалуйста!»

— Как отдохнул, сынок? — участливо осведомился первый легионер, не поднимая головы и продолжая возиться с амуницией.

— Спасибо, ничего,— вежливо ответил Женя.

— Чего это ты давеча лопотал с Помпеюшкой? — спросил второй легионер, прекратив пение.

— Я говорил на языке богов! — с важностью ответил находчивый мальчик.

— Ишь ты, и Помпей тебя понимал? — с завистью вздохнул первый легионер.— Образованный он, а потому и Великий. Вот я твержу Квитанцию,— он кивнул в сторону второго легионера,— учись, скотина, центурионом будешь!

— Но-но, полегче, Полотенций! — заворчал второй легионер.— И в божеском языке небось грамматика есть — склонения, спряжения. Зубришь правила? Диктанты пишешь?

— Бывает,— согласился Женя.

— И какие у тебя отметки по божескому языку?

— Пятерки! — с гордостью ответил Женя и, подумав, добавил: — Правда, по изложению схватил одну четверку.

— Это еще ничего,— сказал Полотенций.— Мне, например, легче фалангу парфян изрубить, чем изложение писать. А чужой язык, хоть и божеский,— потемки. Вот травка растет: как она по-вашему, по-ученому, называется?

Конечно, глупо и нелепо было предполагать, что легионеры каким-то образом пронюхали о двойке по ботанике, но Женя поспешил перевести разговор, принимавший неприятный оборот, на другую тему.

— Как там наши? — спросил Женя, указывая рукой на другой берег реки.

— Наши? — лениво протянул Полотенций.— Молодцы наши. Жмут. Недавно гонец оттуда приезжал.

— А конница Муция в резерве? — на всякий случай полюбопытствовал Женя.

Легионеры присвистнули.

— Проспал, сынок. Зачем Муцию торчать в резерве, когда Лабиен обозы Цезаря трясет?

— Но ведь был приказ Помпея,— простонал мальчик, чувствуя, как на глаза наворачиваются слезы.

— Помпей категорически запрещал вступать в сражение!

— «Запрещал, запрещал»...— буркнул Квитанций.— Много ты понимаешь! Дело решенное, Цезарь разбит. Солдату что главное? Пожива. Не такой Муций, чтоб у реки прохлаждаться, когда другие лагерь грабят.

Новый порыв ветра донес с долины отчаянные крики.

— Хвала Юпитеру, победа! — воскликнул Квитанций и встал потягиваясь.

— Глянь-ка, Марк, что это? — забеспокоился Полотенций.

С вершины холма было отчетливо видно, как на левом фланге из бурого, пыльного облака выскочили несколько всадников и, не раздумывая, бросились в реку. За ними показалась сотня, другая. Беспорядочной лавиной, топча упавших, неслась к реке конница Помпея. Те, кому удавалось переплыть поток, без оглядки скакали к высотам, яростно нахлестывая лошадей. Вот и в центре, и на правом фланге побежали к реке пешие легионеры. Обгоняя их, вылетела группа конных, среди которых выделялся всадник в пурпурном одеянии. В три прыжка перепрыгнув Энипей, группа, не сбавляя хода, резвым галопом направилась к дороге, которая огибала справа Киноскефальские высоты.

— Помпей удирает! — в ужасе завопил Полотенций.— К морю припустил!

— Ой-ой-ой! — жалобно завыл Квитанций.— У меня чего-то горло заболело. Надо срочно обратиться к эскулапу. Я, пожалуй, пойду.

— Ловко ты устроился! — язвительно заметил Полотенций.

Женя испытующе вглядывался в лица солдат. Квитанций чем-то напомнил ему Вову Быстрова. Примерно так же говорил Женин одноклассник, когда хотел сбежать с урока. В глазах первого легионера мелькнули знакомые озорные искры. Уж не Сережка ли Фрей-

ман? Чушь, конечно, как они могли тут очутиться?

Между тем Квитанций подмигнул своему напарнику:

— Ты мог бы проводить больного товарища.

— Идея,— оживился Полотенций.— Больным надо помогать. Вот только... кто-то должен остаться, чтоб охранять шатер главнокомандующего.

— Посланец богов,—притворно-дружеским тоном обратился к Жене второй легионер,— посторожи шатер! Никого из посторонних не пускай. А мы мигом обернемся.

— А вдруг он струсит? — усомнился Полотенций.

— Кто? Наш юный друг? — ответил за Женю Квитанций.— Никогда! Сразу видно, что он храбрый солдат.

Польщенный такой похвалой, Женя вынул из ножен меч (признаться, меч ему почему-то не понравился — громоздкий, неудобный, но Женя не подал виду) и, слегка зардевшись от смущения, проговорил:

— Клянусь Юпитером, я не покину поста до вашего возвращения. Честное слово!

— Вот это человек! — одобрил Квитанций и, схватив свою амуницию в охапку, резвой трусцой поспешил вправо по склону.

Его товарищ не заставил себя ждать. Через четверть часа Женя с трудом различил две знакомые фигуры на дороге, ведущей к морю. «Больной» и его приятель улепетывали со скоростью, которой могли позавидовать и здоровые люди.

* * *

Прошло несколько часов. Легионы Цезаря, форсировав Энипей, выбили отряды помпеянцев из укрепленного лагеря, и остатки разбитой армии в беспорядке отступали на высоты Краннона и Скотуссы. Совершенно безучастный ко всему происходящему, Женя сидел у входа в шатер и предавался горестным размышлениям:

«Унылая и страшная картина: поле брани усеяно телами помпеянцев. Несчастные стремятся на высоты, они еще надеются на чудо, однако ход Истории известен: хитроумный Цезарь отрежет все пути к их отступленью, не даст к ручью спуститься, и солдаты, обезумев от жажды и жары, колени преклонят перед врагами, на милость победителя сдадутся. О Гней Помпей! Зачем стопы направил к морю? Ты думал там найти отдохновенье, собрать войска, флот привести в готовность, на Цезаря опять войной идти... Увы, увы, спасения не будет! О горе, горе, не послушал ты моего совета, я не успел тебя предупредить, ты слишком торопился, а к разумным советам надо прислушиваться — так мне мама говорила...

Бессмысленная, жуткая резня! Зачем вдали от родины суровой твои солдаты головы сложили, их подвиги забудут поколенья, травой, цветами поле зарастет, и через два тысячелетья долгих цветы и травы попадут в гербарий, чтобы по ботанике их дети изучали, считали пестики, тычинки и листочки, из-за незнания основ предмета им двойки ставили придиры педагоги... Раиса Яковлевна, за что двойка?

Зачем же я пред самым Новым годом решил вдруг в глубь Истории спуститься, пожертвовал малиновым сиропом, не посмотрев, что в «Кабачке» веселом «Тринадцать стульев» без меня пройдут, а я и не узнаю, что и как! О, Алла хитрая, небось котлеты съела, и очень хочется мне почему-то кушать, погибну я теперь голодной смертью, вот Сципион несется, а зачем?»

Сципион остановил взмыленного коня и злым, охрипшим голосом спросил:

— Где Помпей?

— А я почем знаю? — с деланным равнодушием ответил Женя.— Мне поручили охранять штаб, я и охраняю.

— Эй, юноша, беги, пока не поздно,— посоветовал Сципион.

— Не имею права! — собрав всю свою волю в кулак, ответил Женя.— Я дал честное слово, что дождусь смены.

Сципион присвистнул:

— Я отменить приказ не в силах и верность слову уважаю. Увидимся на том свете!

Пришпорив коня, Сципион бешеным аллюром помчался вверх по склону. Сбоку, из-за сопки, выскочил передовой разъезд кавалерии противника. Всадники бросились наперерез Сципиону. Сципион смело устремился навстречу опасности. Верховые сшиблись в коротком рукопашном бою. Один солдат дико вскрикнул и зажал руками кровавую рану на голове. Воспользовавшись секундным замешательством, Сципион вырвался из окружения.

«Сейчас они отыграются на мне»,— подумал Женя.

Звон металла и топот сотен ног заставили

его обернуться. Обходя шатер полукругом, блистая на солнце амуницией и ощетинившись пиками, на Женю надвигалась когорта легионеров Цезаря.

Женя попытался обнажить оружие, но меч застрял в ножнах.

Глава V

Кто он, Юлий Цезарь?

Если бы посторонний человек из чистого любопытства заглянул на дачу, то его взору предстала бы следующая картина: Алла, не замолкая ни на секунду, бегала по комнате и хватала все, что попадалось ей под руку (в результате со стола уже исчезло множество предметов: так, блюдо с салатом почему-то оказалось на шкафу, вилки и ножи валялись на стуле, а бутылки шампанского вообще не было видно); дядя Жора дремал на диване, крепко обняв бутылку рома; кот Георгий жалобно мяукал из-под дивана, отчаявшись найти своего собрата,— куда Алла успела засунуть кота Ваську, никто не заметил. Рассказав все о Маше Мусиной, Алла как раз перешла к Лене Колесовой, но тут в дверях, раскрасневшийся и веселый, появился дядя Вася. Его временного отсутствия девочка не заметила. Зато дядя Вася мгновенно оценил обстановку и скомандовал:

— Алла, замри!

В школе игра в «замри» была весьма популярна, и слова дяди Васи подействовали — Алла застыла у шкафа. Дядя Жора очнулся и

щелкнул секундомером. Воспользовавшись паузой, взрослые быстро привели комнату в порядок: собрали со стульев ножи и вилки, извлекли из-под стола исчезнувшую закуску, достали со шкафа салат, из тумбочки — шампанское. Кот Георгий вылез из-под дивана. Подал голос и кот Васька — оказалось, что он спрятался на кухне, в духовке. Придав столу надлежащий вид, взрослые расселись по местам, и только тогда дядя Вася сказал:

— Алла, отомри!

— Фу! — капризно выдохнула девочка.— А когда же Новый год?

— Скоро, скоро,— успокоил ее дядя Жора.— Через час.

Алла плюхнулась на диван. Взрослые настороженно следили за ее руками.

— Алла,— взмолился дядя Жора,— ты можешь хоть какое-то время не хватать ничего со стола?

— Пожалуйста,— обиженно ответила девочка,— если вам так хочется, я не пошевельну пальцем.

И неловким движением опрокинула на пол банку со шпротами.

Дядя Жора ойкнул. Коты, обрадовавшись, накинулись на шпроты, и через минуту на полу не осталось ни пятнышка.

— А куда это Женька запропастился? — спросила Алла, делая вид, что ничего не произошло.

Взрослые переглянулись, дядя Жора опять щелкнул секундомером.

— Пора, мой друг, пора,— озабоченно протянул дядя Вася.

— Наверно, он отправился на станцию,

чтоб позвонить твоим родителям,— предположил дядя Жора.— Наверно, мама стоит у окна и смотрит на улицу, а папа нервничает. Ведь ты обещала вернуться в десять часов вечера, а тебя все нет.

— Ну и что! — независимо тряхнув головой, сказала Алла.— Они привыкли к моим опозданиям. Если я обещала прийти в десять, то должна появиться не раньше двенадцати.

— Аллочка, а ты не пробовала хоть раз прийти вовремя? — поинтересовался дядя Вася.

— Это невозможно! — решительно ответила девочка.— Я зла своим родителям не желаю. Если я появлюсь к назначенному часу, мама упадет в обморок, а у папы начнется сердечный приступ. Испугаются. Подумают: что-то случилось.

Сраженные таким веским доводом, взрослые примолкли. Молчала и девочка: видимо, после полуторачасовой болтовни ей требовалась передышка.

Ах, граждане, не ценим мы тишины! Зимний вечер на даче без радио и телевизора, без громкого пения соседей за стеной! Чуть слышно скребутся о крышу заледеневшие ветки деревьев, ветер ударяет в окно, и стекло легонько позванивает...

Глухо стукнула калитка. Заскрипел снег. На дачу кто-то шел. На крыльце раздалось шарканье нескольких пар ног.

«Неужто Женька привез моих родителей? — подумала Алла.— Невероятно!»

Конечно, вряд ли могли Аллины папа и мама столь стремительно выбраться за город, хотя для подобных мыслей имелись некоторые

основания. Однако жизнь дарит нам еще большие неожиданности. Хотите верьте, хотите нет, но, когда распахнулась дверь, Алла увидела на крыльце приземистого мужчину в военной шинели без погон, а за ним... Ирину Алексеевну и Раису Яковлевну. Да, да, своих школьных учительниц. Вот уж поистине невероятное стечение обстоятельств!

— Максим Емельяныч! — радостно воскликнули дядя Вася и дядя Жора.

— Аллочка?! — изумились молодые женщины.— Как ты сюда попала?

Мужчины с чрезвычайной поспешностью бросились к дамам и помогли им снять шубки. Комната сразу наполнилась гамом и шумом. Наперебой выясняли, кто как и почему сюда попал. Дядя Вася рассказал о Жене и о новогодних приключениях Аллы. Максим Емельяныч представил женщин как своих бывших учениц — лет пятнадцать тому назад он преподавал у них в школе математику. Дядя Жора, склонившись к Алле, тихонько объяснил ей:

— Максим Емельяныч — наш сосед, математик, последнее время преподавал в артиллерийской академии, а теперь...

— А теперь майор в отставке,— вставил Максим Емельяныч, обладавший, видимо, очень тонким слухом.

Потом все засуетились около стола. Хозяева принесли новые тарелки и вилки, дамы спорили, где кому сесть, Максим Емельяныч доставал из большой хозяйственной сумки бутылки боржома и лимонада.

Алла заметила, что дядя Жора был несколько разочарован, когда Ирина Алексеевна категорично заявила:

— В жизни не пила ничего крепче лимонада!

Но больше всего была разочарована сама Алла. И не потому, что с появлением молодых женщин она перестала чувствовать себя в центре внимания,— нет, просто на глазах рушилась великая иллюзия: две учительницы, здесь, рядом, пили лимонад, закусывали салатом и колбасой, шутили, смеялись — словом, вели себя как обыкновенные гости. А ведь до этой минуты Алла находилась в твердой уверенности, что учителя день и ночь читают учебники, готовят контрольные, проверяют домашние задания и все человеческое им абсолютно чуждо.

— А где же Сидоров? — вдруг всполошилась Раиса Яковлевна.— Может, он сбежал в Москву? Я знаю, что Женя любит смотреть телевизор.

— Женя не должен сбежать,— тоном, не допускающим возражений, ответил дядя Жора и при этом мрачно глянул на дядю Васю.

Дядя Вася отвел глаза и пробормотал:

— А если телефон-автомат на станции сломан...

— Жени не было на станции,— сказала Раиса Яковлевна, которая славилась в школе своей необыкновенной наблюдательностью.

— И мне непонятно,— сухо заметил Максим Емельяныч,— какое-то странное легкомыслие! Взрослые люди, а послали мальчишку на ночь глядя бог весть куда! Бросили на произвол судьбы...

— Никто его не бросал,— быстро парировал дядя Вася, по-прежнему избегая взгляда дяди Жоры.

Дядя Жора щелкнул секундомером:

— До Нового года осталось полчаса. Самое время просить Василь Палыча совершить маленькую прогулку по окрестностям.

— Пожалуйста,— с готовностью отозвался дядя Вася.— Я успею обежать весь поселок.

— Я с вами,— сказала Раиса Яковлевна и, скинув лакированные туфли, начала натягивать зимние сапоги.

Дядя Вася был уже готов к выходу на улицу, но, услышав предложение учительницы, замялся в дверях.

— Общество прекрасной дамы всегда приятно, но, боюсь, вы не выдержите мой темп.

— Не беспокойтесь, Василь Палыч! — ответила за подругу Ирина Алексеевна.— Бегать — любимое занятие Раисы Яковлевны. К легкоатлетическим кроссам она тренировалась только с мальчишками. Помнится, был у нас на факультете чемпион — Володя. Он утверждал, что она его не догонит. Заключили пари. Старт взяли с Бескудниковского бульвара. Садовое кольцо пробежали вместе. На Профсоюзной улице Володя попробовал взвинтить темп, но не тут-то было. Володя пустился на хитрость: крутил по переулкам, заворачивал в проходные дворы, перепрыгивал через разрытые канавы газовых коммуникаций — ничто не помогало. Еле-еле Володя доковылял до университета, без сил упал на ступени храма науки. Последние слова его были: «Ни один стайер не уйдет от этой женщины!»

— Люблю женщин за доброе отношение друг к другу,— пряча улыбку, заметил дядя Жора.— Однако, насколько я догадываюсь, Василь Палычу сначала надо заглянуть в погреб.

Неизвестно, как Василий Палыч выпутался бы из этого щекотливого положения, но тут в комнату ворвался Женя Сидоров. Он тяжело дышал, пальто было распахнуто.

— Смотрите, кто пришел! — радостно воскликнул дядя Жора.

Коты истошно завопили. Учительницы наперебой обнимали мальчика. Дядя Вася украдкой смахнул слезу.

«Ликование, как будто Женька вернулся с Северного полюса! — недовольно подумала Алла.— Однако по его виду трудно предположить, что он мерз на улице. Небось заигрался с мальчишками в хоккей!»

— Женя, ты дозвонился до Аллиных родителей? — спросил дядя Вася, когда первые волнения улеглись.

— Угу,— ответил Женя и с чувством пожал руку дяде Васе.— Большое спасибо. Если б не вы...

«За что он его благодарит? — удивилась Алла.— Если б дядя Вася пошел звонить вместо Женьки, тогда б я поняла... Вон дядя Вася потрогал Женькино плечо, покачал головой. Странно все это».

— Женя, что сказал мой папа? — несколько раздраженно спросила девочка.

— Твой папа очень разволновался,— быстро ответил мальчик.— Он не привык, что его предупреждают о твоих опозданиях. Потом он успокоился и разрешил тебе переночевать на даче.

Алла захлопала в ладоши. Увы, все дети одинаковы: для них праздник, когда есть возможность хоть ненадолго отлучиться из дома.

— Надеюсь, Новый год еще не наступил? —

осведомился Женя, приглаживая волосы и садясь на свое место.

— Ты успел вовремя,— похвалил его дядя Вася.

— Говорят,— заметила Ирина Алексеевна,— что не очень педагогично учителям встречать праздник вместе с учениками...

— В Фарсальском сражении,— дерзко перебил ее Женя,— погибло двадцать тысяч римлян. Зрелище не из самых приятных. Однако эту битву мы изучаем в школе.

— Ирочка! — всплеснула руками Раиса Яковлевна.— Ты совсем замучила детей. Надо же, и в праздник он думает об уроках. Нет, нет, Женя, в каникулы только лыжи, коньки, санки и никакой истории, никакой ботаники! У детей такие нагрузки...

— Женя, познакомься с нашим гостем,— сказал дядя Вася.— Это Максим Емельяныч. Он преподавал математику в академии, а теперь...

— А теперь отставной козы барабанщик!— подхватил Максим Емельяныч, ласково жмурясь.

— Какой козы? — насторожился Женя.

— Ну... — смутился Максим Емельяныч,— есть такая поговорка.

— А фамилия какая у козы? — не отставал Женя.— Вернее, как звали ее хозяина? И в каком веке жила эта коза?

— Устают, устают дети,— вздохнула Раиса Яковлевна.— Каникулы так коротки. Ты, Сидоров, отдохни, выпей боржомчику. Ведь Новый год уже на носу.

— На чьем носу? — живо переспросил Сидоров и внимательно вгляделся в лица гостей.

— Женька,— возмутилась Алла,— ты шуток не понимаешь! Ну и зануда!

— Внимание, товарищи,— постучал дядя Вася ножом по пустому фужеру.— Пора наполнить бокалы! Через пять минут — Новый год. Прошу посмотреть в окно.

Все вскочили с мест, бросились к окну. В глубине участка разноцветными огнями светилась огромная ель. Заснеженные ветки блестели серебром.

— Ой, как красиво! — восторженно вскрикнула Алла.

* * *

Спотыкаясь о камни, бросая оружие, ругая друг друга, карабкалась в горы пехота Помпея. Центурионы останавливали отступавшие когорты, поворачивали назад расстроенное войско. Лабиен, собрав на вершине холма большой отряд конницы, дал сигнал к атаке. Могучей волной понеслась вниз кавалерия, топча своих же солдат, и казалось, ничто живое не в силах сдержать этот удар. Но как волна прибоя разлетается на мелкие брызги, наткнувшись на мол, так рассыпалась беспорядочными группами конница Сципиона, ударившись о железную стену копий и щитов противника. Иногда отдельные манипулы помпеянцев пытались оказать отчаянное сопротивление, кидали дротики во врагов... и падали, сраженные мечами. Оставшиеся в живых снова обращались в паническое бегство. Эпизодические рукопашные схватки уже не могли изменить исход битвы. Неумолимо, сметая все на своем пути, надвигались легионы Цезаря.

С высоты, на которой находился шатер Помпея, было отчетливо заметно разительное отличие в действиях враждующих армий. Если помпеянцы растерянно метались по склонам холмов, то наступающие отряды твердо выполняли намеченный план. Главные силы методично и спокойно теснили неприятеля, а на флангах несколько центурий стремительным маршем заблокировали дороги, ведущие к морю.

Всадники Помпея в тяжелых панцирях и легковооруженная фракийская пехота смешались в безликую толпу на склонах Краннона и Скотуссы.

Солдаты Цезаря у подножия холмов спешно возводили линии укреплений. Их замысел был понятен: к чему напрасные жертвы, когда судьба сражения решена? Сторонники Помпея могли лишь рассчитывать на милость победителей.

«Сдавайся, несчастный!» — хрипел огромный рыжий детина, упирая острие своего копья в плечо Сидорова.

Ощущение было не из приятных. Женя видел вокруг себя разъяренные, потные лица легионеров. Что стоило этим воинам, убившим сегодня не один десяток людей, прикончить мальчика?

«Погоди, Назон,— раздались голоса,— пускай щенок сперва скажет, куда девался Помпей».

«Говори, несчастный!» — Назон чуть надавил копьем.

«И почему не сказать? — подумал Женя, отстраняя оцарапанное плечо.— Я тут сбоку припека, ни в чем не виноват. Не по моей воле

затеяли это побоище. Но, с другой стороны, имею ли я право сообщать врагу местопребывание полководца? Разглашение военной тайны не делает чести советскому пионеру. Нет, лучше молчать!»

Назон, словно угадав мысли мальчика, зловеще ухмыльнулся и занес копье, готовясь ударить.

«...Встаньте, дети, встаньте в круг, встаньте в круг, встаньте в круг,— запел неожиданно Женя не своим голосом,— ты мой друг, и я твой друг, самый верный друг!»

Солдаты опешили, рыжий Назон выронил копье, а потом пустился в пляс. Солдаты послушно встали в круг и задвигали ногами, изобразив на лицах веселье. Женя пел, легионеры танцевали, кто-то из задних рядов начал прихлопывать в ладоши. В общем, происходило нечто невероятное...

«Да этого не могло быть!» — воскликнул Женя и... проснулся.

Под дверью желтела узкая полоска света. В столовой взрослые продолжали праздновать Новый год. «Встаньте в круг!..» — призывали голоса Ирины Алексеевны и Раисы Яковлевны. «Никак не угомонятся,— с неудовольствием подумал Сидоров,— того и гляди, Алку разбудят.— Он прислушался и уловил в другой половине спальни тихое сопение девочки.— Ишь как ее сморило! А говорила, что не заснет до утра!» Постепенно он припомнил подробности вечера. Когда пробило двенадцать часов, они сели за стол, выпили малинового сиропа (взрослые пили кто шампанское, кто лимонад, лишь дядя Жора налегал на ром), затем пошли к светящейся ели, поиграли в снежки, верну-

лись, опять посидели, и тут Женя почувствовал, что его клонит в сон. Дядя Вася сказал: «Детям пора на отдых». Алла протестовала, твердила, что глаз не сомкнет, и вдруг прямо за столом заснула. А как сам Женя добрался до постели?..

Но при чем тогда Цезарь и Фарсальское сражение? Приснилось? Нет, честное слово, все это было, было до встречи Нового года. Там, в Истории, Женю окружили легионеры. (Он провел рукой по плечу, нащупал царапину — вот, пожалуйста, верное доказательство!) Только, конечно, никто не танцевал. И зачем Женя стал бы петь солдатам, жившим до нашей эры, детские песенки. Мальчика спасло появление Цезаря! Если б не Цезарь, то есть не дядя Вася... А почему Цезарь — дядя Вася? Ладно, потом разберемся. Женя устал, переволновался. Еще бы, столько переживаний в один вечер!

Мальчик повернулся на другой бок...

«Погоди, Назон»,— раздался властный голос.

Легионеры почтительно расступились. Легкой спортивной трусцой к ним приближался человек в голубой тунике, с золотым шлемом на голове.

«Вива Цезарь!» — крикнула когорта.

«Мальчишка охранял шатер Помпея,— четко отрапортовал центурион.— Куда сбежал этот висельник — неизвестно. Малый не отвечает, но сейчас мы его попытаем каленым железом».

«Варварские штучки»,— хотел возразить Женя и замер на полуслове. Может, солдаты и вправду видели в человеке с золотым шлемом

своего военачальника Гая Юлия Цезаря, но для Жени это был настоящий дядя Вася, только без усов.

«Удивляюсь тебе, Тиций,— сказал Цезарь. Нашел с кем воевать. С мальчишкой! Армия Помпея еще не сложила оружия, а мы... Поворачивай когорту и бегом к высотам!»

Когда легионеры, пыля сандалиями, припустили вниз по склону, Цезарь поманил Женю пальцем и зашептал на ухо:

«Боги свыше повелели мне тебя спасти.

Зачем, почему — не знаю... Ты что тут делаешь?»

Говорить противнику правду — самоубийство. Но сходство между Цезарем и дядей Васей было так разительно, что мальчик не решился солгать.

«Я хотел помочь Помпею выиграть сражение»,— ответил честный пионер Сидоров и вызывающе поглядел на Цезаря.

Цезарь покачал головой, улыбнулся и покрутил пальцем у виска:

«О неразумный юноша! Полководец Помпей — ничтожество. Своими прежними успехами он обязан Серторию и Лукуллу. Однако за правду хвалю!»

К шатру спешило несколько всадников. Цезарь обернулся на стук копыт, выпрямился и процедил сквозь зубы:

«Советую не болтать лишнего. Итак, о чем мы беседовали?»

«Я спросил тебя, о несравненный Цезарь, почему ты дал возможность противнику укрепиться на высотах, а не окружил войска Помпея еще в долине?»

«Мой юный незнакомец,— с важностью ответил Цезарь, краем глаза косясь на новых слушателей,— ты ничего не смыслишь в военном искусстве. Залог победы в том, чтоб сохранить для противника пути к отступлению. Естественно, до тех пор, пока враг боеспособен. Войско, потерявшее надежду спастись бегством, может в отчаянии сокрушить любую армию. А когда остается выбор: сражаться или бежать, обычно предпочитают последнее. Теперь же помпеянцы физически разбиты и морально подавлены. Сами поймут, что пора просить пощады. Там много славных рубак. Я сформирую из них отличные легионы. Жалко проливать римскую кровь.— И, обратившись к одному из всадников, Цезарь осведомился: — Тебе чего, Аугелий?»

«Поистине,— подумал Женя,— историки ничего не приукрашивали. Цезарь действительно знает своих солдат по имени».

Тот, кого Цезарь назвал Аугелием, спешился и почтительно заговорил:

«Непобедимый Цезарь! Моя конница по до-

роге к морю захватила в плен некоего прохвоста». Аугелий показал на безоружного всадника со связанными руками.

Женя чуть не вскрикнул: да это же Квитанций, легионер, который немножечко был похож на Вовку Быстрова! А Женя, надеясь на его возвращение, не покидал поста.

«Пленный передал любопытные сведения,— продолжал Аугелий, не глядя на Сидорова.— Оказывается, мальчишка — шпион, пронюхал о нашем плане битвы и донес Помпею».

«Клянусь Маркурием, я тому свидетель»,— уныло пробормотал Квитанций.

«Ну, Вовка, ну, ябеда! — возмутился Женя, хотя, разумеется, Быстров был ни при чем. Встречаются же люди, похожие друг на друга».

Цезарь присвистнул:

«Это меняет дело. Шпиона немедленно казнить!»

«Дяденька!..» — взмолился Женя.

Но Цезарь был непреклонен:

«Здесь нет родственников. Все мы подчиняемся законам военного времени. Мальчишку отвести вон в ту пещеру и вход замуровать!»

Цезарь указал на пещеру, где была спрятана тележка! Пока легионеры заваливали вход камнями, Женя привязался ремнями, нажал на кнопку и...

Женя опять проснулся. В противоположном углу спокойно посапывала Алла. Под дверью желтела узкая полоска света.

— Дорогой Кви-интилий Ва-ар,— доносилось из столовой негромкое пение мужчин,— верни легионы...

— Миленький, хорошенький,— вторили им голоса женщин,— верни легионы...

Глава VI

Без Брута не обошлось

Утро пролетело бездарно. Пока не уехали учительницы и Алла, все шло кувырком. Бессмысленные и никчемные разговоры, обмен любезностями: «Ах, как мило встретили Новый год...»

Жене казалось, что дядя Вася и дядя Жора должны сгорать от нетерпения и желания как можно скорее узнать подробности о его вчерашних приключениях. Но куда там! Дяди рассыпались в комплиментах перед Ириной Алексеевной и Раисой Яковлевной. Алла, как всегда, болтала без умолку.

Откровенно говоря, Сидорова давно мучила загадочность этих странных отношений между мужчинами и женщинами. Достойное занятие для мужчин — работа, наука, война. Женское дело — преподавание в школе, воспитание детей, приготовление обеда. Так повелось испокон веков, обязанности распределили четко. Однако, знакомясь с жизнью взрослых по книгам и кино, Женя замечал, что мужчины теряют массу времени из-за женщин. К чему? Зачем? Доблестные рыцари, вместо того чтоб сражаться с маврами, ночи напролет пели дурацкие серенады под окнами глупых аристократок. И потом, кто придумал эту любовь с объятиями, поцелуями и прочими телячьими нежностями? Со стороны небось стыдно смотреть. Стоило только мужчинам связаться с женщинами, как их роль становилась жалкой и нелепой. А меж тем, как написано в одной книге, «годы проходят, все лучшие годы».

В сущности, вот одна из главных причин, почему человечество так медленно движется к прогрессу...

Наконец гостей проводили. На прощание из окна электрички Алла состроила рожу Сидорову — так сказать, в знак признательности за гостеприимство. Еще одно доказательство того, что благодарности от девочек никогда не дождешься!

Помахав учительницам руками и дождавшись момента, когда электричка скрылась за поворотом, оба дяди одновременно загрустили. Дядя Вася тут же заявил, что ему необходимо совершить маленькую пробежку часа на полтора, и бодрой трусцой свернул в переулок. Дядя Жора скис прямо на глазах, замкнулся в себе и явно не был расположен к беседе.

Но когда подходили к даче, Женя не вытерпел и осторожно спросил:

— Дядя Жора, как вы расцениваете явление «помпеянства» в историческом аспекте.

— Явление пьянства? — оживился дядя Жора.— Проклятый пережиток прошлого! Голова болит, сердце колет, ноги ватные... Целый год рюмки в рот не брал, а на праздник не удержался.

— Дядя Жора,— обиделся мальчик,— я серьезно!

— А я шучу? — в свою очередь, обиделся дядя Жора. На его бледно-зеленом лице застыло страдальческое выражение. Действительно, какие тут шутки!

— Но если вам нездоровится,— сочувственно проговорил Женя,— тогда, конечно... И все же, вы помните, где я вчера был?

— Ах да, извини.— Дядя Жора потер

пальцами виски.— Видишь, я совсем расклеился...

Они вошли в комнату, дядя Жора присел на кушетку, глотнул из стакана воды.

— Ладно, Женька, давай хвастайся своими подвигами.

— Какими подвигами... — скромно начал мальчик.— Ничего мне не удалось изменить! Жалко. Ведь неудачный исход Фарсальского сражения роковым образом повлиял на историю Рима.

— Не эта битва, так другая,— вздохнул дядя Жора.— Ты сам убедился — Помпей был игрушкой в руках аристократов. Безвольный, слабый, ограниченный человек...

— Тряпка,— прибавил Женя, вспомнив, как Помпей предлагал ему принять яд.

— Вот именно! При самом благоприятном стечении обстоятельств он не мог стать диктатором Рима. Да, брат, история — хитрая штука! Любой другой генерал, тот же Красс, мог бы десять раз разбить Цезаря в этой кампании. Но Цезарь прекрасно знал, с кем имеет дело. Такова, брат, логика жизни...

— Не согласен,— пылко возразил Женя.— Неужели во всем Риме не нашлось бы яркой личности!..

— Такой личностью был только Цезарь,— устало сказал дядя Жора.— Все его любили, все его боялись... И все ему завидовали. В сущности, он был тоже обречен.

На подобные темы Женя Сидоров готов был рассуждать бесконечно. Увы, голова дяди Жоры клонилась к подушке, он откровенно зевал.

— Дядя Жора! — воскликнул неугомонный мальчик.— Разве нельзя при помощи но-

вейших достижений науки хоть что-нибудь исправить в Прошлом?

— Невозможно. Вчера, например, Василий Палыч заставил Помпея тебя выслушать — и то пережег все батареи. Напрасными были твои советы. Кстати, советчиков всегда хватало, однако все деятели Истории поступали по-своему.

— Почему ж они отбрасывали разумные доводы?

— «Почему, почему»! — передразнил дядя Жора.— Знаешь поговорку: один... не очень умный человек может задать столько вопросов, что десять мудрецов не ответят. Историческая обстановка складывалась так, что Помпей мог выиграть еще десять сражений и это его не спасало. Цезарю достаточно было одержать всего лишь одну победу. Одну, понимаешь? По теории вероятности это должно было когда-нибудь случиться. Ладно, отложим беседу на другой раз. Я сосну часок. И учти, Женька: наш, как ты его называешь, телевизор вышел из строя. Так что — без фокусов. Спи, гуляй, книжку почитай, но к погребу не приближайся. Не ровен час, действительно влипнешь в историю...

* * *

Тихо на даче. Скучно. Дремлют коты. Где-то по лесу бегает дядя Вася. Изредка доносится глухой гудок электрички. Ветки деревьев скребутся о крышу. Оконное стекло чуть слышно позвякивает.

А в Москве ребята по кинотеатрам ходят, в Колонном зале у елки прыгают, за подарками в очередях толкаются, по телевизору много-

серийные приключения Зайца и Волка смотрят! В Москве концерт Магомаева, «Новости науки и техники», «Иностранная кинохроника», дневные спектакли, гастроли Саратовской эстрады, лекции по правилам уличного движения, телевикторины, радиопередачи для младшего, среднего и старшего возраста, театр у микрофона и опять же «Ну, погоди!»...

Бедный Женя Сидоров! Сослали его на дачу за единственную двойку! Сидит у окна в тишине, в тепле, в покое. Нервная система укрепляется. Здоровье поправляется. Голова отдыхает. Как на курорте. Как в санатории. Совсем затравили!

«Ну, заяц, погоди! — думает Женя и тут же спохватывается: —Действительно, при чем тут заяц? Ну, Цезарь, погоди! — поправляет сам себя Сидоров.— Выведем тебя на чистую воду! История, она длинная. Я вот возьму и спущусь в Египет, подговорю Клеопатру, чтоб, значит, она Помпея не убивала, а, наоборот, Цезаря в темницу засадила, в какую-нибудь пирамиду. Вот тогда в Риме взвоют! Куда им деваться без Цезаря? Подумаешь, яркая личность! И Брут-предатель с горя должен удавиться: ведь он прославился только убийством Цезаря... Брут. Мартовские иды. Заговор в Сенате... Идея! Зачем Цезаря запирать в темницу, то есть в пирамиду? А вот разоблачить перед Цезарем заговорщиков... Если Цезарь действительно яркая личность, то надо использовать его влияние в целях прогресса. Дядя Жора сказал: «В сущности, Цезарь был обречен». Ха-ха! Вот возьму и переверну весь первый век до нашей эры! Сначала спасу Цезаря (это главное). И что тогда? Пусть ученые историки голову ломают.

Нет, не надо убивать Цезаря — он благородный, добрый, любит спорт. Решено: обязательно его спасу! Но почему, почему Цезарь так похож на дядю Васю? Какая-то путаница, нелепица... А может, взрослые просто меня разыгрывают? Изобрели фантастическое кино и мне показали. Или мне все приснилось? Но откуда тогда след от копья? Вот она, царапина. Когда меня в пещеру тащили, я коленку ушиб, синяк до сих пор ноет. Так хочется все выспросить у дяди Жоры!.. Спит человек, жалко его будить. И хорошо, что спит. Пока никого нет, спущусь в погреб. Телевизор сломан! Ничего, мы люди самостоятельные, обойдемся без посторонней помощи».

Женя на цыпочках подкрался к двери, накинул на плечи пальто, оглянулся. Ему показалось, что кот Васька, дремавший на стуле, приоткрыл один глаз и глянул неодобрительно. Женя тихонько притворил за собой дверь.

Свежая пороша не успела замести тропинку, и высокая ель серебрилась инеем — нормальное дерево, ничего особенного. Замок висел на одной петле. «Ну, правильно,— сообразил Женя,— ждали, что я выскочу отсюда, а потому дверцу не запирали. Правда, меня почему-то выбросило в телефонную будку — сам не знаю, как там очутился. Наверно, тайный ход какой-то. Помню, что встал, отряхнулся и начал набирать номер Алкиного телефона. Зачем? Предупредить родителей? Но меня об этом никто не просил! Загадочно. Похоже на сон».

Женя потянул на себя дверцу и щелкнул выключателем. Зажглась тусклая лампочка, осветив кадку с капустой, пачку журналов,

связку книг, на загадочном телевизоре банки с грибами и огурцами. Женя торопливо спустился по ступенькам к люку в задней стене. Ржавый засов не поддавался. И тут Женя заметил ровные ряды клавиш. («Как в лифте»,— промелькнула мысль.) На каждой клавише вместо цифр виднелись какие-то надписи. Рукавом пальто мальчик стер пыль с нескольких клавиш. «Фарсальское сражение»,—прочел он на одной. «Французская революция» — значилось на другой. «Нашествие Батыя на Русь». «Основание Рима»... «Все это не нужно,— подумал Женя,— а вот то, что я ищу: «Убийство Цезаря». Женя нажал на клавишу, сзади громко хлопнула дверца погреба, лампочка погасла, засов отскочил, овальный люк приоткрылся, и погреб наполнился голубоватым сиянием. Это сияние шло снизу, из глубокого колодца...

* * *

Словно сквозь сон, раздался чей-то голос: «Когда захочешь вернуться, ляжешь на эту кровать и пристегнешь ремни». Голос смолк, и на смену ему пришли отдаленные крики погонщиков мулов. Женя открыл глаза. Он сидел на низкой кровати, покрытой рогожей. В одном углу комнаты стоял деревянный сундучок, на котором валялся свиток белой материи. Из другого угла сиротливо выглядывал треснувший глиняный кувшин. Больше в комнате ничего не было. Маленькое окно выходило на террасу, увитую зелеными побегами плюща и винограда. «Я в Древнем Риме»,— подумал Женя и нисколько не удивился. Похоже, он при-

выкал к своим стремительным передвижениям во времени. «А что за хламида на мне? Длинная рубашка без рукавов, подпоясанная кожаным поясом. Увидели бы меня ребята в таком одеянии, умерли бы от смеха. Впрочем, это римская туника! Вот сандалии. А это ремешок. Он явно из другого века, его надо спрятать под рогожу. Кто же я? Пока не знаю. Однако вряд ли возможно, чтоб по древним улицам разгуливал советский школьник Сидоров. Значит, я перевоплотился в какую-нибудь реально существующую личность. В кого? Поживем — увидим».

Согласись, читатель, не каждый из нас вел бы себя так же хладнокровно, как Женя Сидоров! Оказаться одному, без мамы и папы, в чужой стране, в чужом городе и вообще попасть в другую эру! Меня, автора, например, дрожь пробирает, когда я пересказываю эту правдивую историю! А между тем наш герой преспокойно обул сандалии, подошел к треснувшему кувшину, поднял его, понюхал и поморщился. На дне кувшина лежал заплесневевший кусок сыра и подгнивший чеснок. Да, скудно питались римские бедняки!

Дверь скрипнула, и в комнату протиснулся неизвестный горожанин, завернутый с ног до головы в светлую тогу (как они умудрялись передвигаться в такой одежде, я, автор, ума не приложу). Горожанин, как гончая собака, втянул носом воздух, и его строгое римское лицо исказила гримаса.

— Ну, Юний, выбрал ты себе конуру! — сказал незнакомец и присел на краешек кровати.— На Субуррской улице ютятся лишь цирюльники, сапожники и продавцы кнутов.

Впрочем, в целях конспирации это разумно. Как самочувствие Секста Помпея?

— Секст Помпей? — переспросил Женя Сидоров, желая выиграть время. Мысли его лихорадочно работали: «Итак, я некто Юний, а кто же Секст Помпей? Наверно, сын Помпея Великого».— Ничего, помаленьку. Передавал привет.

— А чем занят достойный сын великого отца?

— Чем занят? Собирает войска,— ответил находчивый Женя и подумал про себя: «Что же ему еще делать? Не играть же в крестики и нолики!»

Незнакомец был вполне удовлетворен таким сообщением.

Он поправил складки тоги на левом плече и с важностью произнес:

— Открою тебе свое имя. Я Брут.

— И ты Брут!.. — воскликнул Женя и испугался. Испугался он потому, что невзначай повторил известное выражение Цезаря, однако тут же успокоился. Мальчик сообразил, что Бруту еще неведомо истинное значение этих слов.

— Да, я Брут,— печально продолжал горожанин.— Сознаюсь, мне неприятно участвовать в заговоре. Лично мне Цезарь не сделал ничего плохого. Он вел себя великодушно и заплатил мои долги. Но интересы отечества выше личной привязанности. Честолюбие Цезаря угрожает республике. После его смерти римский народ стряхнет с себя оковы диктатуры.

«Как бы не так!» – усмехнулся про себя всезнающий Женя, а вслух воскликнул:

— Что требуется от меня, о честнейший Брут?

— Да, не нравится мне эта затея,— продолжал рассуждать Брут,— но путь к свободе лежит через преступление.— Потом, словно скинув с себя оцепенение, Брут испытующе взглянул на мальчика: — Юний, республика тебя не забудет. Сейчас в городе ты никому не известен. Я отведу тебя в дом Сабины. В середине дня к ней придет диктатор. Середина дня. Середина месяца. Мартовские иды.— Брут махнул рукой.— Скверно все получается. Ну ладно. Один из ее слуг — верный мой клиент. Он спрячет тебя за занавеской, и ты подслушаешь, не изменились ли планы Цезаря. Он должен к вечеру прибыть в Сенат. Там все готово. Идем. Накинь тогу.

«Легко сказать: накинь,— подумал Женя,— а как?» Но руки мальчика сами потянулись к материи, валявшейся на сундуке, и через несколько секунд Женя выглядел обыкновенным римлянином, собравшимся на прогулку. «Ай да я,— похвалил сам себя Женя,— вернее, это Юний — молодец: завернуться в трехметровую тогу — и не запутаться! Любопытно, что еще я умею делать? Точнее, на что способен этот паренек, которого звали Юний?»

Он спускался за Брутом по узкой, темной лестнице, когда на площадку нижнего этажа выскочила толстая, пожилая женщина, похожая на армянку. Женщина истошно вопила, закрывая лицо руками, на которых проступали багровые рубцы. Тут же появился мрачный мужчина в грязном хитоне и, не говоря ни слова, хлестнул женщину плеткой. Женя оторопел от неожиданности, потом, стиснув кулаки

и забыв про все на свете, бросился на мужчину. Но Брут успел поймать мальчика за тогу и сжал в своих крепких объятиях.

— Не вмешивайся в чужие дела! — приказал Брут.— Ты погубишь республику!

— Но ведь бьют женщину! — воскликнул мальчик, все еще пытаясь вырваться.

— Не женщину, а восточную рабыню. Хозяин имеет на это полное право.

И Брут вытолкал мальчика на улицу.

По мостовой тащились мулы, подгоняемые гортанными криками торговцев. Гончары и ремесленники, расстелив прямо на земле куски полотна, выставляли бронзовую и глиняную посуду. Толпа служанок и рабов пронесла носилки, на которых восседал лысый толстяк. Двухметровый негр семенил сзади, держа над головой своего господина цветной зонтик. Блистая позолоченной амуницией, гордо прогарцевал всадник с белыми перьями на шлеме. Да, много интересного можно было увидеть в этот утренний час на улицах древнего города. Но Женя ничего не замечал. Потрясенный недавней сценой, он упрямо повторял про себя: «И ты, Брут, защитник рабства? А еще республиканец!»

Так они дошли до двухэтажного дома, где Брут остановился около высокой двери, разукрашенной металлической чеканкой. Брут дважды дернул за веревку звонка. Дверь приоткрылась, высунулась курчавая голова, лукавый глаз подмигнул мальчику, и Женя оказался во внутренних покоях.

Признаться, Сидоров не ожидал, что попадет в такое роскошное помещение. Пол был вымощен цветными камнями и мраморными

плитами. Резные колонны, подпиравшие потолок, соединялись легкими перегородками. У дверей стояли изящные скульптуры, а на стенах висели картины. И ни единого стула или стола, никакой мебели.

«Не дом, а музей»,— подумал Женя, следуя за слугой по длинному широкому коридору.

— Спрячься в библиотеке, я дам знак,— шепнул мальчику курчавый раб и раздвинул бархатный занавес между статуями Юпитера и Аполлона.

Два мягких кресла посредине комнаты. Вдоль стен тянулись ряды ящиков. На крышке каждого ящика — римская цифра. «Какая же это библиотека? — озадаченно подумал Женя.— Складское помещение». Но, как ни были напряжены нервы мальчика, любознательность взяла верх. Он приоткрыл одну из крышек и вытащил из ящика исписанный четкими буквами пергаментный свиток. И только теперь Женя вспомнил, что у древних римлян не было книг.

Сзади его окликнули. Курчавый раб показывал пальцем на зеленую портьеру. Женя подошел к ней и услышал рядом с собой женские голоса. На уровне глаз он обнаружил в зеленой портьере маленькую дырочку. Конечно, Женю учили, что подглядывать — неприличное занятие, но...

То, что он увидел, сначала испугало его: в окружении служанок сидела женщина в белой сорочке с гипсовой головой. Да, да, голова как будто была вылеплена из гипса — лицо покрыто трещинами, без бровей, беззубый рот. Женя отпрянул. «Ну и страшилище! — ужаснулся

мальчик.— Неужели Цезарь явится к этой старухе?»

— Принеси молоко,— раздался за портьерой капризный голос молодой женщины.— Фу, оно слишком теплое! Скафион, смой с меня маску!

Послышался звук плещущейся жидкости. Еще раз заглянуть в дырочку Женя не решался.

— Где мои волосы? — продолжал тот же капризный голос.— Негодница, они слишком светлые! Я прикажу тебя высечь!

— Госпожа Сабина,— ответил тонкий голос служанки,— это самый модный цвет.

Возня за портьерой длилась примерно полчаса. Женя переминался с ноги на ногу и изредка оглядывался — не вошел ли кто в библиотеку. Судя по всему, утренний туалет Сабины близился к концу.

— Подклей мне правую бровь! — властно распоряжалась Сабина за портьерой.— Достань из ларца зубы. Осторожней втирай румяна.

Когда Женя снова рискнул заглянуть в дырочку, он вместо старухи увидел ярко-рыжую красавицу, примерявшую золотое ожерелье. «Вот так фокус!» — удивился Женя, и в этот момент почувствовал за своей спиной чье-то

дыхание. Он обернулся и остолбенел: рядом с ним стоял Цезарь, постаревший, обрюзгший. И опять Женю поразило его сходство с дядей Васей!

Глаза Цезаря метали молнии. Ни слова не говоря, он вцепился пальцами в ухо мальчика и поволок Женю за собой в противоположный угол библиотеки.

— О боги, что творится в городе! — зашептал Цезарь.— Стыд, позор, падение нравственности! Юный школьник, ритор, а уже проявляет нездоровый интерес к женщинам.

— Дядя... — залепетал Женя, чуть было не назвав Цезаря дядей Васей.— Честное слово, я не подглядывал! Мне велели спрятаться за портьеру и ждать вас.

— Я твой дядя? — переспросил Цезарь, отпуская Женино ухо.— Хм... Как только я стал властелином Рима, у меня появилось бесчисленное количество родственников! Впрочем, лицо мне твое знакомо. Где же я тебя видел?

У Жени промелькнула шальная мысль: а вдруг это дядя Вася решил выручать племянника и переоделся Цезарем? Зачем тогда играть в прятки?

— Недавно на даче мы вместе праздновали... — намекнул мальчик.

— Пир на загородной вилле? — удивленно поднял брови Цезарь.— Увы, я давно лишен мирских радостей!.. Государственные дела, Сенат, интриги, войны... Притом на мне еще обязанности жреца. Где уж тут веселиться?

И Цезарь вздохнул.

«Нет, это настоящий Гай Юлий Цезарь! Дядя Вася не стал бы ломать комедию»,— подумал мальчик и спросил с ехидством:

— Тогда зачем вы пришли к этой кукле?

— Не задавай глупых вопросов.— В глазах Цезаря блеснули озорные искры.— Подрастешь — узнаешь. И мой тебе совет на будущее: не связывайся с женщинами! Упреки, подозрения, истерики... Морока, а не жизнь.— Цезарь притворно вздохнул и деловито осведомился: — Зачем ты ждал меня, ритор?

— О великий Цезарь! — в тон ему ответил Женя.— Я хочу тебя предупредить: сегодня в Сенате соберутся заговорщики, они набросятся на тебя и заколют кинжалами. Не ходи в Сенат!

Цезарь прищурился, щелкнул пальцами.

— Так, так, еще одно предупреждение. А кто главный заговорщик?

«Брут»,— чуть не сорвалось с губ мальчика, но он вовремя спохватился: не к лицу пионеру выдавать имена людей, которые ему доверились. Конечно, Женя должен помочь Цезарю, но, с другой стороны, Женя никогда не был ябедой. Мальчик опустил глаза:

— Пойми меня правильно, Цезарь. На этот вопрос я не могу ответить.

— Тогда я никаких предупреждений не принимаю,— насупился Цезарь.— Пойду в Сенат, тебе назло.

— Великий Цезарь! — взмолился мальчик.— Ну, будь умницей! Мы же не в игрушки играем. Дело государственной важности! Сегодняшний день может круто изменить Историю. Ты властитель Рима, а мне известно будущее. В наших силах ускорить путь человечества к прогрессу! — Женя осекся, поняв, что сболтнул лишнее, однако по реакции Цезаря увидел: ошибка была допущена в другом.

— «В наших силах»? — возмутился Цезарь, делая ударение на слове «наших».— Новый союз, новый «двуумвират»?! Хватит с меня прежних триумвиратов! Я, Гай Юлий Цезарь, верховный жрец, сам могу предсказывать будущее! А тут мальчишки с советами лезут... «Ускорить прогресс человечества»! Плевать мне на человечество! Существуют только римляне, остальные — рабы.

— Извини, Цезарь,— пытался успокоить его Женя, не обращая внимания на грубый тон диктатора.— Пожалуйста, оставайся у своей Сабины, а в Сенат пошли войска. Пусть всех арестуют.

— Послать войска? — Цезарь усмехнулся.— А где доказательства? В городе будут смеяться надо мной.

— Великий Цезарь,— забормотал Женя, чуть не плача.— Заклинаю всеми святыми, останься дома, не ходи в Сенат!

Лицо диктатора смягчилось, и он ласково потрепал мальчика по щеке:

— За добрый совет — спасибо,. но поступить иначе не имею права. Если меня и решили убить, то заговорщики найдут другой способ. Весь вопрос в том: нужен ли я сейчас Риму? Если нет — меня ничто не спасет. Однако я не должен показывать вида, что кого-то боюсь. Лучше умереть один раз, нежели постоянно трепетать. Запомни: Цезарь всегда есть Цезарь!

И повелительным жестом Цезарь указал мальчику на дверь.

Глава VII

Детектив по-римски

Однако не так легко было уговорить Женю отказаться от намеченной цели. Первым делом, выйдя из дома Сабины, он сообщил поджидавшему его Бруту, что Цезарь намерен целый день провести у этой дамы. Брут, естественно, удивился, но Женя заверил заговорщика, что он, Юний, будет стоять на страже у дверей дома. Если Цезарь вдруг покинет убежище, то мальчик опередит диктатора и подаст в Сенате условный сигнал. Брут сказал, что Сенат соберется в курии Помпея, и поспешил к товарищам. Теперь появилась надежда, что сенаторы, узнав последнюю новость от Брута, перенесут заседание на следующий день.

Женя слонялся около дома часа полтора. Солнце припекало, хотелось пить. Цезарь все еще не выходил. И тут Женя заметил, что за ним внимательно наблюдает огромный рыжий детина в доспехах центуриона. Центурион стоял, прислонившись к стене соседнего дома, и не спускал с мальчика глаз. Когда Женя поравнялся с солдатом, тот окликнул его:

— Эй, приятель, по-моему, мы где-то встречались!

«Еще бы,— подумал Женя,— и не далее как вчера. На плече осталась царапина от твоего копья. Но по римскому летосчислению после Фарсальской битвы прошло несколько лет. Неужели Назон меня запомнил?»

— Твое лицо мне незнакомо,— небрежно бросил мальчик.— Впрочем, у меня плохая зрительная память.

— А у меня отличная подозрительная память,— усмехнулся Назон.— Догадываюсь, что ты шпион Секста Помпея. Чего торчишь около дома?

— Я не торчу, я слуга госпожи Сабины,— передернул плечами Женя и, сохраняя достоинство, вошел в дом. Действительно, у него не было другого выхода. «И вообще, хватит прятаться,— решил Женя.— Надеюсь, на этот раз мне удастся уговорить Цезаря».

Не скрываясь и не таясь, он прошел по пустому коридору и раздвинул портьеру перед покоями Сабины.

Рыжая красотка возлежала на высоком ложе, в мечтательной дремоте перебирая холеными пальцами с ярко-красными ногтями янтарные бусы.

На ней была длинная домотканая туника ослепительной белизны.

— Ах, какой прелестный ритор! — томно протянула Сабина, нимало не смутившись при внезапном появлении Жени.

— Где Цезарь? — деловито осведомился Женя.

— Фу, мальчик, твой вопрос нескромен. Цезарь? Ах да, божественный Юлий милостив ко мне. Но сегодня он очень торопился...

— Как, его нет?

— У великих людей свои слабости,— тонко улыбнулась Сабина, обнажая ровный ряд фальшивых зубов.— Цезарь покинул меня час тому назад. Он предпочитает садовую калитку.

Женя почувствовал, что краснеет. Идиот, дурак, неуч, хвастун! Ведь написано во всех учебниках истории: в римских домах всегда был запасный выход, через сад. И как Женя

забыл про это? Бежать, пока не поздно. Но Сабина расценила волнение мальчика по-своему:

— О юный ритор, не хочешь ли ты немного отдохнуть?

— Это уж бросьте! — возмутился Женя.— Мама меня укладывает, дядя Вася и дядя Жора укладывают! Я не маленький и мертвый час мне ни к чему!

Сабина, ничего не понимая, вытаращила глаза. Женя махнул рукой и бросился на улицу.

На первом же перекрестке он увидел кучку испуганных горожан. Торговцы запирали лавки. Несколько легионеров с мрачными лицами протопали по мостовой и скрылись за углом.

На перекресток выехал всадник, снял шлем и охрипшим, плачущим голосом произнес:

— Граждане, идите к Сенату! Убит Великий Цезарь! Горе нам, горе!

Когда Женя добрался до курии Помпея, там уже собралась огромная молчаливая толпа. Горожане выглядели растерянными и прибитыми. Никто не знал, что предпринять. Чуткое ухо мальчика улавливало осторожный шепот:

— Бедный Цезарь!

— Молчи, Марк, навлечешь гнев его врагов!

— Антоний и Лепид не кажут носа!

— Но и убийцы спрятались в Капитолии.

— О боги, кто правит Римом?

— Говорят, в Сенате не ждали его появления.

— Сначала подали записку, а потом набросились с кинжалами.

— Он упал к ногам Великого Помпея.

Женя поднял голову и увидел позолоченную трехметровую статую Гнея Помпея — вылитого дяди Жоры. Помпей — дядя Жора опирался на копье, а в другой руке держал нечто похожее на секундомер. Мальчику почудилось, что глаза статуи ожили, различили его в толпе, а бронзовая могучая рука щелкнула секундомером. И как ни трагична была эта минута, Жене вдруг пришло в голову, что там, на даче, дядя Жора, наверно, давно проснулся и недоумевает, куда же запропастился племянник...

* * *

С Аппиевой дороги возвращались экипажи богачей, выехавших утром на загородную прогулку: легкие колесницы, запряженные мулами, четырехколесные повозки, с которых свисали дорогие ковры. Некоторые экипажи сопровождали вооруженные негры, криками разгонявшие толпу, а иногда впереди повозки бежал скороход или большая собака.

Женя заглянул в маленькую лавку, привлеченный густым запахом горячей пищи. На столе, сложенном из кирпича, дымились четыре глиняных горшка. На скамье сидело несколько рабов в грязных хитонах — они ели бобовую похлебку и запивали красным вином. За отдельным деревянным столиком трое вольноотпущенников играли в кости. В углу, прямо на полу, мирно спал пьяный мулат. Казалось, весь кабачок насквозь провонял уксусом и чесноком. И хоть Женя изрядно проголодался, это «амбрэ» начисто отбило у него охоту к еде.

Женя кружил по узким переулкам в поис-

ках Субуррской улицы. Прохожие попадались все реже. Черная туча нависла над Капитолийским холмом. Послышались отдаленные раскаты грома. Быстро смеркалось.

Еще после своего первого путешествия Женя понял, что время, проведенное им в Истории, не совпадает с тем реальным временем, которое отсчитывают часы на подмосковной даче. Тут надвигался вечер. Там, наверно, только готовились к обеду. И все-таки Женя явно опаздывал. Все больше им овладевало беспокойство. В первом путешествии его незримо охранял дядя Вася. А теперь? Вдруг он заблудился?

Стемнело. Начал накрапывать дождь. Над Капитолийским холмом полыхали зарницы. На улице замелькали горящие факелы. Усталый, промокший мальчик был близок к отчаянию. Но, к счастью, он буквально носом ткнулся в знакомую дверь.

На этаже, где утром хозяин избивал рабыню, вкусно пахло жареным гусем. Женя проглотил слюну. Ужасно хотелось есть.

Он поднялся в свою комнату, ощупью добрался до кровати, лег, вытащил из-под рогожи припрятанные ремни, привязался.

Сейчас он должен сосредоточиться и четко отдать команду. Но в голове настойчиво крутилось: «Гусь, жареный гусь».

* * *

— Ну, эти римляне! — бормотал Женя, вылезая из сугроба и отряхивая снег с пальто.— Чтоб я еще раз рисковал из-за них? Да провалиться мне на этом месте... Чур-чура, хва-

тит, напроваливался! Да так, что выбросило прямо к даче! А вот и гусь! — обрадовался Женя, заметив рядом с собой ощипанную птицу.— Сколько же времени я странствовал!

— Где справедливость? — донесся из кухни рассерженный голос дяди Васи.— Стоит только отлучиться из дома, как мальчик словно сквозь землю проваливается! Георгий Михалыч, ты куда его послал!

— Не помню,— ответил расстроенный голос дяди Жоры.— У меня голова побаливала, я малость прилег.

— Понимаю, прилег... — язвительно продолжал дядя Вася,— небось за боржомом к Емельянычу бегал, а ребенок пропадает неизвестно где!

Дядю Жору надо было срочно выручать, и Женя рывком распахнул дверь:

— А вот и я! Задержался, стоял в очереди за гусем. Дядя Жора меня послал.

Дядя Жора непонимающе моргал, силясь что-то припомнить. Коты настороженно мяукали, а дядя Вася расплылся в улыбке.

— Вот это гусь! Гляди-ка, Михалыч, после праздников выбросили! Свежий, упитанный.

— Угу,— подтвердил Женя,— выбросили.

— А деньги? — спохватился дядя Вася.

— Ну, мама мне дала на карманные расходы,— замялся мальчик.

Дядя Жора всплеснул руками и полез за бумажником.

«Я веду странную жизнь,— размышлял Женя за обедом.— В течение первой половины дня успеваю поспать полночи, и опять меня клонит в сон. Еще бы, я пробыл в Истории бо-

лее суток! Рассказать о моем путешествии сейчас? А что, если взрослые разозлятся и запрут погреб? Кстати, откуда это разительное сходство между некоторыми людьми прошлого и моими знакомыми и близкими? Ладно, отдохну, наберусь сил, а потом как следует обо всем порасспрошу! Не забыть вернуть дяде Жоре деньги — ведь гусь мне достался бесплатно...»

После обеда Женя, к удивлению и восторгу родственников, сам, добровольно, отправился спать.

Сквозь дрему он слышал, как на кухне с шипением жарится гусь.

Глава VIII

Новости науки и техники плюс знакомые ду́хи и гении

Вечером, лишь только все торжественно сели за стол и Женя приготовился начать свою исповедь, появился Максим Емельяныч.

— Пришел на запах! — сказал Максим Емельяныч, доставая из сумки бутылки с боржомом.

Гостя встретили радушно. Дядя Жора разливал минеральную воду в бокалы и блаженствовал.

— Чудесный напиток! — приговаривал он.— Не понимаю людей, которые пьют что-либо крепче,— и противно, и здоровью вредит.

Дядя Вася и Максим Емельяныч прятали улыбки и налегали на гуся. Гусь действительно просто таял во рту. Взрослые добрым словом поминали передовиков Томилинской пти-

цефабрики, вырастивших эту вкусную птицу, а Жене кусок не лез в горло.

Женя был честным мальчиком и никогда не обманывал. Но знает ли Максим Емельяныч о существовании таинственного погреба с бездонным колодцем, вглубь которого плавными кругами спускается пластмассовая труба? Дядя Вася предупредил — это тайна. Можно ли разглашать тайну посторонним? Где же выход? Умолчать о своем «путешествии»? Но это нечестно. А если попробовать намекнуть так, чтоб поняли только дядя Вася и дядя Жора? Ведь римляне подарили мне гуся...

— Дядя Жора,— наконец решился мальчик, выкладывая на стол деньги,— на гуся я не истратил ни копейки. Я его получил как приз за... — Женя выделил последние слова,— за прекрасное знание и с т о р и и.

Дядя Жора выронил вилку, дядя Вася чуть не подавился. Родственники переглянулись, а Максим Емельяныч, ни о чем не догадываясь, громко рассмеялся:

— Где это у нас такие викторины разыгрывают? Сказал бы адресок. Впрочем, парень молодец!

— Женька-то молодец,—процедил сквозь зубы дядя Жора,— но я, Василь Палыч, хочешь не хочешь, запираю погреб на замок.

— Я купил новые батарейки,— смущенно пробормотал дядя Вася,— только вставить их не успел.

— Какие батарейки, какой погреб? — удивился Максим Емельяныч.— Женьку наградили на викторине, радоваться надо. А вы о каком-то замке́ спорите...

— Тут не замо́к нужен, а ремень,— вздох-

нул дядя Вася.— И кто тебя, Женька, воспитывал?

— Хорошо воспитали,— пробасил Максим Емельяныч с набитым ртом.— Вкусного гуся принес, упитанного! И в чем же ты отличился?

— Вот именно,— подхватил дядя Жора, свирепо вращая глазами.— Где, то есть... в какой области истории?

Женя незаметно сделал знак дяде Жоре— дескать, не беспокойтесь, не проговорюсь — и начал:

— Меня спросили: какие последствия имело для Римского государства убийство Цезаря? И я рассказал о заговоре Брута, о Мартовских идах, о том, что из достоверных источников известно: Цезаря предупредили о готовящемся заговоре.— Дядя Вася ойкнул, дядя Жора схватился за сердце, а мальчик, удовлетворенный произведенным эффектом, продолжал: — Однако благодаря своему упрямству и самоуверенности Цезарь не послушался доброго совета! В итоге — он был убит, Рим охватили смута и волнения, и все усилия, направленные Цезарем на создание могущественной Римской империи, пошли прахом.

— Да Женька ваш профессор, эрудит! — сказал Максим Емельяныч, кладя на тарелку обглоданную гусиную ножку.— В тринадцать лет — такой острый ум!..

— Не перехвали мальчика,— остановил Максима Емельяныча дядя Вася.— Насколько я понимаю, Женя считает, что опять в ход Истории вмешалась досадная случайность?

— Разумеется,— подхватил Женя.— Если бы Цезаря не убили...

— То что бы изменилось? — в тон мальчи-

ку спросил дядя Вася.— Давайте спокойно разберем этот эпизод. Некоторые источники указывают, будто Брут заявил накануне убийства: «После смерти Цезаря римский народ стряхнет с себя оковы диктатуры».

Женя вздрогнул, забыв все правила конспирации, уставился на дядю Васю. Да, Брут так говорил, но ведь в комнате, кроме Жени, никого не было!

Дядя Вася, заметив реакцию мальчика, усмехнулся:

— В наше время образованному человеку достаточно заглянуть в книги, чтоб представить себе истинную картину. Эта цитата из Брута приводится Цицероном. Итак, Женя утверждает: внезапная смерть Цезаря похоронила его планы. К сожалению, мальчик склонен обращать внимание только на внешние события. Он забывает, что в истории все закономерно, а случайности не играют никакой роли. Каковы же были последствия заговора в Сенате? Брут не имел четкого плана действий. Сторонники Цезаря — Антоний и Лепид — остались на свободе. Когда заговорщики призвали римлян восстановить республику, то есть воспользоваться своими гражданскими правами, на их призыв никто не ответил, да и не мог ответить: граждан как таковых уже не существовало. Бесплатная раздача хлеба в течение многих лет привлекала в город нищих, лентяев и злодеев из всей Италии. Город был переполнен вольноотпущенниками. В Риме проживали не римляне, а пестрая смесь разных наций. Городом мог управлять только диктатор. Армия имела решающее слово. Не стало Цезаря — пришел Август. Сменилась вывеска,

а диктатура осталась. Цезарь погиб, а дело его победило.

— Пожалуй, дядя Вася прав,— согласился Максим Емельяныч.— После его слов можно поставить точку. Однако история бесконечно сложнее. Некоторые ученые видят в Цезаре лишь великого авантюриста и гениального неудачника. Цезарю не удалось осуществить свои планы. Да, его поддерживал городской плебс, итальянские провинции и армия. Цезарь стремился превратить Римское государство в мировую монархию греческого образца, в которой бы растворился и сам город Рим. Однако этот замысел был преждевременным. Его воплотил в жизнь только Константин Великий через несколько столетий!

— Если копать глубже,—сказал дядя Жора,— то может показаться, что победил не Брут, не Цезарь, а... Гней Помпей. Он один правильно учитывал реальные обстоятельства. В создавшихся условиях Римом должен был править человек, занимающий особое положение, охраняющий власть аристократии с тем, чтобы Рим по-прежнему играл исключительную роль в судьбе империи. Поэтому Август продолжал политику не Цезаря, а Помпея.

И дядя Жора скромно потупился.

— А если говорить об экономике...—начал дядя Вася.

Но Максим Емельяныч категорическим жестом прервал его:

— Уймитесь, ораторы! Ребенка совсем замучили! Мальчик приехал сюда отдыхать, гулять на свежем воздухе, любоваться природой. А вы набросились на невинное дитя со своими учеными рассуждениями...

— Это не я,— сконфуженно забормотал дядя Вася.— Я предлагал петь «В лесу родилась елочка...», а Женька первый стал приставать с каким-то Фарсальским сражением, дескать, все там неправильно, не по науке... Ну и пошло.

— А вы обрадовались и довели ребенка до слез.

Максим Емельяныч был близок к истине — и вправду Женя чуть не плакал. Всю свою сознательную жизнь Женя считал себя самым умным по части истории. В школе им восхищались. Ирина Алексеевна поражалась знаниям своего ученика. И вдруг все рухнуло! Мало того, что Женя не сумел воспользоваться редчайшей возможностью изменить ход событий,— выяснилось, что он попросту ничего в них не понимает! Подумать только! Женя хотел помочь Цезарю — восторжествовал не Цезарь, а Брут; потом оказалось, что не Брут, а Цезарь; потом откуда-то вынырнул Помпей как главный триумфатор... Фу, голова идет кру́гом! А дяди-то хороши... Это они нарочно дурачками прикидывались, чтоб над Женей посмеяться! И с гусем, наверно, все подстроили. Сами прекрасно во всем разбираются — и про экономику, и про политику, и про социологию. Просто профессора! Куда с ними Женьке тягаться!

— «В лесу родилась елочка...» — жалобно затянул Женя.

— «В лесу она росла...» — мгновенно подхватил дядя Жора.

— «Зимой и летом стройная, зеленая была»,— вступили басом дядя Вася и Максим Емельяныч.

Затем все дружно исполнили популярную песню «Хочешь в турпоход?». Коты старательно подвывали.

— А завтра пойдем на лыжах,— сказал дядя Вася.

На том и порешили.

* * *

Утром дядя Вася и Женя надели спортивные костюмы, смазали лыжи мазью и отправились в лес. Ах, как хорошо было скользить меж сосенок и берез, вдыхать полной грудью свежий морозный воздух! Начисто забыв про всех царей, императоров, диктаторов, полководцев, с ясной и светлой головой, Женя почувствовал себя превосходно.

Они дошли до оврага, и дядя Вася лихо промчался по отлогому склону. Женя выбрал спуск покруче, но не удержал равновесия и влетел в кусты. Это происшествие привело в восторг невесть откуда взявшегося дядю Жору. Дядя Жора стоял на краю оврага в валенках, овчинном тулупе, меховой ушанке и с неизменным секундомером в руке. На правом плече у него сидел кот Васька, на левом — кот Георгий. Впечатляющее было зрелище!

Женя, выбравшись из кустов и снова нацепив застрявшие в сугробе лыжи, предложил дяде Васе соревнование: кто быстрее преодолеет крутой спуск — благо, теперь присутствовали и зрители и судьи. Услышав эти слова, дядя Жора защелкал секундомером, а зрители кубарем покатились в сугроб. Отряхнувшись, кот Васька вскарабкался на могучий дуб, раскидистые ветви которого нависали над овра-

гом, а кот Георгий, наоборот, сполз к кустам, чтобы поудобнее наблюдать «прохождение по трассе».

Дядя Вася прошел дистанцию за семь и три десятых секунды.

Женя затратил на секунду больше.

Дядя Вася со свистом пронесся по крутому склону и достиг зачетной черты за семь секунд ровно.

Женя принял низкую стойку, сильно оттолкнулся и очертя голову ринулся вниз. Заветная черта буквально выпрыгнула навстречу, левая лыжа ушла вперед, и Женя кувырнулся на самом финише.

— Фантастика,— восторженно кричал дядя Жора,— шесть и пять десятых секунды!

— Результат нельзя засчитывать,— спорил дядя Вася,— гонщик упал!

— Подумаешь,— возражал дядя Жора,— Женька был смелее тебя. Он пролетел, точно пуля.

— «Смелее, смелее»! — передразнил его дядя Вася.— Конечно, легко наблюдать со стороны. Вот сам попробуй!

Мальчик, вприпрыжку подымавшийся по склону, застыл как вкопанный. Его поразили слова дядя Васи: со стороны легко, сам попробуй. В них крылась разгадка его неудачных путешествий. Именно так. Давать советы каждый горазд. А вот самому попробовать... Но как?

Он знает секрет таинственного погреба и может попасть в любую эпоху. А вот перевоплотиться в какого-нибудь исторического героя? Возможно ли это?

Домой они вернулись поздно, усталые и довольные. Но весь следующий день Женя был неразговорчив и мрачен, хоть и старательно подпевал дяде Васе, когда тот заводил: «Хочешь миллион?» — «Нет!». Он мужественно играл с дядей Жорой в шашки (хотя всегда презирал эту игру), он даже достал «Ботанику» и честно прочел раздел про тычинки и пестики (приведя тем самым обоих котов в состояние крайнего смятения), все напрасно: Женино настроение передалось взрослым. Третье января прошло уныло и скучно.

Женя укладывался спать, когда к нему в комнату заглянул дядя Вася.

— Ну, герой, признавайся,— начал дядя Вася, присаживаясь на край кровати,—чем мы перед тобой провинились?

— Зачем же так? — притворно вздохнул

Женя и уткнулся в подушку.— Мы чудесно проводим время.

— Куда же мы его *проводим*?

— «Я вас люблю и уважаю, беру за хвост и провожаю»,— продекламировал детскую присказку Женя.— Вот и мы наблюдаем, как проходят дни. Изменить что-либо мы бессильны, даже если все знаем заранее.

В голосе мальчика звучала обида. Действительно, получалось, что он напрасно спускался в Рим. Не Женя ли бегал за Цезарем и Помпеем, умолял их, уговаривал? И все без толку!

— Взгляд на историю как на процесс фатальный торжествует! — ехидно закончил мальчик.

— Ладно придуриваться.— Дядя Вася посерьезнел.— Впрочем, понимаю, о чем ты думаешь,— дескать, со стороны, конечно, виднее, а вот была бы возможность самому принять участие... Угадал?

— Дядя Вася! Но ведь случались и очевидные глупости! К примеру, Квинтилий Вар... Непростительная ошибка: потерял три легиона. Любой бы другой человек на его месте...

— Беда с тобой, Женька! — Дядя Вася помолчал.— Что ж, давай рискнем. Да не вскакивай, лежи! Засыпай! Предупреждаю: нелегкое ты затеял дело.

— Ночью пойдем в погреб? — догадался мальчик.

— Спи. И будь умницей. К сожалению, не могу тебе пожелать спокойной ночи. Ох уж эта страсть к приключениям!

* * *

Наместник Германии, Публий Квинтилий Вар проснулся среди ночи в отвратительнейшем настроении. Ему приснилась наглая рожа пасынка божественного императора Августа — Тиберия. Клавдий Нерон Тиберий (после усыновления Августом получивший имя Тиберия Юлия Цезаря) публично оскорблял в только что виденном сне германского наместника, приговаривая: «Ты, Квинтилий, бездарнейший осел! Мой брат Друз завоевал эту провинцию, и не с твоим неумытым рылом ею править! Ты всегда был ослом и им останешься! Сейчас я сяду на тебя верхом...» При этом Тиберий пытался вскочить на спину Квинтилию. Ужасный сон!

Как и все благочестивые римляне, Квинтилий Вар верил в сновидения. Дурная примета, ничего не скажешь! Но Квинтилию показалось особенно странным, что в его перепалку с Тиберием влез какой-то молодой, совершенно незнакомый голос. Он поддерживал Тиберия и все время повторял: «Квинтилий Вар, не ходи в Тевтобургский лес!»

Тут было о чем призадуматься! Вот уже второй день легионы двигались ускоренным маршем на север. Там, за лесами, укрылись смутьяны, поднявшие восстание против священной власти римского императора. Мятеж возглавил предатель Арминий, вождь племени херусков, которого сам Квинтилий Вар, желавший мира и спокойствия в провинции, облагодетельствовал, принял на службу и даже причислил к всадническому сословию. И вот, вместо благодарности...

Видят боги, Квинтилий Вар стоял на стра-

же справедливости. Он обложил страну умеренными налогами, не требовал ничего лишнего, приучал варваров к римским порядкам. А дерзкий Арминий осмелился упрекать наместника: «Вы посылаете к нашим стадам не собак, не пастухов, а волков».

Конечно, изменник Арминий со своими жалкими отрядами не представлял опасности для могущественной империи. В другое время Квинтилий Вар направил бы на север несколько когорт и подождал бы, пока мятежники, загнанные в глухие леса, не попросят пощады. Но после известных событий в Паннонии, когда восставшие захватили даже Македонию, в Риме весьма болезненно реагировали на волнения в провинциях. Гонец, прибывший из Рима, передал наместнику свиток от императора. Август писал, что не понимает медлительности Квинтилия Вара.

Быстрая карьера Квинтилия Вара не вскружила ему головы. Он по опыту знал, что нет ничего страшнее императорской немилости. Поэтому он вызвал Смертоносный легион с Рейна и, присоединив его к двум резервным легионам, выступил в поход. Три легиона! Этой армии вполне достаточно, чтобы предать огню и мечу всю Германию. Наместник не хотел рисковать. С тремя легионами он мог не бояться никаких неожиданностей.

Квинтилий Вар свесил с кровати правую ногу (как человек суеверный, он всегда вставал с правой ноги), накинул на плечи плащ и крикнул слугу. Заспанное лицо негра-телохранителя заглянуло в палатку.

— Позови пуллария,— распорядился наместник и начал обуваться.

Он вышел из палатки и вдохнул холодный ночной воздух. Лагерный вал окаймляла ровная цепочка костров. В свете пламени мелькали фигурки часовых. «Надо усилить охрану»,— подумал Квинтилий Вар, хотя для беспокойства у него не было ни малейших оснований: ров и бруствер соорудили по всем канонам военного времени, а по сведениям разведки, противник беспорядочно отступал, избегая столкновения с авангардным отрядом римлян. Накануне похода пантифик принес жертву Марсу и определил, что боги сулят удачу. Сейчас солдаты отдыхали, и ничто, казалось, не могло нарушить их сон. И вдруг опять Квинтилий Вар услышал незнакомый голос: «Будь осторожен, не ходи в Тевтобургский лес!» Причем этот голос прозвучал в голове самого наместника. Из глубины памяти всплыла совершенно непонятная картина: какая-то нелепая комната с висящим под потолком светильником, за столом в смешных одеждах сидят Цезарь, Помпей и две молодые женщины; пирующая компания тихо напевала: «Дорогой Квинтилий Вар, верни легионы». Откуда это странное видение? Ничего похожего с Квинтилием Варом вроде не случалось. «О боги! — взмолился наместник.— Чем я вас прогневал?»

Как только он вернулся в палатку, у входа раздалось робкое покашливание пуллария.

— Священные цыплята приняли корм? — не оборачиваясь, спросил наместник.

— Да,— ответил хранитель цыплят,— то есть нет. Они раньше клевали, а теперь не хотят.

Наместник круто повернулся, прищелкнув сандалиями, и пулларий сжался под его тяжелым взглядом.

— Ты солгал и за это будешь наказан! — жестко проговорил Квинтилий Вар.— Мне было доложено о благоприятных знамениях, и я продолжаю считать их благоприятными.

— Я насыплю цыплятам душистого семени,—забормотал пулларий.—Это моя вина. Боги к нам благосклонны. Цыплята обязательно примут пищу.

— Проваливай, а потом доложишь,— прорычал Квинтилий Вар.— Плохо дело! Как раз цыплята смущали менее всего: с богами было договорено заранее, боги одобрили поход, теперь им ничего не останется, как выполнять условия соглашения. Даром на них, что ли, перевели трех быков! *Цыплята не клюют — значит*, кто-то из богов закапризничал, бывает. Но вот этот голос, который пугает каким-то Тевтобургским лесом... Предзнаменование? Вещее предчувствие? А может, в меня вселилось какое-то божество? Развелось их на Олимпе великое множество, всех не припомнишь.

«Да,— заговорил голос,— если хочешь, считай меня богом по имени Евгений».

«Евгений, то есть гений,— догадался наместник.— Доброе божество, я пожертвую тебе вино! Поправка: кувшин вина»,— уточнил прижимистый наместник.

«Я не пью вина,— ответил голос.— Лучше выполняй мои указания».

— Да будет так! — согласился Квинтилий Вар.— Я не дурак, чтобы пренебрегать помощью добрых гениев.

И, довольный тем, что, можно сказать, со-

всем даром заручился личной поддержкой божества, наместник крикнул в темноту:

— Проводника ко мне!

Проводник, худой тевтонец, щурясь от яркого света лампы, начертал на пергаменте план местности. Путь на север преграждали леса. Они протянулись широким поясом на сотню миль, и самый узкий лесной массив пересекала дорога, которой и намеревался следовать Квинтилий Вар.

«Именно здесь тебя атакует Арминий,— подсказал голос.— Выбери другой путь».

— О боги!—возопил Квинтилий Вар.—Вы делаете из меня безумца!

Проводник испуганно замолчал, не понимая, с чего взвился всесильный наместник. Меж тем Квинтилий Вар хищно глянул на проводника (тевтонец ощутил мурашки на спине) и вкрадчиво поинтересовался:

— Мы минуем лес за один переход?

— Непременно, если выйдем пораньше,— с готовностью подтвердил проводник и облизнул пересохшие губы. За кратчайший маршрут ему было обещано сто динариев — фантастическая сумма, бедный тевтонец никогда не держал в руках таких денег.

Лицо наместника исказила недобрая усмешка.

«Так-так, мой гений-хранитель. Ты утверждаешь, что именно здесь на меня нападут гнусные варвары. А если я сверну вправо или влево, то обязательно заночую в лесу. Что же помешает тогда Арминию атаковать мой лагерь? Или ты гарантируешь спокойный отдых моим солдатам?»

Голос не отвечал.

«Будем рассуждать логично,— продолжал наместник.— В лесу мне оставаться небезопасно. Где же выход?»

«Сверни на запад,— неуверенно посоветовал голос,— и обогни леса по берегу Рейна».

Квинтилий Вар мрачно расхохотался, и тевтонец затрепетал. «Чем я не угодил наместнику? — пронеслось у него в голове.— Или он задумал лишить меня награды?»

«О боги, я всегда был аккуратен в приношении жертв! Я был почтителен и покорен вашей воле. За что же вы издеваетесь надо мной?! — негодовал Квинтилий Вар.— Сегодня я могу кратчайшей дорогой выйти к лагерю Арминия и завтра одним ударом уничтожить сборище грязных варваров, а вы мне предлагаете затеять нелепый поход к Рейну, сроком на месяц! Если про это узнают в Риме, все городские собаки околеют со смеху! Август определит меня банщиком в термы, чтобы я мылил спины клиентам. Клянусь Юпитером, он будет абсолютно прав!»

Решительными шагами наместник вышел из палатки. Облака на востоке розовели.

— Трубить побудку! — скомандовал Квинтилий Вар, и тут же заиграли рожки.

Но недаром Квинтилий Вар славился своей осторожностью и осмотрительностью. Пока манипулы выстраивались в когорты, он вызвал к себе легатов и приказал, чтобы во время марша легионы шли сомкнутыми колоннами, чтобы тяжеловооруженные всадники вплотную следовали за передовыми отрядами. И полная боевая готовность!

Когда пятнадцатитысячная римская армия, блистая доспехами в лучах утреннего солнца, железной змеей поползла по лесной дороге, наместник был уверен, что теперь ему не страшны все фурии и демоны мира.

— Как называется эта местность? — небрежно спросил он у проводника.

— Мы входим в Тевтобургский лес,— ответил тевтонец.

«Ты упрям как осел»,— вздохнул голос.

Глава IX

«Дорогой Квинтилий Вар, верни легионы!»

К третьему января Алла успела побывать на семи елках — в Колонном зале Дома Союзов, в Клубе строителей, в Клубе текстильщиков, в трех школах и одной жилищно-эксплуатационной конторе — и просмотреть дважды «Неуловимых мстителей» (в кино и по телевизору).

Маша Мусина ходила на елку всего три раза, но зато участвовала в спевке хора во Дворце пионеров. «Неуловимые мстители» смотрела только по телевизору, а в кино — два двухсерийных индийских фильма.

Сережа Фрейман был на елке в Кремлевском дворце, Дворце спорта и в Клубе Министерства угольной промышленности. В кино смотрел «Ну, погоди!» пять раз, а по телевизору — репортаж из Первого медицинского института, документальный фильм «Урал» и популярную передачу «А ну-ка, девушки!».

Вовка Быстров не осчастливил своим присутствием ни одной елки, зато следил по телевидению за драматическими перипетиями хоккейных матчей «Спартак» — «ЦСКА», «Химик» — «Крылья Советов», «Динамо» — «СКА» Ленинград; по радио слушал репортаж о встрече в Челябинске между «Трактором» и «Автомобилистом» и сам отыграл один период на катке возле дома (матч был прерван после того, как Вовка засадил шайбу в окно первого этажа).

Лена Колесова значительно отставала от своих одноклассников (всего две елки и седьмая глава телевизионного спектакля «День за днем»). Правда, некоторый недостаток в зрелищах она с лихвой компенсировала тем, что перечитала «Королеву Марго», «Графа Монте-Кристо» и «Продавца приключений».

Итак, шел пятый день каникул, а школьники, собравшиеся на квартире у Аллы, меньше всего производили впечатление отдохнувших детей. И к Алле они пришли без видимой причины. Маша захотела пересказать подруге содержание индийских фильмов, которые в ее голове слились в один, и она не могла разобраться, где начало и где конец. Но все-таки фильмы ей очень нравились. Сережа завернул просто так, «на огонек», сразу включил телевизор и уже не отрывал глаз от концерта Госу-

дарственного ансамбля народного танца Таджикской ССР. Вова намеревался похвастаться очередным разбитым окном, но, не найдя достойных слушателей, наблюдал из кухни драку кота с собакой. Лена позвонила по телефону и таинственным голосом сообщила, что ей нужно зайти по очень важному делу, но, войдя в квартиру и скинув пальто, она тут же уткнулась в первую попавшуюся книгу. Да и сама Алла дома оказалась совершенно случайно: просто потеряла билет на очередную елку.

— Не переживай! — успокаивала ее Маша Мусина.— Все и так известно заранее. «Чего-то вы сегодня громкие, ребята! — передразнивала она затейника противным голосом.— Давайте-ка вместе, хором громко скажем: ти-ши-на!»

— «Нет, ребята, вы тихо сказали,— в тон ей подхватила Алла,— давайте еще раз погромче: ти-ши-на!»

— «А теперь посмотрим,— высоким, неестественным голосом продолжала Маша,— какие подарки нам сегодня принес Дед-Мороз?»

— «А где же ключик от сундучка, ребята? Нету ключика»,— поддержала Алла.

— «Ах, на елочке ключик! Молодцы, ребята, увидели!» — буркнул, не отрываясь от телевизора, Сережа.

— «Ну, а теперь, дети, давайте громко скажем: «Ну-ка, елочка, зажгись!» — все так же уткнувшись в книгу, пробасила Лена.

— «Молодцы, ребята! Услышала елочка, зажглась»,— пропищал Вова, продолжая смотреть в окно. Откуда он, не посетивший ни одной елки, мог узнать этот текст, так и осталось загадкой.

Помолчали. Пародия на затейника вывела ребят из «лунатического» транса, в который они впали с первого дня каникул благодаря усиленной погоне за зрелищами разного рода, напомнив им, что они как-никак одноклассники, можно сказать, коллектив, и у них есть общие интересы. Захотелось поделиться впечатлениями. По школьной привычке все говорили одновременно, почти не слушая друг друга:

— Этот нищий, то есть вор, полюбил раджу, то есть не раджу, а его дочь, а дочь ночью подожгла дом, то есть подожгла не дочь, а раджа...

— Гонится за зайцем и как врежется...

— В борт — это его кинул Харламов. Судьи не заметили и удалили Жучка на две минуты. Как только прозвучала сирена...

— Яшка вскочил на коня и помчался за белыми, а капитан отстреливался...

— И попал в Арамиса, и тут появилась миледи, выхватила кинжал и воскликнула: «Смерть или...»

— Любовь! Я, говорит, тебя люблю, ты богата, я беден, я умру или женюсь на тебе! Нас разлучит лишь...

— Грипп... Много смертных случаев зарегистрировано в Испании... Положение...

— Просто ужасное: два «пустых» урока, Машку от меня отсадили, не с кем даже слово сказать! А книжку дома забыла...

— Дома и стены помогают. Поэтому «Химик» играл на ничью.

— Третий период...

— Вторая серия...

— Пятый выпуск, где волк ловит...

— Кардинала...

— Вирус...

— Шайбу...

— Шандора Розу...

— И Женьки Сидорова кóзу! — перекрывая голоса детей, заорал Сережа.— Остановитесь! Если послушать вас со стороны, можно подумать, что находишься в сумасшедшем доме. И не надоело? Каникулы проходят, а мы только языком чешем! Может, за город выберемся, на лыжах покатаемся, а? Вот Сидоров...

— Идея!— перебила его Алла.— Я была на даче у Жени, там так здóрово! Кругом лес, снег, а одна ель светится по вечерам! Родственники у Женьки добрые, обедом накормят. Захватим с собой лыжи... Да и Женька, наверно, соскучился.

— Когда это ты у него побывала? — ревниво спросил Сережа, а Лена с Машей понимающе переглянулись.

— Да я случайно, перепутала электрички...—начала оправдываться Алла,— заблудилась, сошла на какой-то станции...

— Рассказывай сказки! — прыснула в рукав Лена.

— Ладно приставать,— вступился за Аллу Вова.— А за город поехать стоит. В снежки поиграем. Значит, решено. Завтра в девять утра встречаемся на вокзале.

* * *

Дождь, зарядивший с полудня, к вечеру измельчал и монотонно шуршал в густой листве. С веток капало, а снизу подымался белесый туман, из которого бесконечной чередой вы-

плывали черные стволы деревьев. Ковыляя по раскисшей земле, беспорядочно разбившись на маленькие группы, брели легионеры Квинтилия Вара.

Сгущались сумерки. Дорога давно превратилась в узкую тропу, различаемую лишь наметанным глазом противника. Невозможно было двигаться правильными колоннами, все перепуталось, и как будто издалека, справа и слева, доносились голоса воинов. Казалось, Тевтобургский лес не имеет конца и края. Римская армия растворилась в нем, как горсть песка в безбрежном океане.

— Держать оружие наготове! Фланговым когортам удвоить бдительность! — приказал наместник.

Слова команды, передаваемые из уст в уста, как эхо покатились по цепям.

Квинтилий Вар поплотнее укутался в промокший плащ.

Прямо перед ним колыхались смутные силуэты конных телохранителей. Далее все скрывала темнота.

«Бессмысленный приказ,— подумал наместник.— Солдаты измучены утомительным переходом, еле ноги передвигают. Зачем обнажать плечи, когда в любую минуту можешь споткнуться о пень, напороться на дерево или куст — так недолго или себя поранить, или товарища. И какая тут бдительность, когда в трех шагах ничего не видно! О боги, вы послали нас на верную гибель! Надо же было влипнуть в такую историю!»

«Точно,— заговорил голос, молчавший целый день.— Теперь ты на веки вечные войдешь в Историю как самый бездарный военачаль-

ник. И зря ты обвиняешь богов. Сказано тебе было: не ходи в Тевтобургский лес».

«Хвала Юпитеру,— обрадовался Квинтилий Вар.— Мой добрый гений меня не покинул. Как-нибудь выкрутимся. А этого паренька надо бы чем-нибудь задобрить. Я выставлю бочку вина и заколю козу...» — предложил наместник.

Но возмущенный голос прервал его:

«Ни слова о козе!»

«Ладно,— согласился наместник.— Я при-

несу в жертву быка.— И, расщедрившись, прибавил: — Еще двух ягнят. Только выведи меня из леса».

«Не торгуйся,— ответил голос.— Лучше позаботься о спасении людей. Германцы нападут раньше, чем ты достигнешь долины».

«Когда именно? — встрепенулся Квинтилий Вар.— Сию минуту или, может быть, через час?»

«Этого я не знаю»,— ответил голос.

«Допустим, что так,— продолжал рассуждать наместник.— Мой добрый гений, я готов немедленно выполнить любой твой разумный совет. Представь себя на моем месте. Что бы ты сам делал? Остановить армию и попытаться разбить лагерь? Но нигде нет подходящей поляны. В густом лесу возводить укрепления глупо. Германцы подкрадутся вплотную к изгороди и спрыгнут с деревьев на часовых. К тому же звон топоров определит точно мое местонахождение. Повернуть обратно и плутать всю ночь по лесу? Солдаты окончательно лишатся сил, а где гарантия, что мы не попадем в засаду? Итак, что предпринять?»

«Не знаю,— последовал ответ.— Сказано было — не ходи в Тевтобургский лес».

«Затвердил, как старая матрона: «Не ходи, не ходи»! — рассердился наместник.— Что толку теперь причитать? Не видишь выхода, тогда помалкивай. Мое решение единственно правильное: вперед и только вперед! Дождь и бездорожье задержали марш легионов, но к полуночи мы выберемся из этого проклятого леса, так обещал проводник! И тогда за два часа мы выстроим лагерь. И пусть все варвары мира попробуют нас атаковать!»

«Не выйти тебе отсюда»,— печально ответил голос.

— Поживем — увидим,— процедил сквозь зубы Квинтилий Вар и заорал во всю глотку, пытаясь криком заглушить свой собственный страх: — Оружие к бою! Смотреть в оба!

И снова эхо прокатилось по цепям, а кто-то рядом, из личной охраны, недовольно проворчал:

— Не понимаю, чего старик нервничает? В такую слякоть ни одного демона не встретишь в лесу!

Белесый туман окутал деревья. Какая-то ветка задела шлем наместника. Он вздрогнул. Прислушался. Шорох дождя сливался с шорохом шагов. Дико заухала сова. Мелькнула мысль: может быть, это не птица, а человек подает условный сигнал? Он посмотрел наверх в надежде различить хоть кусочек чистого неба, хоть отблеск какой-нибудь звезды. На лицо посыпались капли. Над головой чернота. Наместник успел вовремя нагнуться. Совсем рядом проплыла расплывчатая тень. Толстый сук чуть не выбил Квинтилия из седла. Конь его тихонько заржал. Темные фигуры маячили впереди. Охрана это или варвары сумели подобраться так близко? Вновь ухнула сова, на этот раз где-то далеко справа. Силуэты всадников внезапно исчезли, дорогу преградило что-то колышущееся, живое. «Куст орешника,— догадался Квинтилий Вар,— надо объехать». Но слева вырос еще один куст. Конь, осторожно ступая, нащупывал тропу. Рядом кто-то выругался: «Эй, полегче, приятель!» Наместник понял, что отстал от конвоя и наткнулся на солдат Смертоносного легиона.

«Мерзейшая погода,— проворчал легионер,— и куда это мы топаем?» — «В преисподнюю»,— ответили ему.

Шорох дождя и шорох шагов. Опять в белесом тумане стали различимы фигуры всадников. Но кто они? Его телохранители или варвары, пробравшиеся в середину римского войска? Окликнуть? Еще подумают, что он струсил... Нет, ничего не поделаешь, надо следовать за всеми и молчать. Бессмысленно приказывать, в такой ситуации уже ничего изменить нельзя. Теперь никакая сила не остановит это слепое движение вперед. Ведь всеми владеет одна только мысль: скорее выбраться из этого проклятого леса!

«Авангард, наверное, вышел к долине»,— подумал наместник, потому что раздались нестройные крики, послышались громкие голоса слева и справа. Тень, похожая на огромную птицу, камнем кинулась с дерева, и два всадника, ехавшие совсем рядом с Квинтилием, рухнули на землю. Короткий стон, хрип и душераздирающий вопль негра-телохранителя откуда-то сзади:

— Измена!

Над головой просвистело еще несколько стрел. За кустами, где должна была находиться манипула Смертоносного легиона, зазвенели мечи.

«Вот оно, началось,— понял Квинтилий.— Надо действовать решительно. Главное — не растеряться. В темноте мои солдаты еще, чего доброго, перерубят друг друга». Набрав полную грудь воздуха, Квинтилий Вар гаркнул:

— Зажечь факелы! Занять круговую оборону!

Наверху затрещали сучья, наместник вздыбил коня, варвар промахнулся, потерял равновесие, упал на землю, и тут же один из всадников конвоя заколол его копьем. Справа вспыхнули три факела, но почти в ту же секунду воины, державшие их, рухнули, сраженные стрелами. Факелы, упавшие в мокрую траву, с шипением погасли.

Лес ожил. Истошные вопли раненых, отрывистые команды центурионов, звон мечей. И все это перекрывалось победными криками атакующих варваров. Казалось, нападающие спрыгивают с неба, выскакивают из-под земли. Легионеры, привыкшие к традиционным сражениям по всем правилам военного искусства, получали смертоносные удары в спину. Не имея возможности развернуться в шеренгу, они сбились в кучу, мешали друг другу и служили удобной мишенью для дротиков и стрел противника. Отдельные манипулы, отрезанные друг от друга, дрались с отчаянием смертников. И все это было похоже на агонию затравленного зверя...

Разрозненные когорты, решившие повернуть назад, в глубь леса, натыкались на копья притаившихся варваров.

* * *

Ранним утром на живописную опушку, где беспечно щебетали птицы, радуясь тому, что дождь наконец прекратился, выехало восемь всадников. Взмыленные лошади с трудом передвигали ноги. Лица людей, землистого цвета, с запавшими глазами и покрасневшими веками, свидетельствовали о бессонной ночи.

Плащи на всадниках были порваны, панцири и щиты помяты. Юноша, лоб которого пересекал запекшийся багровый рубец, прищурившись, всматривался в глубь просеки. Там начинались просторы полей.

— Квинтилий Вар,— обратился юноша к пожилому всаднику без шлема, с непокрытой седой головой,— мы спасены, кончился проклятый лес!

Квинтилий Вар прикрыл воспаленные веки и устало проговорил:

— Расскажите о случившемся Тиберию. Передайте ему, что солдаты мужественно исполняли свой долг.

— А вы сами, наместник? — забеспокоился юноша.

Губы наместника дрогнули. Судорога исказила лицо.

— Квинтилий Вар останется там, где остались его легионы.

Наместник щелкнул кинжалом у пояса. Светило солнце, щебетали птички.

Когда всадники скрылись, наместник слез с коня и ничком повалился на траву. Как коршуны, почуявшие верную добычу, на него накинулись кошмары минувшей ночи: колдовской туман, варвары, прыгающие с деревьев, римские отряды, гибнущие в неравной борьбе, самоубийственная атака кавалерии — последняя попытка прорвать сужающееся кольцо, бешеная скачка напролом, сквозь чащу леса...

И вдруг ночные видения отступили, и он ясно представил себе картину будущего, до которого ему не суждено дожить, и тем не менее

это будущее волновало его и четко вырисовывалось в утомленной, больной голове.

Рим погружен в траур, почти в каждом доме стоны и причитания, во дворце императора притушены огни, по полутемным залам бродит Август, на нем черная тога, император скорбно вздыхает, складывает ладони на груди и, возводя глаза к потолку, шепчет: «Квинтилий Вар, верни легионы!»

Это видение сопровождалось странными мыслями о том, что теперь он навсегда вошел в историю, о нем будут говорить школяры, но в памяти веков его имя сохранится не благодаря прежним победам или нынешнему жестокому поражению — нет, потомки на все лады будут повторять слова императора Августа: «Квинтилий Вар, верни легионы!»

«Да, кстати, а где мой гений-хранитель? — подумал Квинтилий Вар.— Где голос, так настойчиво предупреждавший меня о беде? Ужель он покинул меня?»

«Я здесь,— ответил хныкающий голос, который сейчас звучал совсем по-детски.— Я не знал, что это все так страшно. Я хотел спасти солдат, хотел предотвратить кровопролитие! Теперь я хочу только домой!»

Голос затихал, удаляясь. Квинтилий Вар сел на траву, обнажил кинжал, облизнул пересохшие губы.

Да будет потомкам известно, что он, Квинтилий Вар, не смог пережить своего позора!

Глава X

Обманщики из средних веков

— Женечка, ты не заболел? — обеспокоенно спрашивал дядя Вася, склонившись над мальчиком.— Одиннадцатый час, пора вставать!

Мальчик ответил ему долгим взглядом, он словно не узнавал дядю Васю, и тот совсем растерялся.

— Надо измерить температуру, сейчас градусник принесу,— пробормотал дядя Вася и выбежал из комнаты.

Яркие лучи заливали комнату, расцвечивая морозные узоры оконного стекла. Со стула свисали Женины брюки, а солнечный зайчик, отраженный латунной пряжкой ремня, слепил глаза. Этот зайчик окончательно убедил Женю, что он на даче, в тепле, в уюте и опасности Тевтобургского леса больше ему не грозят.

Женя уселся поудобнее на постели, поправил подушку, натянул на плечи одеяло. Вошел дядя Вася. Градусник торчал у него под мышкой.

— Вот мы измерим температуру,— распевал дядя Вася песню собственного сочинения,— и все будет хорошо. И все будет отлично. А потом позавтракаем и пойдем в лес.

— Нет, в лес мы не пойдем,— еле слышно, но достаточно твердо проговорил мальчик.

И дядя Вася сразу же понимающе закивал и запел еще протяжнее, прижимая градусник левой рукой:

— Конечно, в лес мы не пойдем, зачем нам в лес идти, посидим дома, измерим температу-

ру; нам светло, тепло, и мухи не кусают.— Потом, спохватившись, вытащил градусник изпод рубашки и протянул его мальчику: — Ой, Женька, совсем я запутался!

— Бывает,— ободряюще улыбнулся ему Женя.— А для меня, наоборот, кое-что прояснилось. Вам, дядя Вася, большое спасибо!

— За что? — Дядя Вася сделал удивленное лицо.— Ухаживать за больным — моя прямая обязанность.

«Опять он про другое,— устало подумал Женя.— А вдруг это все мне приснилось?—На секунду он прикрыл глаза и увидел белесый туман, поднимающийся с земли, и черные стволы деревьев.— Нет, такое не может присниться!»

— Дядя Вася, этой ночью я был Квинтилием Варом.

— Серьезно? — обрадовался дядя Вася.— Я подключил к твоей кровати провод от телевизора, но совсем не был уверен в успехе эксперимента. Впрочем, с экспериментами пора кончать! Они не для мальчишек. Ты проснулся больным, разбитым...

— Разбит не я, а Квинтилий Вар,— уточнил Женя.

— Квинтилий Вар? Признаться, этот эпизод в истории я плохо помню. Квинтилий Вар... Ну да, бездарный римский полководец, который угробил...

— Он был достойным военачальником,— перебил Женя.— Он сражался мужественно, и не его вина...

— Вероятно, Женечка, ты прав... — Сейчас дядя Вася говорил с Женей не как с ребенком, а как со взрослым человеком.— Но

лично меня интересуют не столько исторические, сколько технические проблемы. Например, передача мыслей сквозь время. Удачно прошло с Помпеем. Цезарю показалось, что он внимает голосу «свыше». Теперь получилось с Квинтилием Варом. Я своего добился: Квинтилий Вар тебя услышал. Добился ли ты своего, не знаю. Пришлись ли по душе наместнику твои советы? Короче: ты смог ему помочь?

— Римлянам никто не мог помочь,—с грустью констатировал Женя.— И хоть окажись на месте Квинтилия Цезарь, Наполеон, Суворов, все равно легионы, попав в Тевтобургский лес, были обречены. Арминий собрал там превосходящие силы. Вдобавок варвары прекрасно изучили местность и подготовились. Этого никто от них не ожидал.

— Уже лучше,— повеселел дядя Вася.— Значит, не фатум и не слепой рок? Ну, а если бы Квинтилий Вар не вошел в лес?

— Ни один римский генерал не отважился бы на такое промедление: он бы стал посмешищем в Риме и навлек на себя гнев императора...

— Так-так,— забарабанил пальцами по спинке стула дядя Вася.— Следовательно, неблагоприятное стечение обстоятельств плюс презрительное отношение римлян к варварам, то есть недооценка противника...

Дядя Вася встал, подошел к окну, мельком глянул во двор и вдруг воскликнул:

— Женька! Какие-то люди окружают наш дом!

Ужасы и страхи Тевтобургского леса были еще свежи в памяти, поэтому Женя, топая бо-

сыми ногами, подскочил к окну... и выронил градусник.

К даче подползали Вовка, Алла, Лена и Маша. Однако не внезапное появление одноклассников привело мальчика в смятение — в кустах он увидел Сережу, тащившего на веревке упирающуюся козу!

* * *

Через пару часов дача выглядела так, как будто подверглась нашествию вандалов: мебель сдвинута, стулья опрокинуты, дверцы шкафов раскрыты, на полу у книжной полки валялись книги, Лена Колесова декламировала, как стихи, фамилии абонентов из телефонного справочника. Дядя Вася, забившись в угол, хриплым голосом распевал вместе с Машей Мусиной пионерские песни. В руках он держал два разноцветных клубка шерсти, а Маша проворно шевелила спицами, намереваясь между делом связать жилетку для кота Георгия. Эта идея всем нравилась, кроме будущего обладателя жилетки, который метался по комнатам, а за ним, перепрыгивая через стулья, носился Вовка Быстров. Кот Васька обреченно выл на коленях у Аллы — девочка нацепляла ему на шею бантик. На крыльце стоял дядя Жора в тапочках, в овчинном полушубке, в сотый раз засекая на секундомере «четверти», то есть время, которое показывала коза на дистанции от калитки до крыльца. Сережа, оттаскивая козу к забору, отпускал веревку, и коза галопом неслась к дяде Жоре (после того как сердобольный дядя Жора накормил ее капустой, коза упорно от-

казывалась покидать территорию дачи). Из кухни валил дым — на сковородке горел лук.

...Еще в первый момент, увидев из окна ребят, Женя решил притвориться больным, малость посимулировать — пора ему отдохнуть от этих нервных потрясений!

Однако болеть в такой обстановке оказалось невозможным. Священный долг мужской взаимовыручки требовал, чтобы Женя помог дяде Васе и дяде Жоре хоть как-то прийти в себя после столь внезапного вторжения детей.

Счастливое «выздоровление» Жени привлекло внимание всех обитателей дачи.

— Ребята,— предложил Женя,— давайте поиграем в прятки!

Дядя Жора, вернувшийся с улицы красный и возбужденный, побелел как снег. Женя поспешил успокоить взрослых:

— Поясню: играют только дети. Дядя Вася и дядя Жора готовят обед. Кстати, неплохо было бы снять с плиты лук! Остальные прячутся, причем не в комнатах, а где-нибудь на участке, прячутся основательно, надолго, чтобы их было труднее найти.

От неожиданной радости дядя Жора всхлипнул и на цыпочках удалился на кухню. Дядя Вася, как человек, достаточно искушенный в житейских передрягах, остался в комнате, чтобы проследить дальнейший ход событий.

— А кому водить? — живо заинтересовался Вовка.

— Сейчас сосчитаем,— сказал Женя.— «Вышел месяц из тумана, вынул ножик из кармана, буду резать, буду бить, все равно тебе водить!»

— Жуткая история! — вздохнул дядя Вася.— И резать и бить...

— Правильно,— подхватил Вовка, на которого выпал жребий.— Давай другую считалочку.

— Пожалуйста, — согласился Женя. — «Ехал грека через реку, видит грека — в реке рак, сунул грека в реку руку, рак за руку грека цап!»

Рак цапнул Аллу.

— Это, по-моему, еще страшнее. Там хоть только угроза была, а здесь прямое нападение! — прокомментировал дядя Вася.

И Алла, воспользовавшись его замечанием, предложила считать снова.

Водить пришлось Лене. Такой выбор всех удовлетворил, и особенно самого Женю: он знал, что Лена медлительна, неповоротлива, к тому же по дороге обязательно уткнется в какую-нибудь книгу, а значит, взрослым обеспечена передышка как минимум часа на полтора.

Лена честно зажмурилась и отвернулась к стене. Дети врассыпную кинулись с крыльца. Коза, поддавшись общему ажиотажу, выскочила за ограду.

Женя обменялся с растроганным дядей Васей крепким рукопожатием и выбежал последним. Убедившись, что все ребята скрылись за кустами, он трусцой направился к погребу. Как и предполагалось, замка на двери не было. Мальчик хотел тихо отсидеться за ящиками, но не успел он затворить за собой дверцу, как в тусклом свете мигнувшей лампочки увидел Аллу. Алла устроилась на бочке с капустой. И как она умудрилась сюда забраться?

Снаружи послышался подозрительный шорох. Кто-то осторожно крался к погребу. Неужели Лена так быстро их обнаружила? Оставался один выход: немедленно ввязаться еще в какую-нибудь историю. Мальчик нажал на первую попавшуюся кнопку. Люк со скрежетом приоткрылся...

— Сейчас увидим кино? — ничуть не удивившись, спросила Алла.

— Да, примерно. Потом объясню. Путешествие в глубь веков.

— Вот здорово! К обеду вернемся?

— Непременно. Едем во французскую революцию?

— Зачем? Нам этого не задавали.

— Как хочешь. Впрочем, уже поздно. Боюсь, загремим мы с тобой куда-нибудь в феодальную эпоху.

* * *

Из толпы роскошно одетых рыцарей отделился человек в длинной домотканой рубахе и, оставляя на мокром снегу следы босых ног, двинулся к замку. Приблизившись к воротам, человек встал на колени и смиренно склонил голову. С высоких стен замка на каявшегося грешника сыпалась снежная пыль. Рыцари ежились под порывами холодного, сырого ветра и кутались в плащи, отороченные мехом.

С верхней площадки сторожевой башни эту картину наблюдали пожилой стражник и двое юных слуг — мальчик и девочка. Девочка недоуменно вертела головой, мальчик сосредоточенно морщил лоб. Пожилой солдат стукнул алебардой об пол и злорадно заметил:

— Третий день у ворот топчется. Теперь будет знать, как обижать нашего папу!

— Это блудный сын пришел к отцу? — робко спросила девочка.

Мальчик за спиной стражника покрутил пальцем у виска и скорчил гримасу: «Не знаешь, так помалкивай!»

— Все короли — дети святейшего папы,— степенно ответил стражник.— А этот, Генрих Четвертый, всем известный профурсет...

— А что такое «профурсет»? — полюбопытствовала девочка.

— Франкское модное словечко,— охотно пояснил солдат.— Означает: несерьезный человек, шалопай, еретик, в общем, редиска.

Девочка, не обращая внимания на испепеляющие взгляды мальчика, звонко рассмеялась, но в это время ворота начали медленно открываться, а с нижнего этажа послышался властный женский голос:

— Слуги! В главном зале замка!

— Хозяйка вас зовет! — встрепенулся стражник.— Графиня Тосканская.

...Когда мальчик и девочка появились в зале, там уже было полно народу: монахи, придворные, нарядные дамы, слуги. На возвышении в кресле сидел желчный, нервный человек в папской тиаре. За креслом выстроились епископы в фиолетовых сутанах. Высокая женщина в белом платье, стоявшая особняком у входа в зал, покосилась на опоздавших и сделала строгое лицо, но тут взоры присутствующих устремились на дверь — король Генрих IV показался из темноты коридора. Он полз на коленях по зеркально блестевшему полу, в котором отражалось яркое пламя свечей. По рядам придворных пронесся шумок, но папа поднял руку, и воцарилась тишина. Король проворно прополз через весь зал, поцеловал папе туфлю, потом откашлялся и глухо заговорил:

— О святой отец! Зачем ты унижаешь меня? Третий день я прихожу к тебе за прощением! Я простудился, подхватил насморк. Ужели этого тебе недостаточно? Мои вассалы восстали против меня. В Германии смута. Поколебались основы божественной власти кесаря...

— В мире одна власть — власть всемогущего бога! — сурово прервал его папа.

— Григорий Седьмой! — сдержанно возразил король.— Я прибыл в Каноссу мириться, а не спорить. В «Писании» сказано: богу богово, а кесарю кесарево.

— «В «Писании», в «Писании»!.. — проворчал папа.— А сам небось читать не умеешь.

Девочка прошептала на ухо мальчику:

— Мне так нравится мое платьице! Настоящее макси, как у взрослых! Только слишком широкое. Таких сейчас не носят.

Мальчик скорчил совершенно зверскую гримасу:

— Именно сейчас носят. И вообще не мешай, лучше послушай! Важнейшее историческое событие.

— А чего тут важнейшего?

— Протри глаза! Это же знаменитое свидание в Каноссе: Генрих Четвертый вымаливает прощение у папы Григория Седьмого!

— Да, да, помню... А зачем? Каноссу мы уже проходили. Я даже четверку получила.

— А сейчас получишь по шее, если не замолчишь!

Придворные начали на них оборачиваться. Дети замолкли. Тем временем в центре зала папа и король заканчивали переговоры.

— Признаю,— покорно повторял Генрих IV,— что в моих владениях епископы назначаются вашей волей, святейший отец.

Папа удовлетворенно хмыкнул и осенил кающегося грешника крестом (при этом Григорий VII как бы случайно заехал серебряным крестом королю по уху).

— Дарю тебе свое прощение и обязываю твоих подданных хранить верность королевской присяге!

Монахи запели молитву. Все присутствующие стали по очереди подходить к папе и прикладываться к руке.

Графиня Тосканская поманила детей к себе и, расточая гостям ослепительные улыбки, злобно прошипела:

— Стыдно! Вести себя не умеете!

Потом, цепко схватив детей за локти, вывела их из зала.

Они прошли по полутемному сводчатому коридору и остановились у маленькой неприметной двери в стене. Графиня бесшумно распахнула дверь и втолкнула детей в почти не освещенную нишу.

— Запоминайте все, о чем будут говорить! — приказала графиня.— Если они подпишут какую-нибудь хартию или секретный эдикт, постарайтесь утащить бумаги и принести мне. И чтоб никто не догадался!

Дверца захлопнулась. Дети остались в полной темноте. Женя протянул руку и нащупал плотную бархатную портьеру. Как начинается История, обязательно какая-нибудь тайна! Второй раз ему предстоит подслушивать чужие разговоры. Пора бы привыкнуть. Однако Жене было как-то не по себе. Он отнюдь не боялся ни гнева графини, ни тех, за кем ему приказано шпионить. Его смущало присутствие Аллы. Впервые в жизни наедине с девочкой... Поэтому мысли его путались, и он никак не мог понять, зачем же графине понадобилось прятать их в потайной нише.

— Графиня-то строгая. Как наша директриса,— прерывистым шепотом сообщила Алла.— А почему папа сказал, что король не умеет читать?

Отвлекающий вопрос сразу вернул Жене уверенность.

— Средневековье. Упадок культуры. Феодалы почти поголовно неграмотны.

— Женька, какой ты умный! — восхитилась девочка.

Женя почувствовал, как кровь прилила к лицу. Хорошо, что хоть темно.

— Алка,— вдруг охрипшим голосом прошептал мальчик,— смотри не проябедничай ребятам! Мы с тобой сидели в погребе, ясно?

— Вот здорово! Люблю секреты. Женька, а на каком языке они говорят?

— Должно быть, на немецком.

— Красота! И мы понимаем?

— Я — да. А ты — не знаю.

— Что я, ненормальная? Все понятно. Как в кино. А ведь я по-немецки ни бум-бум. Здорово придумано! Лучше, чем в театре. Женька, а сейчас мы тоже на немецком говорим?

— На русском, балда.

— Сейчас за «балду» получишь...

В другом конце комнаты заскрежетала дверь, послышались шаги. Очевидно, слуги внесли свечи, так как внизу, под занавесом, пролегла светлая полоска. Шаги стихли. Дверь захлопнулась.

— Ну, Генрих, присаживайся, отдохни,— раздался знакомый голос папы Григория VII.— Небось намаялся?

— И не спрашивай, Григорий,— ответил голос короля Генриха IV.— Ловко мы эту сцену разыграли, ничего не скажешь. Только уж очень утомительно. Примирение в Каноссе! Ну, теперь мне известны имена всех моих врагов. Они, кретины, обрадовались, надеялись, что получат свободу. Ну, погоди, я их в бараний рог скручу! Досадно только, что малость простудился.

— Это мы мигом исправим,— захихикал папа.— Налью тебе согревающего. Перцу добавить?

— И так сойдет.

Забулькала какая-то жидкость. Король смачно крякнул и тяжело плюхнулся на скамью.

— Обжигает здорово! Нет, без Каноссы никогда бы я не узнал, кто мне враг, а кто друг. Молодец, Григорий! Твоя идея.

— И тебе, Генрих, спасибо,— ласково забубнил папа.— С этого дня все короли передо мной будут трепетать. А нормандец Роберт первым прибежит.

— Зря, Григорий, ты меня неграмотным обозвал. Я не то что Роберт, немецкий и латынь разбираю.

— Извини, Генрих, увлекся.

— Чего уж считаться... Кстати, как насчет обещанных десяти тысяч?

— Вот в мешке золото. Услуга за услугу. Только ты мне расписочку оставь на всякий случай.

— С удовольствием. Пиши: «Каносский эдикт», в скобках — «Совершенно секретно»...

Заскрипело перо. Генрих уверенно диктовал:

— «...Я, нижеподписавшийся, божьей милостью император Священной Римской империи, король Германии Генрих Четвертый, подтверж-

даю, что за поход в Каноссу и за трехдневное стояние босиком на снегу получил от папы Римского Григория Седьмого десять тысяч золотых талеров». Деньги нужны позарез! Это не пиши. Так, порядок.

— Расписочку я сохраню, мало ли что может быть — пригодится,— сказал папа.— Спрячу, конечно, надежно. А теперь давай бери мешок, я тебя потайным ходом выведу.

Выждав, когда все смолкло, Женя приподнял занавеску и проскользнул в комнату. На дубовом столе он увидел пустую чашу, недопитую бутыль. Под трехсвечовым бронзовым канделябром лежал исписанный лист бумаги. Женя схватил его и аккуратно свернул трубочкой. Сердце мальчика учащенно билось. В его руках драгоценнейший документ. Сенсационное открытие! Переворот в Истории! Оказывается, свидание в Каноссе было чистейшей «липой», ловкой сделкой двух интриганов.

Мальчик прошмыгнул обратно в нишу, сунул бумагу Алле:

— На, держи. Это потрясающе. Потом все объясню. А сейчас скорее к графине.

Белое платье графини мелькнуло в конце коридора. Ни слова не говоря, она впилась своими длинными пальцами в плечи детей и по-

тащила Женю и Аллу вверх по крутой винтовой лестнице. В спальне графини пол был устлан медвежьими шкурами. Пламя свечей отражалось в круглых зеркалах с золотыми финтифлюшками. Графиня присела за туалетный столик. Глаза ее лихорадочно блестели.

— Ну?

— Ваше сиятельство,— заикаясь от волнения, начал мальчик.— Король приезжал в Каноссу не просить прощения, а... Все было подстроено заранее... Это обман... Деньги...

На красивом лице графини появилась тонкая улыбка.

— Глупый паж! Тебе еще рано заниматься политикой. Каносский эдикт подписан?

— Да,— пролепетал пораженный такой осведомленностью Женя.

— Отлично. Заносчивый Генрих сам подписал свой приговор. Теперь он в моих руках. Давай сюда бумагу!

Женя обернулся к Алле. Девочка растерянно похлопала по своей широкой юбке и густо покраснела.

— Кажется, я... я его оставила там.

Глаза графини сузились.

— Если через минуту документ не будет у меня... — ножка графини ткнула медвежью голову,— я с вас обоих шкуру спущу!

Дети кубарем скатились с лестницы.

— И как ты умудрилась потерять листок? — с досадой воскликнул Женя.

— Я... взяла его, а потом куда-то сунула... даже не знаю.

Ни в «секретной» комнате, ни в коридоре, ни на лестнице листка не было.

Все пропало.

— Что же делать? — захныкала девочка.

— Бегом к сторожевой башне! В подвале нас ждет тележка. Опаздываем к обеду! — энергично приказывал Женя, а сам с отчаянием думал: «Каносский эдикт исчез. Сенсация не состоялась. Теперь мне никто не поверит».

Глава XI

По следам сидоровой козы

— Ну, ребята! — объявил за обедом Вовка Быстров.— Здорово вы спрятались! Полтора часа не могли вас найти!

Дядя Вася и дядя Жора, получившие благодаря Жениной уловке спасительную передышку, понимающе переглянулись.

— Меня тоже долго искали,— похвастал Сережа.— Ленка ходила вокруг да около, а я за дровами устроился. Даже надоело, замерзать начал. И тут, откуда ни возьмись, коза. Она какая-то беспризорная, дикая, я ее со станции тащил: Сидорову подарочек готовил. Так вот, коза на поленницу прыгнула, а на меня дрова посыпались, тут я и выскочил как угорелый... Конечно, Ленка сразу меня увидела.

— Не угорелый, а обгорелый,— поправил его Женя.

— Почему это обгорелый, а не угорелый? — удивилась Лена.

— Женька прав,— подтвердил Сережа.— Мы эту поговорку с ним уже обсуждали.

— Ты с Женькой не спорь, он очень умный и все знает,— сказала Алла.

Остановись, мгновенье! Вот она, минута торжества: школьные знаменитости говорят Жене комплименты, отдают должное его уму, знаниям и находчивости. Даже Алла, которая раньше подсмеивалась над Жениным увлечением историей, теперь прониклась к нему уважением. Значит, есть что-то в Жене Сидорове, не зря он старался, наконец-то все увидели!..

Увы, жизнь быстротечна, счастье мимолетно! Маша Мусина с ехидной улыбочкой передразнила Аллу:

— «Очень умный и все знает»! И вообще, где это они так долго прятались? Тили-тили-тесто, жених и невеста...

Естественно, Алла сразу отодвинулась от Жени, сделала независимое лицо, да и сам Женя надулся, смутился и больше не решался взглянуть на девочку.

После обеда вся компания, за исключением Жени и дяди Жоры, отправилась гулять в лес.

Дядя Жора вымыл посуду, Женя подмел в комнатах. Коты, почувствовав себя в полной безопасности, выползли из-под кроватей, разлеглись на креслах и замурлыкали.

Дядя Жора сбегал к калитке, вынул газету из почтового ящика, вернулся и уютно устроился на диванчике. Женя сел у окна.

Вскоре мальчик заметил, что дяде Жоре наскучила газета. Он явно порывался о чем-то порасспросить Женю, но сдерживал себя и в сотый раз перечитывал список редколлегии.

«Ага,— подумал Женя,— дядя Жора догадался, что я неспроста так долго находился в погребе. Однако он ждет, чтоб я сам все рассказал. Деликатный человек!»

— Дядя Жора,— издалека начал Женя,— а вы никогда не пробовали садиться в ту тележку, что в погребе?

Дядя Жора мигом отбросил газету:

— Что ты, Женечка, в мои-то годы! У меня повышенное давление, больное сердце, печень, почки... С таким ли здоровьем искать приключений! И потом, чего я в Истории не видел? Все давным-давно известно, изучено, описано в книгах. Разве тебе нравится смотреть старые, хорошо знакомые фильмы? Вот дядя Вася увлекается техникой...

— Не согласен! — горячо возразил Женя.— То есть я не согласен с тем, что в Истории нельзя найти ничего нового. Например, сегодня я выяснил поразительный факт: оказалось, свидание в Каноссе короля Генриха Четвертого с папой Григорием Седьмым было подстроено заранее. За то, что король простоял три дня у ворот замка, он тайно получил от папы мешок золота.

— Ну, Женька, ты допрыгаешься!— притворно рассердился дядя Жора, а сам даже заерзал на диване от любопытства.— Давай выкладывай!

Стараясь не пропустить ни одной детали, Женя описал все события, происходившие в замке графини Тосканской.

— Вот безобразие! — возмутился дядя Жора, когда Женя закончил.— Я думаю,— продолжал дядя Жора, воодушевляясь,— что для понимания истории недостаточно одного знания, нужно обладать колоссальным талантом, воображением, как у Шекспира или Пушкина. К примеру, драма Пушкина «Борис Годунов». Ведь Пушкин не мог сам побывать в этом

Времени, однако абсолютно точно воссоздал эпоху, людей, характеры. Один летописец — Ученый Пимен — чего стоит! Почитай «Бориса Годунова»!

Но Женя только пренебрежительно отмахнулся от предложения дяди Жоры.

— Если захочу, то отправлюсь к вашему Пимену в гости и разберусь с ним получше Пушкина... Вот вы, дядя Жора, ответьте на мой вопрос: куда девался Каносский эдикт? Почему до сих пор его не нашли?

— Кто же может найти эдикт, если его потеряли?

— Повторяю: девочка, подружка пажа, обронила бумагу в коридоре. Но ведь девочки могло и не быть? — Женя сделал многозначительную паузу.— Вернее, тогда девочки не было. Значит, благодаря постороннему вмешательству в Истории кое-что изменилось?! Иначе как же объяснить таинственное исчезновение Каносского эдикта?

— Так, так,— медленно соображал дядя Жора.— Значит, выходит, девочки не было... Тогда понятно. Это интриги графини Тосканской. Видимо, она стащила эдикт, намереваясь шантажировать Генриха Четвертого, а впоследствии с ним помирилась и сожгла компрометирующую бумагу. Интриги, Женечка, интриги!

Простое, элементарное объяснение! Если бы Алла не потеряла эдикт, его все равно сожгла бы графиня. И дальше все было бы точно так же.

— История словно заколдована,—вздохнул Женя.

— Дядя Жора, замучил вас Женька свои-

ми разговорами? — просунул в комнату голову Сережа Фрейман.— Пусть он лучше про сидорову козу расскажет! За что ее выдрали?

За Сережей со смехом и шуточками ввалилась и вся компания. Все были очень веселы и возбуждены, кроме дяди Васи, который страдальчески улыбался.

— Георгий Михалыч,— сказал дядя Вася,— рад сообщить тебе приятную новость: детям у нас так понравилось, что они не хотят уезжать домой.

Дядя Жора побледнел и, запинаясь, проговорил:

— Безмерно счастлив, но... завтра... мне надо в сад, ухаживать за деревьями, а тебе пора в мастерскую. Наши отгулы кончились.

— Пора, мой друг, пора,— согласился дядя Вася.— Не представляю, как дети останутся здесь без нас.

— Нам без взрослых еще лучше,— обрадовался Вовка Быстров.— Сыграем в войну или разведем костер.

— Костер на снегу? — заволновался дядя Вася.— А вы не простудитесь? Завидую тебе, Георгий Михалыч,— продолжал дядя Вася, не теряя присутствия духа.— Ты проведешь пару дней в веселом обществе, а мне предстоит командировка, да-да, с завтрашнего дня, в Тамбов...

— Куда это ты собрался, Василь Палыч? — спросил Максим Емельяныч, затворяя за собой дверь.— Ба, да я вижу, вы не скучаете!

Дети при появлении незнакомого им человека малость присмирели.

Дядя Жора всхлипнул:

— Да-да, мы не жалуемся. Детям у нас нравится. Не хотят домой уезжать. Завтра решили костер разводить...

Максим Емельяныч, надо отдать ему должное, сразу понял, что к чему, и с деланным добродушием заметил:

— Превосходная идея! Заодно совместим приятное с полезным. Скоро приедут их школьные учительницы Ирина Алексеевна и Раиса Яковлевна. Вот мы и ботанику вспомним, и историю повторим...

На Быстрова как будто вылили ведро холодной воды.

Он как-то съежился и сник:

— Мне вообще-то домой пора... Я маме обещал вернуться к семи часам.

— Не понимаю,— удивился Максим Емельяныч.— Куда тебе торопиться? В доме вроде даже все оконные стекла целы...

— Я с Вовкой,— твердо заявил Сережа Фрейман.— Вечером по телевизору «Ну, погоди!».

— А у меня билеты на индийский фильм,— сказала Маша Мусина.

Напрасно Алла уговаривала всех остальных. Дети поспешно одевались. Алла нехотя последовала их примеру.

Голоса ребят смолкли за садовой калиткой. Дядя Вася осторожно выглянул из шкафа (в суете прóводов никто и не заметил, как он успел туда забраться) и театральным шепотом произнес:

— Лично я не верил до последнего момента. Максим Емельяныч, ты специально вызвал учительниц из Москвы?

— Да я думаю, они и не собираются приез-

жать,— пожал плечами Максим Емельяныч.— Сказал первое, что пришло в голову.

— Большой педагог! — восхитился дядя Жора.

* * *

Утром, лишь только Женя проснулся и громко зевнул, в комнату вбежал кот Васька, держа в зубах листок бумаги. Мальчик взял листок и прочел:

Дорогой Женя! Мы ушли на работу. Вернемся часам к пяти. Завтрак на столе, обед — на плите. Обязательно разогрей. Отдыхай, гуляй, развлекайся и не делай глупостей! Иначе, честное слово, насовсем закроем погреб.

Внизу приписка: *«Телевизор не включай! Барахлят лампы...»*

Женя позавтракал, вымыл посуду, подмел в комнатах.

Чем бы еще заняться? Поиграть с котами? Но Васька и Георгий, измученные вчерашним нашествием ребят, мирно спали. Читать, как дядя Жора советовал, «Бориса Годунова»?

Нет, хватит крови, интриг, убийств и сражений! Женя честно выполнит наказ взрослых, он не станет ввязываться в авантюры (то есть не будет делать глупостей). Надо выбрать какое-нибудь безобидное «путешествие». Кстати, пора бы выяснить историю злополучной козы крестьянина Сидора, а там можно и завернуть на огонек к Ученому Пимену.

Женя накинул на плечи куртку, пересек сад, спустился в погреб и нашел на дверце в стене клавишу с надписью: «Русские пословицы и поговорки».

Садясь на тележку и пристегивая ремни, мальчик насвистывал бодрую мелодию. Он нисколько не волновался. Действительно, путешествия во Времени стали для Жени привычным занятием. Вроде посещения школы... Зажмуришь глаза, не успеешь оглянуться — глядь, уже в другой эпохе.

...Он выскочил из крайней избы и очутился на улице старой русской деревни. Добротные бревенчатые избы с резными наличниками, крестьяне в белых вышитых рубашках, светловолосые девушки в длинных льняных платьях — все это было хорошо знакомо Жене по фильмам «Кощей Бессмертный» и «Василиса Премудрая».

— Чего зенки вылупил, отрок? — проворчал толстый поп, перебирая костяные четки.— Заждались тебя. Проспишь так второе пришествие!

Женя увидел, что находится в компании четырех мальчиков, одетых, как и он сам, в черные монашеские рясы. Каждый держал в руках свиток толстой восковой бумаги, на животе болталась привязанная за веревочку глиняная чернильница, за ухом торчало гусиное перо.

— Помолясь, приступим, отроки,— сказал поп, икнув и перекрестив рот.— Будьте зело прилежны, чтоб не растекашеся мыслию по древу. И запишем забавные словеса мужицкие, дабы потрафить нашему настоятелю, Ученому Пимену. А ежели кто станет галок считать, выдеру плетьми и посажу в темницу на хлеб и воду. Ну, с богом!

Процессия неторопливо двинулась, осторожно ступая босыми ногами по сухой, колкой

траве. Видимо, не в первый раз появлялась на улице ученая братия, ибо никто не смотрел в их сторону.

Крестьяне продолжали заниматься своими обычными делами. Лишь один старичок на завалинке проводил попа прищуренным взглядом и одобрительно крякнул:

— Каков поп, таков и притоп![1]

Отроки обмакнули перо в чернильницы и занесли слова старичка на бумагу. Женя успел записать быстрее всех, а потом из чистого любопытства заглянул в бумагу своего соседа. Мальчишка дрожащей рукой царапал: «Каков поп, таков и приход!»

— Почему приход? — возмутился Женя.— Неправильно пишешь.

— Кто неправильно пишет? — взревел поп, останавливаясь.— Уши оборву.

Мальчишка в страхе зажмурился и втянул голову в плечи. Женя пожалел служку и успокоил попа:

— Нет, мне показалось, все правильно.

Пошли дальше.

Молодуха высунулась из окна и крикнула через плетень своей соседке:

— Анисья, пошто гостей не зовешь? Не красна изба углами, а красна пирами!

Когда Женя посмотрел на свиток третьего служки, там было нацарапано: «красна пирогами». Служка, поймав Женин недоуменный взгляд, облизнулся, проглотил слюну и пояснил:

---

[1] Пионер Женя Сидоров зарекомендовал себя человеком исключительной честности и правдивости, однако этот эпизод вызывает у автора некоторые сомнения. Автор решительно отмежевывается от всех лингвистических новаций, оставляя все фольклорные находки на совести Жени Сидорова.

— С утра не жравши, пирога страсть как хочется!

Озорная девушка выбежала на улицу и крикнула подружке:

— Манька, ищи Егорку в стогу сена!

Служки обмакнули перья в чернильницы и аккуратно вывели на свитке: «Ищи иголку в стогу сена».

«Ну как восстановить истинное значение пословиц? — лихорадочно думал Женя.— Надо срочно что-то предпринять! Но что?»

День выдался солнечный, погожий. По случаю какого-то церковного праздника крестьяне не работали в поле, а возились около изб, занимались своими домашними делами, перекидываясь шуточками да прибауточками.

Служки усердно обмакивали перья в чернильницы.

Бабы у колодца хвастались:

— У семи нянек — дитя безгласно, тихий ребятенок.

Служки проворно записывали: «У семи нянек — дитя без глазу».

Солнце припекало. (Невезучий человек Женя Сидоров! Как правило, он попадает из зимы в лето без всякой акклиматизации, и вечно солнце припекает ему голову.) Но в черных рясах было действительно жарко, и поп, остановившись у одной избы, постучал в дверь.

— Хозяйка, прими слуг господних, угости чем бог пошлет!

Хозяйка, кланяясь и крестясь, пригласила в дом. Монахи вошли в горницу, расселись по лавкам. Хозяйка выставила на стол жбан с квасом, лук и ковригу черного хлеба.

Поп недовольно поморщился:

— На прошлой неделе молочком и сметаной потчевала. Наш господь мясца не посылал?

— Бог дал — бог взял,— сурово ответила хозяйка.— Вчерась от боярина приезжали. Нашу корову-кормилицу отобрали. Отобрали, как Сидорову козу.

— Где коза? Какая коза? — подскочил Женя, краем глаза замечая, что служки окунули перья в чернильницы.

— У соседа, у Сидора,— запричитала хозяйка,— коза была. Гладкая, послушная, нраву кроткого. От боярина приезжали, лучшую скотину выбирали. Выбрали мою буренушку, выбрали, как Сидорову козу.

Хозяйка всхлипнула и выскользнула из горницы. Поп отломил большой кусок ковриги, обмакнул его в квас и принялся за еду. Служки последовали его примеру.

Сидорову тоже хотелось пить, но сейчас он забыл все на свете. Он быстро заглянул в исписанные свитки иноков. Конечно, у одного было: «Отодрали, как Сидорову козу», у другого: «Выдрали, как Сидорову козу». Вот она, разгадка проклятой козы! Видно, тяжелое житье у служек, раз им всюду порка мерещится...

Женя собрал свитки и бросил их на стол.

— Батюшка,— громко заявил Женя,— тут сплошная путаница. Все неверно записано. Только что хозяйка сказала: ее корову отобрали, как Сидорову козу. О т о б р а л и, а не **о т о** д р а л и.

Чавканье за столом прекратилось. Поп побагровел и стукнул кулаком так, что подпрыгнул жбан с квасом.

— Ежели стервецы ошиблись, я их сам от-

деру, как Сидорову козу! То есть я отберу у них хлеб и квас, заточу в подземелье, пущай голыми коленями стоят на горохе, грамматику учат!

Четыре пары детских глаз умоляюще смотрели на Женю.

Как честный советский пионер, как человек принципиальный, он должен восстановить историческую правду. Ради справедливости Женя готов жертвовать собой, однако сейчас речь шла о наказании четырех мальчишек. Нелегкий выбор! Запрут ребят в темницу, будут бить, мучить — и все из-за какой-то козы!

Страдая от того, что вынужден солгать, Женя пробормотал:

— Кажется, я ошибся.

— Кажется — так крестись! — рассердился поп.— Не получишь сегодня квасу! Убирайся отсюдова!

Как хотелось квасу! Как хотелось есть! Увы, судьба всегда жестока к правдоискателям.

Женя вышел на улицу и столкнулся на крыльце с хозяйкой.

— Где живет Сидор? — спросил Женя.

Хозяйка указала на соседнюю избу. Напрямик по огородам Женя прокрался к окнам и вздрогнул, услышав за спиной знакомое блеянье. Мальчик обернулся. Опустив рога и тряся бородой, на него наступала коза (впрочем, это мог быть и козел). Не будь Женя абсолютно уверен, что находится в другой эпохе, он бы поклялся: это животное — точная копия той козы (или козла), которую привел на дачу Сережа Фрейман.

— Кыш, проклятая! — прошипел Женя, но упрямая коза еще ниже опустила рога, вот-вот наподдаст...

Женя отступал огородами к избе, где трапезничали монахи, а коза не отставала. Хорошо, что никто не был свидетелем Жениного позора!

Конечно, можно было при помощи тележки вернуться домой, к дяде Жоре и дяде Васе, но глупо из-за вздорной козы упустить возможность познакомиться с Ученым Пименом! Ведь монах Мисаил упоминал о нем.

Женя припустил к соседней избе. У самого крыльца коза неожиданно остановилась и преспокойно принялась щипать траву.

Ну и мерзкое животное! Все ли козы у крестьянина Сидора были такими или породу он вывел особую, но именно эту козу Женя бы отодрал с удовольствием!

В избе монахи допивали квас...

Глава XII

О пользе изучения классиков

Монах Мисаил, которого утром Женя ошибочно принял за попа — в церковной иерархии мальчик не разбирался,— привел его в келью, весьма уютную и просторную. Мисаил низко поклонился седовласому старцу, сидевшему за низким столом с зажженной лампадой, и кротко проговорил:

— Отец игумен, Ученый Пимен! Тебе хочет исповедаться послушник Сидор.

Мисаил на цыпочках удалился.

Ученый Пимен бросил на Женю многозначительный взгляд и заговорил:

— Сын мой, садись и слушай. Брат Мисаил тебя расхваливал, дескать, малый ты прилежный и зело грамотный. Вот умру я, а кто правдивые сказания перепишет? Нонче все больно хитрые стали: вместо того чтобы грамоте учиться, все в дела мирские норовят сунуться. Слыхал небось про Гришку Отрепьева? Я его грамоте обучал, а он, шельмец, тайну про невинно убиенного царевича выведал, сбежал в Литву и царем Димитрием назвался. У, нехристь, как его земля носит!

«Так это я в самое начало семнадцатого века угодил,— четко определил Женя.— Конец царствования Бориса Годунова, народные смуты. Лжедимитрий во главе польских войск идет на Москву. Кажется, я вовремя появился. Надо рассказать Ученому Пимену о том, что ожидает Русь. Возможно, ему удастся послать гонца к царю Борису. Пусть примет какие-нибудь меры. Если, конечно, еще не поздно».

А вслух Женя сказал:

— Святой отец, желаю исповедаться. Я видел вещий сон, будто поляки захватывают Москву и провозглашают царем Лжедимитрия, Гришку Отрепьева. Это навлечет на Россию неисчислимые беды...

Игумен хмыкнул и подозрительно покосился на мальчика.

— Святой отец,— твердо сказал Женя,— вещий сон привиделся.

— «Вещий сон, вещий сон»,— проворчал Ученый Пимен.— Ладно, допустим, сон твой вещий... Только суета все это. Земными делами вершит воля божья. Я на своем веку такого

насмотрелся... Всему воля божья. Все вернется на круги своя. Не к тебе одному вещие сны приходят. Чует мое сердце, что сейчас ко мне сам Гришка Отрепьев пожалует, важную новость привезет.

Ученый Пимен замолк, обернулся к двери, прислушался. Дверь бесшумно приоткрылась, и в келью проскользнул невысокий, широкоплечий человек, закутанный в черную сутану. Из-под капюшона выбивались рыжие волосы, на лбу и на носу красовались две бородавки, а голубые глаза незнакомца сияли дерзко и торжествующе.

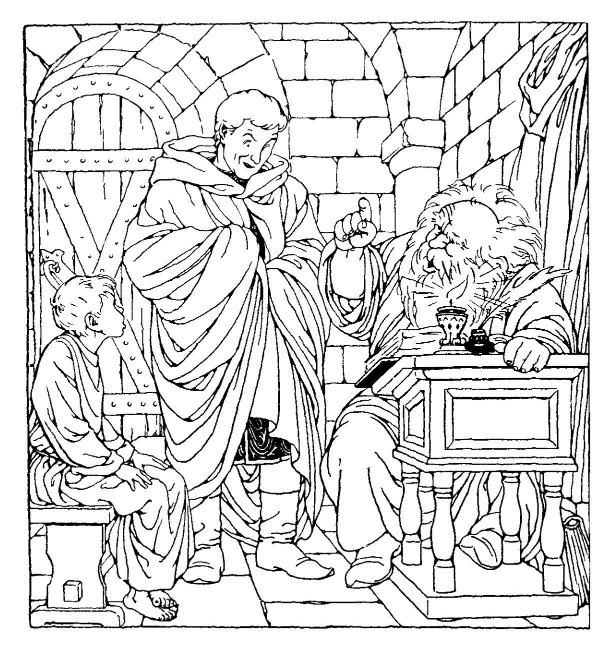
— Благослови меня, честной отец! — проговорил гость.

— Благослови господь лично тебя, Григорий, и днесь, и присно, и во веки веков,— степенно ответил старец.

Гость, прищурясь, оглядел келью (его взгляд лишь на секунду задержался на мальчике), потом одобрительно покачал головой:

— Во-первых, поздравляю тебя с повышением: ты теперь игумен... А мне, признаться, наша старая келья больше нравилась. Часто вспоминаю длинные ночи, горящую лампаду... Поздравь и ты меня — получено известие из Москвы: царь Борис волей божьей помре... Народ присягает законному царевичу Димитрию! Воевода Басманов перешел на мою сторону. Святое дело победило. Благослови нас, честной отец!

— ВАС благословлять я не могу,— сурово ответствовал Ученый Пимен.— Ты ведешь в столицу росейскую ляхов и католических попов.

— Политика, честной отец, политика,— смиренно возвел очи к потолку Григорий и перекрестился.— Тут уж ничего не поделаешь. Любишь кататься—люби и панночек возить. Однако я родного края не предам. Видишь, к тебе тайно за советом прискакал. Разреши присесть?

— Садись, в ногах правды нет.

— Малец не помешает? — спросил Григорий, присаживаясь на скамью рядом с Женей.

— Сей отрок блаженный, его вещие сны по-

сещают. Спроси, вдруг ему что-либо пригрезилось и про тебя!

— Ежели ты, отрок, ясновидец,— начал Григорий, пристально вглядываясь в Женю,— то открой мне тайну будущего. Я за наградой не постою — подарю хоромы боярские, назначу думным дьяком.

— Не надобно мне ни чинов, ни денег! — гордо заявил Женя.

— Говорю тебе, он блаженный,— вставил свое слово старец.— Не искушай невинную душу младенца!

— Быть тебе царем,— сказал Женя.

Григорий приосанился и кинул надменный взгляд в сторону Ученого Пимена.

— Но, насколько я помню... то есть как мне привиделось в вещем сне... — быстро поправился мальчик,— через несколько лет Москва восстанет против тебя, и будешь ты убит, и тело твое сожгут, а пеплом зарядят пушку и выстрелят в сторону Литвы.

— Не врешь, отрок? — хищно ощерил зубы Григорий.— Ежели ты Шуйским подослан, голову оторву!

— Опомнись, Григорий! — возмутился Ученый Пимен.— Мальчишка мне рассказал о смерти Бориса еще до твоего прихода. Значит, он истинно блаженный, ясновидец. Зачем полчища ляхов на Москву ведешь? Зачем веру католическую принял? Сокройся в монастырь.

— Молчи, старик! — воскликнул Григорий и, вскочив с лавки, распахнул сутану. Сверкнула латинская кираса.— Ужель теперь, когда близка корона, что голову мою украсит, голову презренного сына Отрепьевых, я от-

ступлю и променяю царство на жалкую церковную похлебку!

— Смиряй себя молитвой и постом.

— Как бы не так,— огрызнулся Григорий,— хватит! Наконец-то дорвался до заморских яств...

— Григорий,— стараясь сохранить спокойный тон, сказал Женя,— по-моему, лучше быть живым монахом, чем мертвым царем. Мои вещие сны сбудутся, честное пионе... честное слово!

Григорий смерил мальчика насмешливым взглядом, полез в карман сутаны и достал свиток.

— Щенок, что ты смыслишь! Вот моя невеста! — Григорий развернул свиток, и Женя увидел портрет молодой женщины.— Ирина Мнишек! Она станет моей, когда я вступлю на престол. Ради этого я готов на все!

«Опять эти женщины! — с горечью подумал Женя.— И почему взрослые, серьезные мужчины сходят из-за них с ума? И кстати, ту-то вроде звали Марина, а не Ирина...»

— Признайся, отрок,— подмигнул мальчику Отрепьев,— ты был бы счастлив познакомиться с такой красоткой? Ежели пожелаешь, я отведу тебя в свой лагерь...

— Нет! — твердо и убежденно ответил Женя. Он был абсолютно искренен, ибо Ирина Мнишек очень напоминала ему школьную учительницу Ирину Алексеевну.

— Ты мал и неразумен,— процедил сквозь зубы Григорий, аккуратно свертывая портрет и засовывая его в потайной карман.— Ладно, братия, спасибо на добром слове, против судьбы не пойду. Двум смертям не бывать... Ну, а

от одной не убежишь, как ни крути... До скорого свидания!

Григорий опустил капюшон, закутался в сутану и выскочил за дверь. Старец перекрестился и прошептал какую-то молитву, потом устало проговорил:

— Неисповедимы пути господни.

— Исповедимы, исповедимы!—рассерженно возразил Женя.— Все могло бы быть по-другому, если бы они слушались моих советов. Но они упрямы как ослы...

Мальчик осекся, заметив пристальный, внимательный взгляд Ученого Пимена.

— Царь Борис,— вкрадчиво сказал игумен,— заслужил наказание господне. По его приказу царевича Димитрия, невинного мальчика, убили...

«И мальчики кровавые в глазах...» — вспомнил Женя строчку из пушкинского «Бориса Годунова».

— Но ты, отрок, умен не по летам,— продолжал старец.— Явно не от мира сего. Кем ты послан? Ужель сам господь...

Доказывать игумену прописную истину, что бога нет, было бессмысленно. Раскрывать тайну тележки тоже вроде бы ни к чему. И Женя попытался прибегнуть к помощи Пушкина:

— При чем тут господь? Мне многое известно потому, что я смотрел по телевизору «Бориса Годунова». Поэт Александр Сергеевич Пушкин отобразил ваше время в своей драме. Ее переложили на музыку, получилась опера. Там все поют.

— Летописец Пушкин написал про Бориску? — изумился Ученый Пимен.— Значит, на-

шел он мой труд, усердный, безымянный? И пыль веков от хартий отряхнул?

— Отряхнул, отряхнул,— успокоил Женя Пимена.

— Слава всевышнему! — истово перекрестился старец.— Внял он моим молитвам! Постой, а что такое «телевизор»?

— Это ящик такой, на полупроводниках...

— На полупра́ведниках? И царь Борис тоже поет?

— Да там все поют! И царь поет, и Григорий, а у вас там целая ария.

— Богохульство,— покачал головой Пимен.— А патриарх?

— Наверно, тоже поет. В опере все должны петь.

Старец поник, размышляя о чем-то, помолчал с минуту и прошептал:

— И святого владыку не пожалели! Видно, пришли наши последние дни! — Потом, оживившись, спросил: — Ну, а что летописец Пушкин пишет о наших последних днях? Чем кончается сказание?

— Что-то не припомню,— замялся Женя.— Последнее действие оперы я не досмотрел.

— Но раз есть летопись,— возвысил голос Пимен,— ее надобно прочесть! Или ты, окаянный баламут, не читал «Бориса Годунова»?

— Мы его еще не проходили,— честно признался Женя.

Старец побледнел, глаза его загорелись гневом:

— Братия, ко мне! Тут лентяй, невежда! Высечь и наказать его примерно!

О, если бы не тележка, что бы они сделали

с Женей! Проклятое средневековье! Монахи эти прямо фанатики какие-то!

Хорошо, что она находилась в соседней келье. Женя, словно предчувствуя, чем все это кончится, притащил ее с собой из деревни. Да, без тележки ему бы не выбраться из монастыря! Заточили бы, как пить дать! На века! На всю жизнь! На все оставшееся время каникул! И почему, почему раньше разрешали... гм... физически наказывать детей? Темнота. Невежество. Мрак. Еще его упрекают в неучености! Подумаешь, не читал «Бориса Годунова»... Хотя, конечно, стыдно немножко... Но сами-то хороши! Ничего себе методы! Нет уж, хватит с него Истории! Какое счастье все-таки жить в двадцатом веке!

Вскочив на тележку, он помчался сломя голову, сам не ведая куда. Но, видимо, все обошлось благополучно, потому что очутился Женя на даче у Максима Емельяныча. Вот он, Максим Емельяныч, такой родной и близкий. Сидит себе спокойно, в сером полувоенном костюме (правда, китель на нем какой-то странный, необычного покроя), рассматривает что-то на географической карте.

Женя никогда раньше не бывал у Максима Емельяныча. Любопытная комната — масса старинных вещей. А за окнами, за окнами-то уже темно! Эх, задержался Женя, опоздал! Ну и влетит же ему теперь от дяди Васи и дяди Жоры!

Максим Емельяныч оторвался от карты, глаза его округлились от удивления.

— Откуда ты, прелестное дитя?

— Я? — замялся мальчик.— Был тут неподалеку, знакомился с жизнью русских мо-

нахов. Невежливый народ. Масса предрассудков. И такие грубияны...

— Азиаты, фанатики,— поддержал его Максим Емельяныч.— Ладно, раз пришел — садись.

— Я лучше постою,— сконфуженно забормотал Женя.

— Понятно,— усмехнулся Максим Емельяныч,— и тебе досталось. Я тоже не рад, что связался с Россией... Народ некультурный, воевать-то по науке, по правилам не умеют...

В дверь осторожно постучали. Максим Емельяныч быстро нахлобучил на голову треугольную шляпу и громко сказал по-французски:

— Антре!

Вошел высокий военный (такие мундиры Женя видел: в них щеголяли наполеоновские генералы из известного фильма режиссера Бондарчука «Война и мир»), почтительно поклонился и затараторил по-французски. И лишь теперь Женя осознал, что он сам говорил с Максимом Емельянычем тоже по-французски! Странно, ведь в школе этот язык давался Сидорову с трудом. Значит, Максим Емельяныч — не Максим Емельяныч... Опять Сидоров попал в Историю! Но куда именно? Женя внимательно прислушался к разговору. Французский генерал сыпал словами: «Ваше императорское величество», «Третья армия», «Маршал Ней», «Ватерлоо»... Максим Емельяныч отвечал повелительными междометиями. «Какой же это Максим Емельяныч — это типичный Наполеон Бонапарт! — догадался Женя.— На нем треугольная шляпа и серый походный сюртук — все точно! Недаром дядя

Вася меня предупреждал — барахлят в телевизоре лампы... А может, в тележке подшипники заклинило? В общем, занесло меня...»

Генерал щелкнул каблуками и, четко печатая шаг, вышел из комнаты. Наполеон, не подозревая о своем сходстве с мирным преподавателем математики, продолжил прерванный разговор:

— Да, зря я связался с Россией... А ведь всегда бил русских! Взять хотя бы Аустерлиц, Бородино...

— Вы не правы! — Патриотические чувства юного пионера не позволили Жене промолчать. Теперь в своем собеседнике он видел только французского императора.— Это же мы вас разбили под Бородином!

— Кто это мы? — удивился Наполеон.

— То есть не мы, а русские,— пробормотал Женя, смутившись.

Но император был настолько возмущен Жениным заявлением, что не обратил особого внимания на некоторую неувязку.

— Чушь! — взбесился он.— Я победил под Бородином! Кутузов отступил и отдал Москву, столицу России! Это ли не победа?

— Но вы потеряли половину армии! — не унимался Женя.

— Меня доконал русский мороз,— капризно проговорил император,— и эти... партизаны... Варвары, не умеющие воевать! Мои солдаты не обучены сражаться с мужиками, вооруженными вилами! Но они мне отплатят за все. Завтра я возьму великолепный реванш. Битва под Ватерлоо будет изучаться потомками как шедевр стратегического искусства!

«Вот оно что, Ватерлоо! — понял маль-

чик.— Честное слово, мне вовсе не хочется помогать этому чванливому французу, но упустить такой момент... Сделаю последнюю попытку вмешаться в ход Истории!»

— Ваше императорское величество,— почтительно заговорил Женя,— к сожалению, должен вас огорчить. Именно при Ватерлоо вы потерпите сокрушительное поражение.

— Ерунда, глупости! Я тщательно разработал диспозицию, нет ни одной мельчайшей детали, которой бы я не учел, я застраховал себя от всех случайностей. Каждый батальон знает свой маневр. Я опрокину Веллингтона! Это говорю я, Наполеон Бонапарт, великий полководец!

— Согласен,— как можно вежливее заметил Женя.— Наступит момент, когда герцог Веллингтон начнет отступать. Но тут вам с тыла ударит прусский корпус Блюхера.— Женя говорил все это, гордясь тем, что так хорошо помнит подробности знаменитого сражения. Жаль только, никто из одноклассников, и особенно Алла, не видит, как он сейчас на равных беседует о стратегии и тактике с самим Наполеоном.

— Я и это учел,— надменно ответил Наполеон.— Наперерез Блюхеру двигается армия маршала Груши. Груши отбросит пруссаков и придет мне на подмогу. Как видишь, я предусмотрел все.

— Ваше величество! Корпус Блюхера появится первым! Это я вам заявляю с полной ответственностью!

Мальчик и император некоторое время смотрели друг на друга. Бонапарт отвел глаза. Левая щека его нервно дергалась.

— Кажется, я начинаю догадываться,— с многозначительной усмешкой выговорил император. Он опять глянул на карту и заговорил с прежней горячностью: — Тем не менее я все рассчитал верно. Маршал Груши обязан опередить пруссаков!

— Он заблудится и опоздает.

Наполеон снял треуголку, вытер ею лоб, вздохнул и с грустью произнес:

— Мой юный друг! Я старый, опытный генерал, я выиграл сотни сражений, я научился предупреждать случайности. Маршал Груши не может заблудиться, если только он не захочет заблудиться, понимаешь? Но тут я бессилен. Меня предал Талейран. Кто следующий? Я устал, понимаешь, мальчик? Многие генералы после того, как мы ввязались в эту варварскую войну с Россией, мечтают тихо и мирно служить трусливым Бурбонам... Продажные шкуры!.. Однако Груши присягнул мне, и я должен ему верить. Если я не буду доверять солдатам, присягнувшим мне... Нет, Груши обязан опередить Блюхера!

— А не поставить ли заградительный корпус? — предложил Женя.

— Откуда мне взять этот корпус? У Веллингтона и так на две дивизии больше. Выхода нет. Остается надеяться лишь на преданность моих маршалов.

За окнами послышалась нарастающая дробь барабанов. Пламя свечей заколебалось от размеренной поступи тысяч солдат.

— Вив лемпиратор! — раздался дружный хор молодых голосов.

Наполеон встал, выпрямился и отдал честь.

— Это корпус Ожеро,— прочувствованно сказал Наполеон.— Новобранцы идут умирать за Францию. Вот им я верю. Дети мои, ваш император честно исполнит свой долг!

И вдруг что-то щелкнуло, затрещало, раздался свист. Наполеон вздрогнул, а Женя услышал далекий, родной голос дяди Васи: «Женька, немедленно домой!» И словно невидимой волной мальчика выбросило из комнаты.

Глава XIII

Тележка сломалась

Еще в ушах звучали прощальные слова императора, дробь барабанов, приветственные крики солдат корпуса Ожеро, трубы духового оркестра, в последний момент заигравшего на улице старинный военный марш, а Женя уносился в глубь веков. Но куда, куда его несло? Что-то явно случилось с тележкой — мальчик потерялся, заблудился в Истории. Это было похоже на езду в неисправном лифте, когда не можешь попасть на нужный этаж — лифт останавливается, дверь открывается: «Простите, я ошибся», и нажимаешь следующую кнопку...

В первый раз открыв дверь, Женя увидел перед собой узкую келью и монаха Мисаила, который при появлении мальчика злорадно захохотал и схватил розги. Мальчик успел захлопнуть дверцу перед самым носом монаха. Снова провал, темнота, еще одна дверь, и Женя на пороге спальни графини Тосканской.

— Вот он, негодник! — вскричала графиня.

Опять провал, темнота... Куда он мчится?

Довольно, хватит, он хочет домой, его ждут дядя Вася и дядя Жора!

Тележка скрипнула и, набирая скорость, плавно пошла наверх. Напрасно Женя нажимал кнопки. Неожиданно тележка резко затормозила. Куда еще его забросило?

Женя осторожно потянул на себя железный засов...

В маленькой часовне ярко горели свечи, вставленные в серебряные подсвечники. Несмотря на то что мальчику удалось посетить и папу римского, и Ученого Пимена, он не мог сейчас точно определить, какая это церковь — православная или католическая (как-то все было некогда церкви разглядывать, не обратил внимания на различия). Он только знал, что возвышение из белого камня с золотыми воротцами и статуэткой распятого Христа называется алтарем. У подножия алтаря лежал пушистый коврик.

«Богатая церковь,— отметил Женя.— Все надраено, блестит. Но где я и кем являюсь в данный момент? Нет, видимо, с тележкой случилось что-то серьезное: я продолжаю думать по-русски и чувствую себя не каким-нибудь историческим персонажем, а самим собой, пионером Женей Сидоровым. Спрячусь-ка лучше за алтарь, поближе к тележке. Подожду, что будет».

Ждать пришлось недолго. Человек, появившийся в часовне с парадного входа, протопал к алтарю, переставил подсвечники (Женя, боясь выглянуть из-за алтаря, догадывался о действиях вошедшего только по звукам), неловко плюхнулся на коврик, выругался вполголоса:

— Плохо топят, пентюхи, задам-ка жару графу... — И зачастил молитву: — Отче наш, иже еси на небеси...

Человек бормотал скороговоркой старославянские слова, смысла которых Женя не разбирал.

Короткое молчание. Вздох. Человек заговорил неторопливо, на почти современном русском языке:

— Господь всемилостивейший! Голова моя устала склоняться под тяжестью царского венца. Чую сердцем: час мой близок, но раздумья мрачные терзают душу. Кто взойдет после меня на престол? Кто станет самодержцем великой империи?

«Везет мне на императоров,— подумал Женя.— От французского — к русскому. Из огня — в полымя. Но интересно, кто же этот?»

Человек у алтаря продолжал исповедоваться:

— Господь всемилостивейший и всемогущий! Не дал ты мне наследника. Что ж, такова твоя воля. Что прикажешь делать рабу грешному? У меня три брата. Все, между нами говоря, балбесы. Ты их и сам прекрасно знаешь, не будем называть имена...

«Он-то знает,— поморщился мальчик,— а я и не догадываюсь. Минуточку. Попробуем сообразить. Раз император — значит, восемнадцатый или девятнадцатый век. По школьной программе мы до них еще не дошли, а я с этим временем не успел ознакомиться. Кто же из русских императоров завещал престол брату? Прямо хоть в энциклопедию лезь, не помню».

— Старший цесаревич,— жаловался император,— наследник законный,— горе всей

нашей фамилии. На его совести ужасное преступление — кровь молодой француженки, которую он обесчестил и убил. Он анахорет, затворник и, по-моему, вольнодумец. Мамаша его ненавидит. Неужто ему? Другой братец туп, ограничен, прирожденный фельдфебель. Правда, более ничего плохого сказать о нем не могу. Дивизией командует отменно, аккуратен, любит порядок, служака, держится скромно... Ему бы губернией править, а не империей: размаха нет, воображения. Третий, самый младший,— забулдыга, ветрогон, ради красного словца не пожалеет и отца. Малый он добрый, чувствительный, но за карточным столом способен проиграть всю Россию. Типичный гусар. Уж чего-чего, а государственности в нем ни капли нет. О господи, грехи мои тяжкие, кому же завещать престол? Тяжела ты, шапка Мономаха!

«Ну и семейка! — подумал Женя.— Один другого стоит. Как жалко, что мы еще не проходили восемнадцатый и девятнадцатый века! Кажется, у меня есть возможность хоть чем-то помочь России, подсказать царю из трех зол выбрать меньшее... Старший — вольнодумец. Это хорошо. Но убийца, насильник? Никогда! Средний — тупой, ограниченный... Младший — ветрогон, страну проиграет в карты!.. М-да, небогат выбор...»

— Господь всемилостивейший,— взмолился император за алтарем,— услышь мои сомненья! Подскажи!

«У младшего ни капли государственности,— пронеслось в голове у Жени.— А средний хоть прилежен, аккуратен. Пожалуй, решу-ка я за бога!»

И чужим, басовитым голосом Женя произнес:

— Среднего!

За алтарем воцарилось молчание. Потом раздался истеричный шепот:

— О господи! Мне не почудилось? Ты услышал мои мольбы? Ты снизошел ко мне? Повтори, повтори!

— Среднего!—чуть громче произнес Женя.

— Благодарю тебя, всевышний! — завопил император.— Ты снял с меня тяжкий груз сомнений! Ты простер свою всемогущую длань и озарил мой разум! Ты назвал достойнейшего. Да исполнится воля твоя! Сегодня же составлю завещание.

«Вот уж не думал, что придется выступить в роли бога,— усмехнулся Женя.— Но пора сматываться, не ровен час, захочет этот припадочный заглянуть за алтарь... Все же любопытно: чье имя я ему подсказал? Кажется, заварилась каша... Вернусь домой, узнаю по учебникам, кого же это я собственноручно возвел на престол».

И, довольный содеянным, Женя юркнул в дверь.

* * *

Он полагал, что тележка пойдет наверх. Увы, не успел Женя пристегнуть ремни, как тележка ухнула вниз, в ушах засвистело, раздался скрежет, толчок, что-то мягкое стегнуло его по лицу («Ремни лопнули»,— успел подумать мальчик), его выбросило из сиденья, мелькнул кусок голубого неба... И Женя плюхнулся в воду.

Мальчик вскочил на ноги, отфыркиваясь и отплевываясь. Он стоял по пояс в воде, в двух метрах от берега. Слева желтела песчаная отмель, справа шелестели камыши. В одном месте камыши качались особенно сильно, и Женя догадался, что именно оттуда его «катапультировало». Тележка осталась в камышах. Тем лучше.

Женя выбрался на отмель, стащил с себя мокрую, липнувшую к телу одежду: курточку, рубашку, майку, брюки, полуботинки, носки... и растянулся на нагретом солнцем песке.

Через какое-то время послышалось шуршание в камышах, там, где оставалась тележка. Женя поднял голову. Пустынный берег. Никого...

Женя подумал, что в связи с неисправностью тележки время, проведенное им в Истории, наверно, соответствует нормальному времени. На даче уже вечер, а может, и ночь, взрослые волнуются, и давно пора домой, и очень хочется есть, но вот как отсюда выбраться?

Женя натянул на себя высохшую одежду и направился в заросли камышей.

Около тележки сидел кот, который при виде Жени выгнул спину дугой и зашипел.

Конечно, это был типичный дикий камышовый кот, но очень похожий на кота Ваську и кота Георгия одновременно.

— Не бойся, глупенький,— ласково сказал Женя.

Кот удовлетворенно мяукнул, полизал оборванные концы ремешков, и — о чудо! — ремни срослись.

Кот исчез в зарослях. Женя устроился по-

удобнее на тележке, пристегнул ремни и скомандовал:

— Домой!

Провал. Темнота. Женя почувствовал, что тележка начала плавный подъем. Но вдруг опять что-то заскрежетало, тележка снова резко затормозила. «Да, что-то явно сломалось в ней. А ведь меня предупреждали. Неужели мне никогда не выбраться из этой Истории»,— в который раз подумал Женя. Неожиданно для самого себя он оказался на... верхней площадке колокольни.

О, как тут было холодно! На кирпичных стенах блестел иней. Женя выглянул из узкого сводчатого окошка на улицу.

...Картина, которую он увидел внизу, была как-то странно знакома мальчику. Да это же Москва! Правда, не современная, а средневековая. Снежные улицы запружены народом. В центре одной из них на плоских деревянных санях черным пятном среди пестрой толпы выделялась фигура женщины. За санями бежал мальчишка в длинном полушубке, явно с чужого плеча. Женщина на санях, в темной богатой одежде, подняла правую руку с двумя вытянутыми пальцами и что-то крикнула. Толпа благоговейно загудела. Нищий, сидящий на снегу, в драном платке и рубище, тоже поднял руку и вытянул два пальца.

«Боярыня Морозова! — догадался Женя.— Прямо с картины Сурикова из Третьяковки!»

Боярыня Морозова повернула к Жене свое красивое, исхудалое лицо с огромными, горящими черными глазами, и Женя узнал в боя-

рыне... Раису Яковлевну (правда, с такими горящими глазами Женя видел Раису Яковлевну только один раз — когда она приезжала на дачу и разговаривала с дядей Жорой). Наверное, боярыня тоже заметила Женю, потому что вдруг она указала двумя вытянутыми пальцами на крышу колокольни и пронзительным голосом крикнула:

— Младенцев спасайте! Спасите детей!

— Святая мученица... — пронеслось по толпе.

В этот же момент тележка опять подхватила Женю, и не успел он опомниться, как в два счета очутился перед открытой дверью дачного погреба. Сильные руки дяди Васи вытащили мальчика из тележки. Дядя Жора закутал Женю в свой теплый овчинный тулуп. Дядя Вася смеялся, дядя Жора плакал. Они стискивали Женю в своих объятиях, ощупывали, словно желая убедиться в том, что он цел и невредим.

— О проклятая тележка! — бормотал дядя Вася.— Хватит, отъездились!

— Женечка, солнышко,— всхлипывал дядя Жора,— мы же чуть с ума не сошли!

— Ночь на дворе, мороз, а ты в одной куртке! — сокрушался дядя Вася.

— Вернулся все-таки! Не потерялся! — радовался дядя Жора.

— Сейчас выдеру, как сидорову козу! — говорил дядя Вася.

— Сейчас накормим, напоим горячим чаем, и спать,— повторял дядя Жора.

Дядя Вася плотно захлопнул люк и, когда они поднялись в сад, повесил на дверцу погреба большой новый замок.

Женя так продрог, промерз, проголодался и устал, что быстро съел горячий ужин (взрослые подкладывали ему самые вкусные кусочки из жаркого), напился обжигающего чаю с малиновым вареньем, и сразу же глаза его начали слипаться, а тело охватила сладкая истома.

Дядя Вася и дядя Жора довели его до кровати, помогли раздеться. Мальчик рухнул в постель как подкошенный, не преминув все же сообщить:

— Дядя Вася, сидорову козу не выдрали, а выбрали. Как самую упитанную и породистую. Хорошая была коза!

— Спокойной ночи, путешественник,— ответил дядя Вася, поправляя одеяло.

* * *

Женя проснулся довольно поздно и долго лежал с закрытыми глазами. Он боялся вновь очутиться где-нибудь в средних веках. Но нет, он на даче,— ветки деревьев тихо царапают по крыше, привычно тикает будильник.

Вскоре, однако, послышался шум мотора, какие-то возгласы, шлепанье, будто на землю скидывали тяжелые вещи.

Женя проворно подскочил к окну. Ворота участка были распахнуты настежь, во дворе тарахтел грузовик, трое рабочих сгружали кирпич, мешки с цементом и прочие стройматериалы. Около раскрытого погреба виднелась пирамида: бочка из-под капусты, ящики с книгами, банки с огурцами, какие-то узлы. Дядя Жора, оживленно жестикулируя, растолковывал что-то рабочим.

Мальчик мигом оделся и выбежал в сад. Первым делом он заглянул в погреб и увидел, что все замазано свежей штукатуркой, белилами, и на стене не заметно даже контура овального люка. Как будто его и не было никогда!

— Женечка, с добрым утром! — приветствовал его дядя Жора.— Сейчас пойдем завтракать. Мы тут небольшой ремонт затеяли, а то в погребе появились дыры, щели и пол прогнил... Ребята обещают за месяц-полтора управиться...

«Значит, конец моим приключениям»,— подумал Женя и, как ни странно, почувствовал облегчение. Словно гора с плеч свалилась. Правда, возникло подозрение, что причина ремонта вовсе не та, о которой говорил дядя Жора. Пол-то, наверно, действительно прогнил.

А может, под предлогом ремонта погреба исправляли тележку, которая расшаталась от частых Жениных поездок?

А вдруг Жене и впрямь удалось кое-что изменить в Истории, и там настолько все запуталось, что потребовалась срочная переделка? Где? В каком месте? В какой эпохе? И как это можно исправить с помощью цемента и кирпичей?

Пока дядя Жора жарил на кухне яичницу с колбасой (одновременно подкидывая кусочки котам), мальчик кружил около плиты, лихорадочно вспоминая события последнего дня. Неужто Наполеон выиграл битву при Ватерлоо? Да нет, он не собирался менять диспозицию. Или Гришка Отрепьев чего-нибудь накуролесил? Человек он вздорный, упрямый и вряд ли послушался Жениных советов. Восстановление «доброго имени» сидоровой козы? Вряд ли подобная мелочь могла повлиять на всемирно-историческое развитие человечества...

За завтраком мальчик помалкивал, и дядя Жора озабоченно на него посматривал.

— Женечка,— спросил дядя Жора, разливая какао,— ты, случайно, не простудился? Вчера ушел из дома в одной куртке, а на дворе зима. Или, может, на даче плохо натоплено?

Плохо натоплено?

И тут Женю осенило: ну правильно, российский император жаловался в часовне на холод и вопрошал у бога, кому передать трон, а Женя подсказал ему престолонаследника. Естественно, История пошла кувырком!..

Женя отложил вилку, вытер губы салфеткой и бросил хитрый взгляд на дядю Жору:

— Дядя Жора, в сегодняшних газетах не было никаких важных сообщений?

— Важных сообщений? — Дядя Жора поскреб подбородок.— Конечно, были. В стране каждый день происходят важные события. Сегодня, например, Центральное статистическое управление сообщило...

— Да я не о том,— перебил его обычно вежливый Женя.— Исторических сенсационных открытий не публиковали?

— А что? — забеспокоился дядя Жора.— Обнаружились следы пришельцев из космоса?

Какие недогадливые люди эти взрослые! Женя отхлебнул какао и начал издалека:

— Дядя Жора, не помните, у кого из русских императоров не было детей, а оставалось три брата? Кому из них он завещал трон?

Дядя Жора сосредоточенно уставился в потолок, как будто там он мог прочесть ответ на Женин вопрос.

— Сейчас, дай подумать. Да, как же, был такой — император Александр Первый. Он не имел детей и в своем письменном завещании передал престол одному из братьев. По закону наследования новым императором должен был стать старший брат...

— А стал средний!.. — ликующе воскликнул Женя.

— Вы же еще не проходили девятнадцатый век! — удивился дядя Жора.

— Нет, я просто интересуюсь историей,— скромно ответил Женя.

— Молодец! — похвалил его дядя Жора.— Историю надо изучать. Вот вырастешь, закон-

чишь исторический факультет, скажем, Московского государственного университета, защитишь диссертацию и будешь преподавать историю. Очень хорошая работа. А насчет Александра Первого все верно. У него было три брата—Константин, Николай и Михаил. Александр возвел на престол среднего, Николая Павловича, одного из самых жестоких русских царей. В народе его прозвали Николаем Палкиным. Кстати, именно он подавил восстание декабристов на Сенатской площади... Это ты, наверное, знаешь... Женя, ты почему не пьешь какао?

— Не хочу,— ответил мальчик, отодвигая стакан.— У вас на даче есть сочинения Пушкина? Полное собрание? Прекрасно! Как раз успею прочесть к концу каникул.

Глава XIV

Удивительное рядом

День был весенний, солнечный. Все кругом сверкало, искрилось, зеленело, распускалось, щебетало, чирикало. На высохших тротуарах девочки играли в классики, мальчишки гоняли мяч. И писатель, в общем-то, не очень старый, но, к сожалению, уже не очень молодой, бродил по улицам в поисках какого-нибудь самого завалящего вдохновения (нам, писателям, без него нельзя: без вдохновения даже маленького рассказа не сочинишь). Так вот, ходил я, ходил и вдруг вижу: на тротуаре лежит ключ. Самый обыкновенный желтый английский ключ от квартиры. Ну, думаю, с

вдохновением что-то пока не очень ладится, зато вот ключ нашел. А может, ключ этот — от волшебной двери? И вдруг откроет он мне какую-нибудь тайну или хотя бы просто даст тему для рассказа? Дескать, шел человек, нашел ключ, отдал хозяину. Это про хорошего человека, значит, рассказ. Только, думаю, рассказ получится не смешной — ничего нового, обыкновенное происшествие. А ведь хочется-то, честно говоря, необыкновенного чего-нибудь и, может быть, даже немножко смешного.

Но тут, гляжу, на повороте к ближайшему дому книжка валяется. Я и ее поднял, полистал. Учебник шестого класса по литературе. А не потерял ли эту книжку тот же человек, что и ключ? Посмотрел я на ближайший дом — вроде подходящий, направился к нему. А у второго подъезда тетрадка лежит. Читаю: «Тетрадь по алгебре ученицы шестого класса «А» Аллы...» Ну, думаю, ясное дело,— наверно, все найденные мной вещи принадлежат этой самой девочке. Вон она какая забывчивая, даже фамилию свою в тетради не написала. Зашел я в подъезд. Квартир много. В какой искать Аллу-растеряху? Решил рискнуть, может, думаю, еще какой-нибудь след обнаружу. Добрался до третьего этажа — и верно: у тридцать первой квартиры на коврике поблескивает металлическим ободком авторучка. На всякий случай, для проверки, сунул ключ в дверь — в самый раз.

Тогда я, как человек интеллигентный, ключ вынул и позвонил.

Дверь мне открыл мальчик, серьезный такой мальчик, в белой рубашке, в пионерском галстуке.

— Простите,— говорю,— здесь, случайно, не проживает некая Алла?

— Угадали,— отвечает мальчик.— А какое у вас к ней дело?

Я протягиваю книжку, тетрадку, авторучку, ключ.

— Вот,— говорю.— У меня впечатление, что вещи эти принадлежат вашей Алле.

— Точно,— отвечает пионер.— Очень на нее похоже. А вы входите. Чего стоять, в ногах правды нет.

Чем-то сразу понравился мне этот мальчик — толковый такой, рассудительный. Вошел я. Положил вещи на стол. Спрашиваю:

— А ты что, ее брат?

— Нет,— отвечает мальчик,— мы просто одноклассники. Хотел Алке помочь подготовиться к контрольной по истории, а она, оказывается, забыла о нашей договоренности и в кино убежала с Машей Мусиной, на двухсерийный фильм. Вот я ее тут и жду.

— Как же ты в квартиру попал?

— Это легче легкого,— отвечает пионер.— В нашем классе у всех Алкины ключи есть, она их каждый день теряет. Присаживайтесь, пожалуйста. Чаю выпьете?

— С удовольствием,— говорю,— только давай сначала познакомимся.

И называю себя. Мальчик зажигает газ, ставит чайник, по-хозяйски достает из шкафа стаканы, ложки, сахарницу.

— Меня,— говорит,— зовут Женя Сидоров. А вы действительно писатель?

— Стар я,— говорю,— шуточки шутить. Не в пример твоей подружке, которая в гости позвала, а сама в кино отправилась.

— Да я на нее не в обиде,—вздохнул Женя Сидоров.— Она и вправду забыла о контрольной. Память-то девичья, короткая. Да что говорить! Мы с ней зимой однажды в средние века попали, а через неделю она меня спрашивает: «Женька, какой мы фильм смотрели про Каноссу, Римского папу и германского императора?» Все у нее в голове перепуталось, сплошное кино.

— Постой,— говорю,— парень, чего-то я не понимаю, вы на самом деле не в кино, а в театр ходили?

— Хорош театр! — насупился Женя.— Да я же говорю, мы попали в средние века, в настоящую Историю. С графиней Тосканской за одним столом сидели, вот как сейчас с вами.

— Любопытно,— говорю я.— Может, расскажешь поподробнее? Я все-таки писатель, для меня такие приключения — сущий клад.

Женя окинул меня оценивающим взглядом.

— Пожалуйста. Я давно намеревался с кем-нибудь поделиться своими приключениями, да не с кем. Дома не поверят, в классе засмеют...

— А я,— говорю,— поверю. Давай выкладывай. Жду с нетерпением. По собственному опыту знаю — в жизни все бывает.

Женя глянул на часы, выключил газ, разлил чай.

— Ладно. Две серии, да еще индийского фильма, часа три займут, не меньше, успею.

И Женя рассказал мне эту удивительную историю.

...Чай остыл, а я к нему и не притронулся, настолько меня захватили Женины путешествия. Естественно, я начал расспрашивать маль-

чика с пристрастием. Выпытывал у него разные подробности (то есть то, что у нас, у писателей, называется деталями), и вскоре мне стало совершенно ясно, что парень говорит абсолютную правду. Фантазия? Я сам люблю фантазировать, но ведь такое даже не приснится.

— Женя, — осторожно поинтересовался я,— ну а какой ты лично для себя сделал вывод после всех этих приключений?

— Надо учиться и учиться! — убежденно ответил мальчик.— Овладевать знаниями и читать побольше художественной литературы! Я был очень самонадеянным, думал, история проще пареной репы; запоминай только даты и факты — и во всем прекрасно разберешься. Нет, только добросовестные ученые и настоящие писатели могут правильно понять прошлое.

— А твои родственники что тебе говорили? Я имею в виду дядю Васю и дядю Жору.

— На даче мы каждый вечер обсуждали мои путешествия. Жаль, что каникулы так быстро кончились. Хорошее было время!

Женя помолчал и добавил:

— В общем, мы каждый эпизод рассматривали со всех сторон и пришли к выводу, что в истории всё закономерно и обоснованно. Нет никакого фатализма. Просто все было так, как должно было быть по логике развития человеческого общества. Но людям надо изучать ошибки прошлого, чтобы не повторить их в будущем.

«Да,—подумал я,— пребывание на даче явно пошло мальчику на пользу. Однако в его рассказе есть некоторая неувязка...»

— Женя, а как объяснить сходство дяди Васи с Цезарем, дяди Жоры с Помпеем, Максима Емельяныча с Наполеоном? Насколько я помню, даже боярыня Морозова показалась тебе вылитой Раисой Яковлевной? И портрет Ирины, то есть Марины Мнишек? И эти легионеры, Квитанций и Полотенций?

— Тут как раз все просто,— небрежно заметил Женя.— Мои дяди мне доказали, что в истории по теории вероятности обязательно должны встречаться люди, внешностью и характером похожие на наших современников. Ведь люди живут на земле уже тысячи лет.

— Послушай, Женька,— оживился я,— ты, случайно, не встречал там человека, похожего на меня?

Женя внимательно на меня глянул:

— Пожалуй, нет.

— Женька,— как бы между прочим спросил я,— а нельзя ли и мне побывать на этой даче?

— Пожалуйста.— Мальчик пожал плечами и продиктовал мне адрес.— Правда, Максим Емельяныч в Ленинград уехал, его пригласили преподавать в Политехническом институте, но дядя Вася и дядя Жора по-прежнему на месте.

«Может, ключ ко всей этой истории прост,— подумал я,— дядя Жора и дядя Вася изобрели новый объемный кинематограф, результаты своего открытия пока не обработали, на Женьке экспериментировали. Кое-что еще не доведено до конца...»

— Женька, а в погреб ты больше не спускался? И по этому необычному телевизору никаких картин не смотрел?

— Нет,— ответил мальчик.— Погреб закрыли на ремонт... а телевизор — что телевизор? Я и не помню, как он точно выглядит. Впрочем, мы ведь заранее условились, что вы не сомневаетесь в правдивости моего рассказа...

«Ну,— подумал я,— тут парень темнит. Вероятно, дал слово никому про телевизор не рассказывать. Что ж, верность слову — дело святое. И ведь совершенно правильно рассуждает: или я ему верю, или незачем огород городить».

Глянул я на часы.

— Женя, кажется, пора бы уж и Алле возвращаться?

— Нет,— говорит,— не пора. Не было еще случая, чтобы Алла не опоздала. Так что у нас есть пока время для беседы. Кстати, Алла мне рассказывала, что происходило на даче и в городе в мое отсутствие.

Я и это выслушал.

— Хорошо,— говорю,— но почему именно тебе твои дяди открыли свой секрет?

— Дядя Жора мне признался,— потупился Женя,— что нынешняя молодежь увлекается фигурным катанием, хоккеем, математикой... Интерес к истории падает, а я, мол, исключение из правил, и надо растить достойную смену... Я давно решил: после школы поступлю на исторический факультет.

Входная дверь распахнулась, в квартиру ворвалась девочка, грохнула портфелем об пол, швырнула берет на стол, одну туфлю оставила в передней, другую закинула под тахту и с ходу затараторила:

— Ой, Женька, извини, я совсем забыла, а

разве у нас завтра контрольная? Здравствуйте! Такой фильм был мировецкий: шпион прыгает на парашюте, а пионер Ваня — за ним на лошади, а ему наперерез бросается мушкетер, но их опережает раджа, который девушку украл... Ой, кажется, я все перепутала... Про мушкетеров я смотрела вчера...

Я понял, что это пришла Алла. И еще я понял, что напрасно Женя недооценивает роль женщины в истории. По тому, как он покраснел и смутился при появлении девочки, можно предположить, что в недалеком будущем ему будет трудно уделять все время учебе и науке.

Я тихо удалился, чтобы не мешать детям.

Итак, передо мной раскрылось обширное поле деятельности. С чего начать? Пойти в школу, познакомиться с этими преподавательницами, о которых говорил Женя? Но Ирина Алексеевна обязательно затеет спор о стихах, а я не силен в современной поэзии. И что я могу у нее спросить: почему она так похожа на Марину Мнишек? Нелепый вопрос. С Раисой Яковлевной на первый взгляд проще. Можно пригласить ее в Третьяковскую галерею и подвести к «Боярыне Морозовой»... В моей памяти всплыла картина Сурикова, гневное, волевое лицо раскольницы...

В сущности, что я хочу узнать? Существует ли таинственный погреб на даче Жениных родственников? Или, может быть, они изобрели фантастический кинематограф? Маловероятно, но надо проверить.

И я поехал на дачу.

* * *

Перед дощатым дачным забором на вытоптанной полянке, покрытой реденькой зелено-бурой травкой, стоял старый, до боли знакомый, самого первого выпуска «Запорожец» на трех колесах, а четвертое колесо было поддомкрачено. Из-под «Запорожца» торчали две ноги в заплатанных фирменных джинсах и спортивных кедах английского образца на толстой узорной подошве. Вокруг «Запорожца», играя, носились два кота. Кто из них был Васька, кто Георгий, я разобрать не мог. Зато ноги явно принадлежали дяде Васе.

Я подошел к машине, закурил.

— Здорово, хозяин,— сказал я как можно приветливее.— Еще бегает развалина?

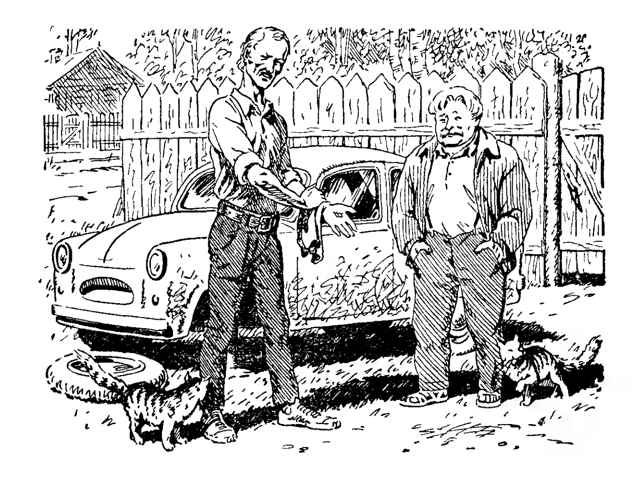
— Не моя машина. Знакомый клиент мучается,— ответили из-под «Запорожца».— В карданах болты на двенадцать, скорости не выдерживают, откручиваются. У новых моделей болты на четырнадцать, держат. А с этими — одна морока.

«Для древнего римлянина он неплохо разбирается в технике»,— подумал я, а вслух сказал:

— Есть такой анекдот: едет «Запорожец» по шоссе и подпрыгивает. Милиционер его останавливает...

— Анекдотец-то с бородой,— ответил дядя Вася, вылезая из-под машины и вытирая руки промасленной тряпкой.

Я помнил портрет Юлия Цезаря по учебникам: римский профиль, бритая голова. А тут на меня смотрел длинноволосый, по теперешней моде, человек с небольшими баками и уса-

ми. Не поймешь: есть ли сходство с Цезарем или нет?

Из дачной калитки вышел другой мужчина, пожилой, голова чуть набок, усы пышные, пшеничные. Портрета Помпея я отродясь не видал. Попробуй установи сходство!

— Василь Палыч,— сказал мужчина, обращаясь к моему собеседнику,— за пивом не хочешь сбегать?

— Успеется, Георгий Михалыч,— ответил дядя Вася.— Вот товарищ машинами интересуется.

— Здрасте! — сказал я.

— Привет! — ответил дядя Жора.

— Машины нынче ненадежны,— сказал я и кинул первый пробный камень: — Раньше, бывало, кони несут карету — красота! Кони

сытые, бьют копытами... и никаких запчастей не требуют.

— Я тоже люблю лошадей,— оживился дядя Жора.— Иногда балуюсь, хожу на Московский ипподром. Но Орловские дерби не скоро, в конце июня. А я предпочитаю серьезные соревнования с крупными призами. Впрочем, играю по маленькой. Больше так, слежу за развитием конного спорта в нашей стране и за рубежом...

И дядя Жора вытащил зачем-то секундомер и щелкнул кнопкой.

«Хитрющий дядя,— подумал я.— Вывернулся. Придется сделать второй заход».

— Квот лицет Йови, нон лицет бови,— чуть запинаясь с непривычки, произнес я вычитанную в словаре латинскую пословицу, которая означала: «Что дозволено Юпитеру, то недозволено быку!» Как вы сами понимаете, к разговору нашему это не имело никакого отношения — и Юпитер и бык были здесь абсолютно ни при чем, но я старался любыми путями выйти на интересующую меня тему.

Мои новые знакомые как-то странно переглянулись («Ну,— подумал я,— кажется, клюнуло»), потом дядя Жора почесал подбородок и с иронией произнес:

— Вроде магазин только открылся, а товарищ, интересующийся машинами, успел уже поднабраться...

— Если он думает, что в дачной местности можно нецензурно выражаться,— сурово заметил дядя Вася,— то имейте в виду, тут милиционер рядом живет.

— Товарищи, я не ругаюсь,— смущенно залепетал я,— это латинское...

— Чего ты там пил, латинское или кахетинское,— перебил дядя Вася,— меня не волнует. Оправдываться будешь в милиции.

— Товарищи, да я не сообразил...— начал было я.

Но дядя Вася опять меня перебил:

— Мы на троих не соображаем! Дуй на станцию. Там найдешь собутыльников. И то вряд ли. У нас алкоголиков с каждым днем все меньше и меньше.

— Я просто хотел спросить,— забормотал я, понимая, что все потеряно и моя дипломатия потерпела полный крах,— не сдают ли поблизости дачу на летний сезон?

— Мы не сдаем,— отрезал дядя Вася и решительно полез под машину.

Дядя Жора недружелюбно на меня покосился, и даже коты ощерились и зашипели.

Я пошел дальше по улице, стараясь не оборачиваться, а когда все-таки оглянулся, из-под «Запорожца» по-прежнему торчали ноги дяди Васи, а дяди Жоры не было видно.

«Бессмысленно разговаривать с людьми,— думал я,— когда они не хотят с тобой общаться. И с какой стати им раскрывать тайну первому встречному? А сошлись я на Женю, меня бы подняли на смех, да и Женьке бы влетело — дескать, зачем болтаешь?»

Я остановился, осмотрелся и, крадучись вдоль забора, вернулся к даче. Вот он, погреб, похожий на маленький земляной холм (вход в погреб с противоположной стороны мне виден не был), а вот и знаменитая Женина ель, которая светилась голубым сиянием в новогод-

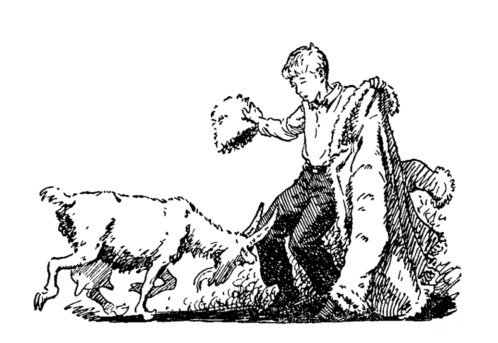
нюю ночь. Ель высокая, раскидистая, красивая елка, конечно, но ничего такого особенного в ней не было — дерево как дерево. Из чистого любопытства я просунул руку между досками забора и прикоснулся к стволу. Дерево мерно подрагивало, как будто в глубине, под его корнями, земля сотрясалась от марша легионов, от глухой поступи многотысячной конницы, и эта дрожь передалась мне, и я стоял долго-долго, прилипнув к забору, прислушиваясь, пытаясь проникнуть в тайны земли, и со стороны, наверно, это было смешное и нелепое зрелище.

Что я услышал там, около ели, рассказывать не буду. Вполне вероятно, мне просто кое-что почудилось. А может, дерево подрагивало от проходившей мимо электрички?

Высоко в небе пророкотал самолет. Я глянул наверх, на серебристую птицу, тянувшую за собой туманный след, и подумал, что не случайно здесь растет ель, похожая на космическую ракету. В мире все взаимосвязано. И вряд ли бы летали самолеты и космические корабли, если бы когда-то на земле не родился человек по имени Икар...

Я вытащил из щели руку и прямиком направился к станции. По дороге я размышлял о том, как мало мы знаем о жизни теперешней и еще меньше — о жизни наших предков. Мы убеждены, что люди давно прошедших веков исчезли бесследно, оставив после себя только памятники архитектуры, книги, легенды. Конечно, исторические памятники и реликвии будят наше воображение. Конечно, книги и легенды доносят до нас отзвук той, давно прошедшей жизни. Но неужели жизнь миллионов

наших предшественников канула в вечность? И что такое эта вечность? Не хранятся ли в уголках нашей памяти картины и сцены давно минувших веков? И вдруг эти давно минувшие века гораздо ближе к настоящему, чем нам иногда кажется?

ОГЛАВЛЕНИЕ

Для младшего школьного возраста

Анатолий Тихонович Гладилин • СЕКРЕТ ЖЕНИ СИДОРОВА

Ответственный редактор *Е К Махлах* Художественный редактор *А В Пацина* Технический редактор *И Я Колодная.* Корректоры *Э Л Лофенфельд* и *Л А Рогова* Сдано в набор 9/VI 1975 г. Подписано к печати 4/XI 1975 г. Формат 84×108¹/₃₂. Вум. типогр. № 1 Печ. л 6. Усл. печ. л 10,08. Уч.-изд. л. 7,41. Тираж 100 000 экз. Заказ № 1038. Цена 40 коп. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература». Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росглавполиграфпрома Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, Сущевский вал, 49.